

Франклин Меррелл-Вольф

ПУТИ В ИНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

(Личная запись преобразования сознания)

F.Merrell-Wolff. Pathways Through To Space:

The intimate record of transformation in consciousness. N.Y., 1973

ПРЕДИСЛОВИЕ

По случайному стечению обстоятельств осенью 1971 года библиотекарь института электроники и электротехники Патриция Оулдс предложила мне в одной из моих групп в Нью-Йорк Сити первое издание “Путей”. Она усмотрела глубокую внутреннюю связь между этой книгой и моей работой. Я прочел книгу в свободный уикенд и был до того взволнован, что тут же начал искать, во-первых, экземпляр для себя, (в этом мне помог Сэмюэль Вейзер), во-вторых, автора, и, в-третьих, издателя или владельца авторских прав. Автор писал о преображении сознания в 1936 году, когда ему было сорок девять лет, — с тех пор, стало быть, прошло тридцать пять лет, и я даже не был уверен, жив ли он. Я отправил свой экземпляр Артуру Сэппо из Джулиан-пресс, только что опубликовавшему мой “Центр циклона”. Он полностью разделил мой энтузиазм и помог начать поиски автора, которые, впрочем, закончились неудачей.

Прошел год. Я вернулся в Исаленский институт в Биг Шур (Калифорния), где вел новую группу. И вот как-то раз ко мне подошла одна пара: “Насколько нам известно, — сказали они, — вы ищете Меррелл-Вольфа”. Слегка удивившись, я ответил: “Да, это верно”. Они сообщили, что он жив и обещали прислать его адрес.

Неделю спустя мы с Тони действительно получили адрес и без промедления отправились в путь. Вдоль восточных отрогов Калифорнийской Сьерра-Невады мы добрались до городка Лоун Пайн, расположенного у одной из самых высоких гор США — Маунт Витни. Доктор Вольф в телефонной книге не значился. Почтальон сказала, что у него есть почтовый ящик, но адрес она сообщить не может. Тогда я написал открытку на имя доктора Вольфа и попросил передать ему. В этот момент на почту зашел человек, и почтальон обратилась к нему: “Вы, кажется, знаете, где живет доктор Вольф, и, может быть, подскажете доктору Лилли, как туда проехать”. Он начертил нам план. Мы выехали из городка, находившегося на высоте трех тысяч семисот футов, и поднялись до шести тысяч футов по склону горы Витни. Когда дорога стала настолько узкой, что мы готовы были уже сдать ее, на повороте показался небольшой дом. Я подошел и постучал. Дверь отворил веселый пожилой человек с искоркой в глазах, типа героев Ван-Дейка. “Доктор Вольф?” — спросил я. — “Да”, — ответил он. — “Я прочел “Пути в иные измерения” и хотел бы с Вами побеседовать. Могли бы мы условиться о времени?” — “Входите, — сказал он. — Всякий, кто находит эту дверь, находит ее открытой”.

В последовавшей затем четырехчасовой беседе с доктором Вольфом, в которой участвовали также его жена и один из учеников, мы говорили о многом — от обета бодхисаттвы до приверженности к автомобилям, а также о том, отчего так надоедает оставаться на этой планете. Мы обсудили возможность переиздания “Путей”.

Доктор Вольф принял мой “Центр циклона” в обмен на экземпляр “Путей”. Он заметил, что “Центр” недавно рекомендовал ему один из его учеников, обещавший раздобыть экземпляр. С веселым блеском в глазах он сказал своей жене: “Передай, пожалуйста, NN, что я уже получил книгу, о которой он говорил, причем от самого автора”. Д-р Вольф преподнес мне в подарок свою последнюю книгу “Философия сознания без объекта”, написанную им в 1970 для учеников. Я очень ясно почувствовал, что время для переиздания “Путей” настало, и высказал мнение, что на сегодняшний день сотни тысяч людей готовы к запечатленным в этой книге переживаниям и философским идеям. Я подчеркнул, что таких людей именно тысячи, тогда как в 1944 году нуждавшихся в подтверждении собственного опыта на пути “джнана” — т. е. интеллектуального пути к высшим состояниям, — насчитывалось в лучшем случае несколько сотен. Личные переживания, озарения и постижения доктора Вольфа описаны с подкупающей простотой и обладают удивительной способностью преображать всякого, кто готов для его помощи.

Я сам, читая эту книгу, обнаружил, что вхожу в состояния, пространства и вселенные очень высокого порядка, причем столь часто, что на знакомство с книгой ушло несколько недель. Когда бы я ни раскрыл ее, эти переживания повторяются, и то же воздействие оказывает на меня “Философия сознания без объекта”. Стоит открыть ту или иную книгу буквально наугад и немного, почитать, как мое состояние меняется и сознание переходит в весьма значительные и восхитительные сферы. (Кроме “Путей” таким влиянием на меня обладают лишь две книги: “Создатель звезд” Олафа Степлтона и “Законы формы” Спенсера Брауна).

Когда я читаю лекции и веду группы, то нахожу все большее число людей с аналогичным моему и доктора Вольфа складом ума, — которые могут быть запрограммированы в более высокие состояния сознания надлежащим материалом для чтения. Они составляют новую, бурно растущую аудиторию для этих книг. Я искренне рад, что эти люди могут теперь разделить поистине великий труд доктора Вольфа и его глубокие переживания.

*Д-р медицины Джон К. Лилли,
Лос-Анджелес, Калифорния, январь 1973 года.*

Посвящается тем, кто,
обнаружив пустоту внешней жизни,
жаждет жизни вечной

ВВЕДЕНИЕ

Прошло уже более 36 лет с тех пор, как на меня обрушились внутренние события, которые привели к написанию этой книги, и теперь я могу сказать, что исключительная ценность такого раскрытия осталась неизменной. Я действительно оцениваю это Сокровище превыше любого достижения в сфере обычного мира, будь то политика, бизнес, наука, философия, математика или искусство. Все это гораздо ниже тех великих ценностей, которые проистекают из Озарения. Для моего нынешнего состояния сознания остается верным мое заявление, что без интуиции и возможностей Высшего Сознания никакие свершения в мирской сфере не могут быть эффективным разрешением столь очевидной в этой сфере несправедливости. Это означает, что бесперспективны, в самой основе, все усилия человека распутать свои проблемы, сделать жизнь богаче и освободить ее от проявлений зла. Достаточно лишь взглянуть на страницы истории, чтобы убедиться: зло, существовавшее в прошлом, существует и поныне, причем в той же, если не в большей степени.

Прогрессируя в своем научном познании, мы активизируем не только силы добра, но и силы зла — с тем результатом, что прежние трудности и ошибки возвращаются к нам в усиленной форме. Поэтому для подлинного разрешения этих проблем желательно, чтобы все больше людей достигало Озаренного Сознания с его перспективами и возможностями.

Традиционным избавлением от несправедливости был уход от мира, но этот путь — не единственный: существует возможность преобразить сферу внешней деятельности до такой степени, что нормализуется и преобразуется сама эта сфера. В результате благородная цель не будет искажена недостойными средствами. Задача, которая стоит перед нами, в глубочайшем смысле слова религиозна.

Причем, если мы обратимся к традиционным формам религиозного сознания, то вынуждены будем признать, что они потерпели полную неудачу. В той или иной степени это относится ко всем известным религиям, так что традиционный подход изначально несостоятелен.

Поэтому мне представляется необходимым, чтобы как можно больше людей стремились к окончательному Достижению — тому достижению, которое является самой сущностью религиозного поиска. Кроме того, мотивом этого стремления должно быть Освобождение не только личное и даже не человечества в целом, но и всех существ, какими бы незначительными они ни были. Ибо тот, кто на пути к собственному Достижению не забывает о других, самым определенным образом способствует освобождению себя самого. Целью всегда должно быть благо всех существ, а не только личное благо.

*Ф. Меррелл-Вольф,
Лоун Пайн, Калифорния, январь 1973 г.*

Невыразимый переход наступил десять дней назад.

Мы только что вернулись в свой дом в Южной Калифорнии после нескольких недель пребывания в маленьком городке в местности Мазер-Лауд в северной части штата. Отдыхая после бессонной ночи, проведенной за рулем, я просматривал некоторые разделы “Системы Веданты” Пауля Дейссена, чем занимался более или менее систематически уже недели три. Книга Дейссена представляет интерпретацию Веданты в системе западной философии на основе комментариев Шанкары к Брахма Сутрам. Этой программе чтения я следовал потому, что убедился на опыте — слова Шанкары имеют на меня особое влияние. Какое-то время я искренне считал его своим Гуру, с которым находил

полное взаимопонимание. (“Гуру” — санскритское слово, означающее — “духовный учитель”) Его изложение всегда было для меня внятнм и убедительным во всем, что касалось анализа сознания, тогда как у других мудрецов я находил либо неясности, либо какие-то нюансы, с которыми был не вполне согласен.

Несколько месяцев назад я решился погрузиться в мысль Шанкары так глубоко, насколько это вообще возможно при чтении перевода. Именно с этой целью я не спеша, читал и размышлял над “Системой Веданты”. Большую часть времени я был совершенно один и больше, чем всегда, преуспел в проникновении в смысл того, что читал, и следовании логике прочитанного.

Однажды, сидя за столом после ужина, я обнаружил, что незаметно перешел в очень приятное состояние созерцания. Подлинное содержание сопровождавших этот переход мыслей я не помню, но поскольку предусмотрительно отметил и подверг само это состояние тщательному анализу, то его характер глубоко запечатлелся в моей памяти. Дыхание изменилось, но не в плане заметного замедления или ускорения, разве что оно было чуть медленнее обычного. Главная перемена состояла в каком-то тонком свойстве, связанном с воздухом. Казалось, что в воздухе разлита какая-то незримая субстанция неопишуемой сладости. Описываемое ощущение сопровождалось прекрасным самочувствием, даже чисто физическим. Оно походило на счастье или радость, хотя эти слова не слишком точны. Это удивительное состояние далеко превосходило ценность любой из сравнительно известных разновидностей счастья и совершенно не зависело, скажем, от красоты или удобства окружения, которое в то время было скорее суровым и не столь уж привлекательным. Подобное свойство, связанное с воздухом, мне уже приходилось испытывать, хотя и не в такой степени, на больших высотах в горах. Однако в данном случае высота была всего тысяча восемьсот футов и воздух был далеко не бодрящим, напротив — очень теплым. После внимательного анализа внутренних ощущений я обнаружил, что это особое свойство воздуха, вроде эликсира, было заметнее всего при выдохе, а значит — не исходило из окружающего воздуха. Дыхание уже не было чисто физическим процессом, но, казалось, проникало весь организм как нежная ласка, принося удовольствие и покой. Оно было как нектар. Впоследствии я узнал, что это и была настоящая Амброзия.

Быть может, уместно упомянуть, что за несколько дней до этого, размышляя над прочитанным, я пришел к интерпретации природы осязаемой материи — интерпретации, прояснившей некоторые логические затруднения, которыми, похоже, всегда сопровождалась попытка примирить трансцендентальное Бытие с физической вселенной. Идея состоит в том, что осязаемая материя, если понимать под этим все объекты чувств, плотные или тонкие, является на самом деле сравнительным отсутствием вещества, какой-то частичной пустотой. В настоящее время я не буду доказывать очевидность этой идеи и приводить ее логическое обоснование, хотя это и было в общих чертах сделано мною в дни ее зарождения. Я просто хотел бы подчеркнуть то влияние, которое эта идея оказала на мое личное сознание, поскольку она сыграла важную роль в прояснении пути к Озарению, наступившему позже.

Обычно мы рассматриваем материальное наполнение ощущаемого нами как нечто вещественное. С другой стороны, напротив, мы можем убедиться, для начала теоретически, что так называемое пустое пространство не только является наполненным, но в действительности более вещественно, чем те его составляющие, которые воспринимаются как плотная материя. Для метафизики эта идея не нова, и многое в литературе по современной физике вполне с нею согласуется. Но я обнаружил, что даже самые убедительные идеи, если они получены из внешних источников, не оказывают на сознание такого влияния, которым отличается идея оригинальная — то есть такая, которая порождена творческим усилием данного индивида.

Лично у меня следствием этой идеи было гораздо более интенсивное приятие вещественной реальности там, где чувственное восприятие фиксировало пустоту, и возросшая возможность постижения нереальности, или реальности зависимой и производной, — в чувственном восприятии.

Этому предшествовали и еще некоторые факторы, которые стоит отметить. Года полтора назад начался ряд бесед с тем, кого я признавал Мудрецом. В подлинности его восприятия, к своему полному удовлетворению, я удостоверился всеми доступными мне способами. Когда мне не хватало понимания, я попросту следовал его советам, и со временем такое понимание постепенно раскрывалось. По его предложению мы с Шарифой, моей женой, занялись определенной общественной деятельностью. По мере продвижения в этой работе мы оба обнаружили постепенное возрастание понимания, которое определенно пролило свет на то, что прежде пребывало во мраке. Среди прочего Мудрец этот намекнул мне на мою связь с одним прежним воплощением — связь, которая имела особое значение. Он сообщил, что не был и не может быть моим личным Гуру, поскольку такие взаимоотношения определяются законами, которые не в нашей власти.

В прошлом у меня было два важных Постижения. Лет 14 назад, в ситуации, которую описывать нет необходимости, я внезапно постиг: “Я — Атман”. Это вызвало существенную перемену в мировоззрении, которая неизменно сохраняется и донныне. Кроме того, немногим менее года назад, когда я был занят вышеупомянутой общественной деятельностью, меня глубоко увлекла книга об одном ныне живущем индийском мудреце, благодаря которой я осознал, что Нирвана — это не какое-то внешнее по отношению к субъекту пространство, в которое можно войти как некий объект, но что “Я тождествен Нирване, всегда был и всегда буду таковым”. Это Постигание отличалось столь же устойчивым влиянием на личное сознание.

Теперь вернемся к Постижению, случившемуся десять дней назад. Я говорю “Постигание”, а не “опыт”, по одной весьма определенной причине. Собственно, это не было ни интеллектуальным пониманием, ни знанием посредством чувств, плотным или тонким: хотя обе эти формы присутствовали, особенно первая, но были полезны лишь как дополнения. Это было Пробуждение к Знанию, которое я смогу лучше отразить, если назову его “Знанием посредством тождества”, и, таким образом, этот процесс (насколько здесь вообще уместен подобный термин) лучше всего выразить словом “Постигание”.

Итак, я читал, сидя в кресле-качалке на балконе. Вместо того, чтобы читать по порядку, я сразу обратился к разделу, посвященному Освобождению, поскольку чувствовал к нему какое-то особое влечение. Я бегло просмотрел текст; изложение было чрезвычайно ясным и убедительным. И вот, когда я погрузился в размышления над прочитанным, меня вдруг осенило, что общей ошибкой в высшей медитации, цель которой — Освобождение, был поиск какого-то тонкого объекта познания, иными словами, чего-то, что можно испытать. Конечно, теоретически я давно знал ошибочность этого положения, но еще не постиг, а именно — не признал ее (тут тонкое, но очень важное отличие). Так вот, я сразу же оставил надежду на то, что что-то должно произойти. Затем, с открытыми глазами, не останавливая деятельности ни одного чувства, а значит — без какого бы то ни было транса, я извлек субъективный момент (элемент “Я” или “Атман”) — из всей полноты и многообразия объективного сознания. На нем я и сосредоточился. Естественно, я обнаружил то, что с относительной точки зрения является Мраком и Пустотой. **Но я осознал это как абсолютный свет и полноту, и осознал, что оно — это Я.** Конечно, я не могу сказать, что оно такое по своей природе. Сознание неотносительное неизбежно искажается относительными формами сознания. Я не только не мог бы передать это другим, — я не мог бы удержать этого даже в своем собственном относительном сознании: сознании в пределах ощущений, чувств или мыслей. Всякий мыслитель-метафизик сразу поймет, что это невозможно. Я был готов даже к тому, что личное сознание не

примет в этом Постижении вообще никакого участия. Но, к счастью, это оказалось не так. Тут я почувствовал в своем дыхании присутствие амброзии и то очищающее благословение, которое она изливает на всю личность, включая даже физическое тело. Я нашел себя выше вселенной, но не в том смысле, что я покинул физическое тело и вышел в бесконечное пространство, а в том, что я выше пространства, времени и причинности. Я почувствовал себя каким-то неуловимым, но чудесным образом свободным. Я поддерживал всю вселенную, но не был связан с нею. Желания и стремления становились все более призрачными. Все мирские почести не способны были воодушевить меня, и сама физическая жизнь казалась нежелательной. В последующие дни я неоднократно пребывал в состоянии глубокого размышления, обдумывая идеи, которые были настолько отвлеченными, что для них не существует понятий. Я как бы проник в настоящую библиотеку знания; вся она была ещё менее конкретной, чем самая абстрактная математика. Личность покоилась в каком-то, я бы сказал, нежном сиянии счастья, — хотя и очень тонком, однако настолько сильном, что в сравнении с ним становилось ничтожным любое чувственное удовольствие.

Подобным же образом пропало чувство мирской боли. Я как бы взирал на мир, вопрошая: “Что же тут интересного? Что есть такого, что стоило бы усилий?” Меня интересовало лишь одно — чтобы другие души также осознали то, что осознал я, ибо в этом — единственный эффективный ключ к решению их проблем. Маленькие человеческие трагедии не вызывали во мне отклика. Я видел одну великую трагедию, причину всех прочих, — отсутствие осознания человеком своей собственной божественности. И я видел, что существует только одно решение — осознание этой Божественности.

С этого дня я неоднократно пребывал в Потоке амброзии. Часто я входил в него с легкостью движения мысли. Иной раз он прорывался сам. Мыслительная и телесная активность могут продолжаться в нем, если не нарушается своего рода легкая внутренняя сосредоточенность. Но сосредоточение сознания на деятельности интеллектуальной или физической прерывает поток.

Присутствие некоторых людей действует на него враждебно, тогда как других — нет. Интересно его действие на тело. Последствием этого удивительно нежного Потока со всем его утонченным удовольствием является чувство неуловимой усталости в теле, несколько напоминающей ту, которую испытываешь после периода затяжной боли. Физические усилия затруднительны. Причина этого, по моему, очевидна. Одно из действий Потока — явно очищающее, и это действие на материю тела является своеобразным испытанием. Нет никаких эмоциональных или интеллектуальных неудобств, за исключением того, что без этого Потока мир кажется пустым. Я изучаю действие Потока на других. Шарифа реагирует на него немедленно и узнает его присутствие иногда даже раньше меня. Он захватывает аудиторию, но те, кто до сих пор признавали лишь сознание значительно более низкого свойства, как будто не воспринимают эту амброзию. А может быть, ток этот слишком тонок. (В настоящее время, спустя почти два с половиной года после вышеописанного, сказанное требует существенного уточнения. После двух истекших сезонов на лекционной кафедре и после ряда личных контактов стало ясно, что к Потоку восприимчиво удивительно большое количество людей. Некоторых Он охватывает почти сразу).

20 августа

Вечером 17-го мы отправились в Голливуд на концерт. Зал был переполнен. В начале концерта у меня появилось ощущение толпы как огромного давления на мое сознание. Давление было настолько сильным, что я не мог через него пробиться. Потом, во время исполнения произведений Баха, я почувствовал некоторое облегчение и легкое покалывание в спине. Сознание до какой-то степени поднялось, но не до уровня Потока.

19-го мы вернулись домой. Я чувствовал себя глубоко уставшим и был не в состоянии поднять сознание. Кажется, внутреннее проникновение предъявляет определённые требования к телу. Жизнь

без Эликсира стала более пустой, чем до того, как я впервые испытал Поток. Одни лишь внешние дела совершенно не могут удержать мой интерес.

Условия городской жизни определенно препятствуют пребыванию сознания в Потоке блаженства. С этой точки зрения особенно неблагоприятно вести машину в сутолоке уличного движения. Это требует объективного сосредоточения, и при таких обстоятельствах едва ли возможно сохранять непрерывную внутреннюю сосредоточенность. Лично я пока не могу безопасно перемещаться в этих условиях, уделяя им лишь периферийное внимание. Не исключено, что существует возможность установить такое внутреннее равновесие, которое будет сохраняться и при этих неблагоприятных условиях, но в любом случае запрос на жизненную энергию очень высок.

22 августа

Вчера вечером я вновь пробудился к более глубокому сознанию, хотя и не столь глубокому, как в первом случае. Непосредственной причиной этого было чтение раздела "Прямое познание" Шанкары. Кажется, всякий раз побудительной причиной является какой-то новый поворот Познания в сочетании с определенным творческим актом со стороны относительного сознания. Этот момент творческого открытия является критическим. Затем сознание углубляется, в каком-то тонком смысле отступает от относительного мира, и через личность течет блаженство. Мысль стимулируется или питается с какого-то очень глубокого, прежде незнакомого мне уровня.

Хотя "Я есмь" в некотором смысле и является пределом простоты, но в его непосредственном присутствии возникает какое-то новое видение вселенной, требующее тщательной и необыкновенно сложной продуманности. Необходимо продумать и уяснить столь многое, что для фиксации и передачи мыслей не остается времени. Существует разница и в уровне мышления. До сих пор для углубления понимания я не раз пытался выразить себя через письмо. Теперь же любые формы выражения представляются мне явно неадекватными. Внутренняя мысль кажется более ясной в своей относительной бесформенности, чем когда я даю ей оформление, тогда как прежде я считал, что могу выражать себя почти сверх своего истинного понимания.

В попытке дать такое выражение мне приходится преодолевать явную скуку, хотя я отдаю себе отчет, что сделать это необходимо. Теперь мне ясно, почему замыслы ученых составить какие-то системы, как правило, оставались неосуществленными после прорыва к Освобождению. Объективное усилие выглядит слишком жалким по своим результатам.

Я нахожу, что в настоящее время интеллект явно обогатился, но внешняя чувственная жизнь стала беднее. Представляет ли это обеднение опасность, для тела? Прилив физической жизни ощутимо снизился. Как вызвать физический интерес, который никогда не был у меня значительным, чтобы тело обрело больше мужественности? Отвращение к внешнему миру способствует Освобождению, но оно же препятствует утверждению воли к жизни. Однако, это необходимо, если надлежит оставаться среди людей. Я опасаясь, что воля без желания может привести к крайнему аскетизму.

* * *

Мы занимаемся медитацией каждый вечер. Я стремился к изолированию субъективного фактора в сознании, допуская медитацию с закрытыми глазами. Шарифа жаловалась на неодолимую сонливость, а Л. дремала в кресле. Я решил поработать с открытыми глазами, так как зрение сильнее всех прочих чувств, и с открытыми глазами бодрственное сознание сохраняется лучше. Позволяя внешнему сознанию следовать своему автоматизму, нужно сосредоточиться на субъективном

момента. Кажется, это должно более эффективно соотнести Сознание с личным сознанием. Недостаточно достигнуть “Я” во сне.

* * *

Кажется, я вижу больше снов, чем прежде. Многие из этих снов кажутся обзором событий, связанных с прошлым, хотя эти происшествия и события так преобразуются, что уже не являются репродукцией физических оригиналов. Бывает что-то вроде продолжения хода мысли, начавшейся в бодрственном состоянии. Сны эти не столь интересны в чувственном отношении и отличаются скорее свойством бесстрастного обзора событий, происшествий и идей.

Позапрошлой ночью в моем сознании возникли контуры плана нескольких книг. Главная из них должна быть о Знании в свете современной философской мысли, с акцентом на извлечении субъективного момента в сознании. В теоретической части я не скажу ничего нового, но достоинством книги станет то, что она будет написана с точки зрения и в перспективе действительного Познания. Книга призвана показать, что Познание является практической целью, подразумеваемой лучшим, что есть в нашей философии. Можно показать, что осознать “чистую апперцепцию” Канта и значит — достичь Познания и Освобождения. (Некоторые идеи, являющиеся частью предполагаемой работы, в дальнейшем вошли в настоящую книгу. Они приводятся здесь в той последовательности, в которой появлялись).

26 августа

Сила физической жизни сейчас течет живей, но она еще далеко не так энергична.

Я исследую новый мир. Столь многое нужно ясно продумать, что не хватает времени записывать, даже отложив все остальные дела. И все же необходимо, по мере возможности, передать эти внутренние события и идеи. Понимание стало необычайно ясным, но моя подлинная мысль — вроде какой-то стенографии, занимающей гораздо меньше времени, чем полное выражение ее на бумаге. Процесс письма кажется таким медленным! Я буду отмечать в этих записях все, что смогу, по мере проявления материала на внешнем плане сознания, оставляя систематизацию на будущее.

О ТЕХНИКЕ МЕДИТАЦИИ

Форма медитации, которую я нашел перспективной, существенно отличается от той, что обычно приводится в руководствах по медитации. Неоднократно пытался я останавливать мысль и замыкать чувства, но достигаемое таким образом искусственное состояние было, по существу, бесплодным. До сих пор все подлинно ценное, так или иначе, приходило ко мне через мышление. Я, наконец, принял этот факт как ключ и оставил всякое усилие останавливать мысль или вмешиваться в деятельность чувств. Возникавшая в результате некоторая отвлеченность оказывалась слишком слабой, чтобы иметь какое-либо реальное значение. Большую часть моей жизни мир мысли естественно преобладал над миром ощущений, так что ощущение играло уже не большую роль, чем мелкие волны для океанского лайнера.

Таким образом, выход лежал между сознанием мысли и сознанием Трансцендентным, тогда как всем прочим, по-моему, можно было пренебречь. Так вот; в каком-то процессе или во всей множественности можно изолировать для особого внимания данную фазу или аспект, не останавливая сам процесс и не нарушая равновесия этой множественности. Это известная техника

научного и философского мышления. Когда я вспомнил об этом, то сразу же нашел действительно эффективный метод медитации. Я понял, что в действительности именно это и делал в течение многих лет, не считая какой-то медитативной техникой. Благодаря этому методу — выделения важнейшего элемента из всего комплекса, — и совершился Переход в начале этого месяца.

Я считаю, что в этом методе заключается важный принцип, который может иметь фундаментальное значение, в особенности, если учесть, что он вполне согласуется с некоторыми экспериментами, которые, проводились при психологических исследованиях на Западе. Следуя методам, которые оказались успешными в физике, а именно — высокой степени изоляции единственного причинного фактора в данном феномене для целей специального изучения, психологи стремились добиться подобной же эффективности изолирования в области психологии. Так, для изучения действия отдельных возбудителей опыты проводились в темных и звукоизолированных помещениях. В этом отношении некоторые из этих помещений были спроектированы почти идеально. В них помещали подопытных, а затем проводилось изучение в предполагаемой неотвлекающей среде. Однако было обнаружено, что возникающая субъективная отвлеченность мешала гораздо больше, чем обычное рассеяние внимания. Непривычный мрак и тишина приводили к ненормальному напряжению, и результатом было отягощение психического комплекса вместо искомой психической простоты. Это в точности соответствует моему опыту в попытке замкнуть ощущения, и особенно мысль, в медитативном проникновении.

Но если не обращать внимания на мысль, она имеет тенденцию ослабевать в силе, а внутренний покой возрастает. Когда внутренняя жизнь берет власть в свои руки, мысль становится чем-то вроде подчиненного гармонического аккомпанемента к сильно акцентированной внутренней мелодии. Кроме того, этот аккомпанемент имеет положительную ценность. Может случиться, что какой-то индивидуум проникнет в трансцендентный или субъективный мир и никак не сумеет соотнести его с относительным сознанием. Но если ток мысли остается активным, он может в какой-то мере отразить эту внутреннюю Реальность, и тогда личность человека также примет участие в этом Пробуждении. К тому же это соотнесение необходимо, если нужно передать хоть что-то из всей ценности Озарения уму других индивидуумов. (Уже после написания этой главы я получил книгу “Тибетская йога и Тайная Доктрина”, изданную Эвансом Вентцем. В одном из приведенных там йогических пособий я с удивлением и радостью обнаружил, что мое как будто независимое открытие медитативного метода было на самом деле открытием заново древнего и эффективного принципа подлинной медитации).

3. КОСМИЧЕСКОЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ СОЗНАНИЕ

Вчера я начал просматривать книгу д-ра Р. М. Бекка “Космическое Сознание”. Это очень ценный труд. Книга представляет собой анализ состояния и переживаний некоторых мужчин и женщин, в той или иной степени реализовавших мистическое сознание, что сразу ставит их на иной уровень в сравнении с другими людьми. Д-р Бекк выделил общие характерные особенности этих индивидуумов и их внутренних переживаний, насколько слово “переживание” здесь уместно. В то же время почти не отмечены отличия менее важные. Это исследование является попыткой выяснить связь между обычным сознанием и тем видом сознания, которое обычно называют мистическим.

“Самосознание” по д-ру Бекку, в сущности, эквивалентно “эгоизму” по терминологии Будды, а также многих других мистиков. Его следует тщательно отличать от использования слова “самосознание” для обозначения сознания “эго” или “Я”. Поскольку многие писатели пользовались термином именно в этом смысле, то мне показалось более целесообразным использовать вместо него такие слова как “эгоизм”, “эгоистическое сознание”, “субъектно-объектное сознание” и т. п. “Самосознание” д-ра

Бекка есть прогресс за “простое сознание” типичного животного, но в свою очередь определенный барьер к “Космическому Сознанию”. Последний термин я нахожу удовлетворительным лишь отчасти. Этот момент требует некоторого пояснения.

В чистом виде постижение “Я” есть осознание Тождества с абсолютной Пустотой, Мраком и Безмолвием с точки зрения относительного сознания. Фактически, эта Пустота является абсолютной Полнотой, но Ее как таковую никак невозможно постичь с точки зрения эгоистического сознания. В некотором смысле это — кантовская “вещь-в-себе”. Относительное сознание имеет дело только с феноменами и никогда не может выйти за их пределы. Но мир феноменальный держится на Реальном, или Ноуменальном мире. Таким образом, именно Сознание “Я”, или “Сознание чистой апперцепции”, поддерживает всю вселенную или космос. Но этот космос есть лишь некая внешняя проекция, за которой кроется Бесформенный, или Трансцендентный Мир. Сфера относительного сознания находится в пределах проявленного космоса, и, следовательно, с точки зрения этого сознания “Я” кажется бесформенным. Поэтому сам подход к “Я” со стороны сознания, утвержденного в пределах космоса, принимает форму прогрессивного отрицания всякого тождества с формой — до тех пор, пока, наконец, Тождество с Бесформенным не прорывается как Признание. На этом этапе Познание вполне может принять форму: “Я — Бесформенное”. Но в действительности это Познание является неполным, как показал Шанкара с присущей ему острой логикой. Окончательное Познание — “Я — не форма и Я — не Бесформенное”. Эта точка зрения промежуточна относительно космоса и подлинно Трансцендентного, или Бесформенного. В действительности это означает, что за Нирваной есть Паранирвана, которая является позицией метафизического беспристрастия относительно состояния проявленности или непроявленности. В то же время индивидуальная душа может иметь склонность или естественное тяготение либо к проявленному, либо к непроявленному. Так, Будда, будучи склонен к непроявленному, был искушаем не прилагать усилий для установления Провозвестия Своего среди людей. С другой стороны, Иисус, будучи склонен к проявленному, столкнулся с искушением в форме мирской власти. Оба победили искушение. Но форма искушения отмечает, что же было индивидуальной склонностью или тенденцией этих величайших Людей. Таким образом, мы можем сказать, что Сознание Иисуса было преимущественно “Космическим Сознанием”, тогда как у Будды было “Трансцендентальное, или Ноуменальное Сознание”. Общим основанием для обоих является Тождество в “Я”.

Д-р Бекк обнаруживает значительное понимание “Космического Сознания”, но как будто совсем не замечает Трансцендентального, или Ноуменального Сознания. Поэтому он очень мало понимает значение Будды и отводит Уолту Уитмену довольно-таки высокое место. Но д-р Бекк говорит с естественной склонностью к оценке, характерной для Запада, а подходящая для Запада форма Познания, вероятно, более согласуется с формой Уитмена, чем Будды. Сама природа духа Запада кажется чуждой Нирвикальпа Самадхи.

Со своей стороны, я не могу себе представить, чтобы кто-то уловил проблеск красоты Трансцендентной Бесформенности и предпочел Космическую Красоту. Он может предпочесть вращаться в мире форм из соображений Сострадания, но не из заинтересованности в красоте Формы в сравнении с этой иной Красотой.

Но сейчас я понимаю Уолта Уитмена в некотором более глубоком смысле, ибо я тоже Пробудился. До сих пор же Уитмен мне вообще был неясен, а слова его не помогли моему Пробуждению. Напротив, писания Шанкары оказались в высшей степени эффективными, тогда как среди западных писателей я более всего обязан Иммануилу Канту. Такое предпочтение явно связано с индивидуальным темпераментом. Несомненно, Познание Уитмена подлинно, но для меня слова его не проясняли, а скорее затемняли Путь. Даже способ выражения Магомета, который, безусловно, достиг значительной степени мистического проникновения, был бы, я думаю, более эффективен,

попытайся я всерьез им воспользоваться. Кажется очевидным, что ни один человек не может действительно озарять Путь для всех людей. Потому и главный Путь не единственный, да еще существует великое множество малых путей. На каждом пути нужны люди, которые могли бы служить маяками.

4. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

Воскресенье и понедельник я провел в Лос-Анджелесе. Усталость, вызванная городом, была значительной и настоятельно требовала сна.

Чтобы не слишком перегружать организм физически, я умышленно удерживал сознание на объектах, т. е. на относительной стороне реальности. Я нашел, что такое обращение сознания на ту или иную сторону в значительной степени находится в пределах моего контроля, но объективная сторона требует, пожалуй, больше усилий. Склонность влечет к Внутреннему. Без Потока объективный мир подобен удручающей пустыне. Как может человечество так привязываться к этой внешней жизни?

Вчера я сознательно обратился внутрь и вызвал Поток с сопровождающим его углублением Сознания, но на этот раз в несколько измененной форме. И всегда есть тихая Радость.

В субботу вечером у нас была медитация. Я предложил новый метод — не пытаться останавливать мысль или сообщения чувств, но сосредоточиться на Пустоте, признав интеллектуально: “Я — это Пустота”. Шарифа вышла на уровень покоя и радости, где оказалась единой со звездами и со всем миром. Не было никакого эффекта сонливости, испытываемой прежде. Впоследствии я обратил внимание на тот момент, что следует стремиться к Пустоте как к Высшему и что следствием этого в относительном сознании является некое новое обогащение, возникающее по линиям естественной склонности индивидуального сознания. С другой стороны, если стремятся к какой-то мыслимой цели, то ставят эту цель как некий произвольный предел. Преимущество стремления превыше всех возможных пределов заключается в том, что все более и более осознаются самые полные возможности индивидуума. Пустота, таким образом, является подлинным Философским Камнем, обращающим простые металлы низшего сознания в Золото Высшего Сознания.

Возрастает побуждение писать. Сперва я не собирался связывать себя письмом или какой-либо иной формой выражения. Даже мир мысли, до сих пор всегда столь богатый для меня, стал ниже для Сознания, вызванного Познанием, в котором я нахожу Себя поддерживающим вселенную. Но я принял на себя долг в относительном мире, который заключается в осмыслении всего происходящего со мной, а затем столь полным изложением этого, насколько позволит бурное течение мысли. Сначала мне приходилось заставлять себя писать, но теперь внутреннее побуждение все чаще и чаще толкает меня к машинке.

* * *

Шарифа говорит, что я должен написать об одном маленьком инциденте, через который я прошел, как прошли уже многие другие. Мы сидели за столом и обедали. Перед этим я писал и еще пребывал в потоке мысли. Случайно я выглянул за дверь, где на широкой асфальтированной площадке играл маленький котенок. Он побежал, и я почувствовал трепет восторга. Как будто крохотный мотив из

Космической Симфонии радостно проник в мой ум — осколочек, рожденный Великой Гармонией. И от этого хлынула и забила во мне волна радости.

Не то чтобы этот физический или фотографический факт стал иным, но сама атмосфера моего ментального настроения возвысила обыденное настолько, что оно стало радостным.

* * *

Просмотрев все, что я написал до сих пор, я обнаружил, что не отметил ощущения Власти, которое пронизывает Сознание в Трансцендентном Состоянии. Когда я был объят чувством, будто поддерживаю вселенную, пришло также и ощущение безграничной Власти. Казалось, я могу повелевать в любом желаемом отношении, и все, что находится ниже Меня, будет повиноваться в соответствии с формами, установленными Мною. В то же время не было никакого желания, чтобы что-то стало иным, чем есть.

5. КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

“Поистине Я — Брахман, без различия, без изменения, и по природе своей — Реальность, Знание и Блаженство”. (Шанкара, “Прямое познание”, шлока 24).

Д-р Бекк в своем обсуждении Космического Сознания говорит об эволюции этого вида сознания в том же смысле, как о развитии “самосознания”. Значит ли это, что в сфере самого Космического Сознания есть степени и есть уровни? Рассмотрим этот вопрос в связи с вышеприведенной цитатой из Шанкары. Ясно, что не может быть никакой эволюции там, где не может быть никакого различия или изменения. Тем не менее, д-р Бекк прав при условии, что мы придаем Космическому Сознанию данное выше толкование (см. разд. 3). Шанкара говорит о том, что ни оформление, ни бесформенно и, следовательно, превосходит Космическое Сознание. Но сознание Брахмана, частичное или полное, является основанием Пробуждения к Космическому Сознанию. Следовательно, Космическое Сознание не выходит за пределы относительного **в строгом смысле слова**, хотя и выходит за пределы сознания, основанного на субъектно-объектной связи. И поэтому в Космическом Сознании мы имеем дело с неким промежуточным миром. В этой сфере неведение (авидья) уничтожено, но космос в принципиальном смысле не уничтожен. Таким образом, принципиально возможны раскрытие и эволюция. В связи с этим интересно отметить утверждение одного мудреца, который, говоря о раскрытии сознания выше уровней самых высоких адептов-людей, сказал: “Мы достигаем проблесков сознания, столь выходящего за обычные пределы, поднимаясь, все выше и выше, уровень за уровнем, что чувства совсем сбиваются с толку перед этим Величием, вызывающим благоговейный трепет”. Здесь, конечно, открывается простор для эволюции далеко за высшие возможности человека как человека.

Что величественнее тайны, которая есть Я?

Все прочее я в состоянии постичь, если не в этом мире, так со временем, и оттого я могу дать вещам имена. И то, что Я наименовал, находится у Меня в рабстве. Так что все твари служат Мне, от самых

элементарных до высших богов. Но то “Я”, которое есть Я, не имеет имени, ибо ни одно слово, которое указывает на Меня, не постигает Меня. Имена означают форму, плотную или тонкую, но Я — без формы и, следовательно, вечно безымянен.

Я постигаю все, но не постигаем никем.

Я поддерживаю все, но не нуждаюсь ни в какой поддержке.

Все твари суть лишь откровения Меня; ибо во Мне пребывает само их существование, тем не менее, хотя бы их и не было, **Я есть**.

Этот космос Я порожаю, дабы проявилась Моя слава; но лишь Я один осознаю это проявление.

На этот космос бросаю Я **свои тени** в неисчислимых вариациях, но всегда остаюсь один.

Я — тема всех мелодий, и в симфониях Я проявляю частицу своего неисчерпаемого богатства.

Я веду всех ученых к Себе, ибо они ищут Истину, которая суть “Я”.

Поклоняющийся ищет Меня в одеяниях Моей сущности, но Я пребываю в этом поклоняющемся.

Кто совершает насилие — ищет Меня в неведении.

Я — любовь всех любящих, я и Любящий и Возлюбленный.

Нет ничего, кроме Меня.

Примечание: новая форма выражения прорвалась самопроизвольно. До сих пор я никогда не писал в поэтической форме. В сущности, я начисто лишен интереса к поэзии и всерьез воспринимаю только объяснительное описание. Вначале я предполагал совершенно иное изложение, но во время письма родился какой-то новый импульс. Перемена особенно заметна при сравнении первой и последней частей. Я оставил написанное без изменения, так что это в каком-то смысле является записью психологического преобразования, которая по-своему передает и смысл.

7. ИИСУС И ПУТЬ

“Никто не приходит к Отцу иначе как через Меня”, — сказал Иисус. Многие слышали, но немногие поняли, и потому искали Отца путем веры в человека, который непродолжительное время обитал на этой земле. Но ни один человек не есть “Я”, поскольку человек — это объект, тогда как “Я **есть**” — всегда субъект. Следовательно, перевести вышеприведенную цитату как “Никто не приходит к Отцу иначе как через Иисуса” — значит совершенно исказить ее смысл. Отец — это Божество, Бог, Брахман, конечная Трансцендентная реальность. Так вот, эта реальность есть сознание, в котором субъект и объект более не разделены, но сливаются в единое Море Сознания. Общая тенденция человечества — искать Бога как объект, т. е. Богу поклоняются как некоему объекту, отдельному от поклоняющегося. Иисус имел в виду, что этим путем нельзя достичь успеха. Только через “Я” можно достигнуть Отца.

Хотя субъективный и объективный факторы слиты в Абсолютном Сознании, тем не менее, свойство единения несет именно субъективный момент. Есть лишь одно “Я” или субъект. Это — самый непосредственный и сокровеннейший факт. Следовательно, только через “Я” и осознается Тожество. При всяком другом подходе Бог всегда является чем-то иным для ищущего и, следовательно, отстоит от него на определенной дистанции. Прийти к Отцу значит стать единым с Отцом, а этого можно достигнуть только через чистый Субъект, т. е. “Я”.

При более современном толковании вышеприведенной цитаты существует определенное расхождение между учением Иисуса и учением других ведущих духовных течений мира. Но при толковании, предлагаемом здесь, достигается значительное, если не полное, примирение не только с учениями других великих основателей религии, но и с непосредственными высказываниями почти всех духовно озаренных душ. Оно абсолютно соответствует изречению Ветхого Завета: “Я есмь тот, кто есть” и тождественно по смыслу с основной доктриной буддизма и брахманизма, где мы находим наиболее ясную и полную формулировку. “Христос” Святого Павла — это мистический Христос, а не какая-то отдельная личность, — уровень сознания, символом которого был для него и которого достиг сам Иисус. Это соответствие можно отметить в трудах множества людей, познавших Бога, таких как Якоб Беме, Спиноза, Уитмен, Гегель, Рама Тиртха и Имайат Хан. Мне кажется, нет нужды развивать это далее.

8. НЕВЫРАЗИМЫЙ ПОТОК БЛАЖЕНСТВА

27 августа

В это мгновение я снова в потоке, который также есть “Я”. Насколько это вообще возможно, я попытаюсь рассказать о нем с точки зрения индивидуального сознания.

Занимаясь работой по дому, я нагнулся и мельком взглянул на гравий, принесенный из далекой долины. После этого я погрузился в раздумье и как бы отошел куда-то, где была глубокая, трепетная и наполненная Тишина. Я внимал ей как Голосу, получая ценность общения. Не было ни слов, ни мыслей, ни каких-либо иных форм, но можно сказать, что это была сама суть Звука или Смысла. Это была та самая Сила, которая вызывает все вещи к проявлению. И снова появился Поток тихой радости, наполняя все мое существо.

Я попытаюсь проанализировать этот Поток радости с точки зрения его влияния на внешнее сознание, включая физиологического человека. Для чувственного сознания Он кажется чем-то вроде флюида, так как есть ощущение “протекания” чего-то. Он проникает во все напряженные места, действуя как физическое освобождение. Участки не вполне здоровые чувствуют себя отдохнувшими и укрепленными. Сверх всего этого и во всем этом есть качество, которое можно определить как физиологическое счастье. Организм более не испытывает никакого стремления к чувственным удовольствиям. Внешняя жизнь человека, узнавшего этот Поток, может показаться другим в высшей степени аскетичной и суровой, хотя она будет счастливой в глубочайшем смысле. Действительно, настоящий мудрец является кем угодно, но только не аскетом, сколько бы он ни казался таковым для человека чувственного. Например, неразвитому и далекому от музыки человеку вполне может показаться, что ее ценитель, несколько часов просидевший затаив дыхание на концерте виртуоза, подверг себя суровому аскетическому испытанию. Но сам слушатель, если он действительно любит музыку, будет решительно отрицать, что это так. Он заявит, что получал огромное удовольствие и делал именно то, что хотел. Точно так же и мудрец в своей уединенной жизни не налагает на себя тяжкого испытания. В действительности он сталкивается с куда большими испытаниями, бывая в

общественных местах, занимаясь делами, уделяя внимание обычным человеческим заботам и т. п. Ибо во всем этом есть суэта, которая омрачает более глубокое наслаждение, а для многих делает его практически невозможным. Вполне естественно для людей предпочитать золото простому металлу, и тот, кто познал духовное Золото, получает большее, а не меньшее удовольствие.

Мне хотелось бы как можно яснее показать, что в Потоке заключается наибольшая возможная ценность того, что с относительной точки зрения мы называем наслаждением. (Я не забываю, что говорят обитатели Индии о переходе за наслаждение. Они правы в том смысле, в котором пользуются этим термином. Но в настоящее время я говорю не с метафизиками, а обращаюсь к сознанию, направленному на объективное). В принципе, нет никакой нужды отрицать какую-либо фазу внешней деятельности, разве что ради временного дисциплинирования с тем, чтобы вызвать необходимое внутреннее сосредоточение. Человек, совершивший невыразимый Переход, — Свободен. Внешне он живет той жизнью, какой хочет, но совершенно чуждо его сокровенной природе хотеть зла. Точно так же, как человек, имеющий естественную склонность к чистоте, не налагает на себя ограничений, чтобы уберечь себя от желания валяться со свиньями в грязной луже, Человек Знания не испытывает искушения злом. Зло чуждо его истинной природе, и не возникает вопроса о каком-то усилии, чтобы сделаться добрым. Это ставит его в такое положение, что он может, если нужно, оперировать с Инструментами зла и не делать зла. Жизнь в Потоке радости не является особой прерогативой небольшой группы мужчин и женщин в миру. Есть много людей, которые уже сейчас могут осознать себя как одно с этим Потоком, и, в конце концов, все смогут сделать это когда-нибудь. В действительности Переход этот не так труден. Но много трудной работы было проделано в неверном направлении вследствие того, что поиск определялся на языке сложности. Он прост, как обращение с объекта всего относительного сознания на его субъект **плюс спонтанность Я**.

Быть может, самой главной трудностью, из-за которой Познание столь редко, является одна из характерных особенностей нашего типа сознания. Фокус его помещен на объективном содержании знания, а развитие в этом смысле подразумевает все большее и большее возрастание сложности. И поэтому когда человек узнает о трансцендентном сознании и стремится реализовать его, то вполне естественно, что первое усилие этого человека будет направлено в сторону более сложной идеологии. И чем выше его уровень интеллектуального развития, тем более вероятно, что так оно и будет. Вот почему так часто именно одаренные люди сталкиваются с наибольшими трудностями в осуществлении Перехода. Так вот, действительное фокусирование сознания состоит как раз в диаметрально противоположном направлении: именно на субъективный момент в субъектно-объектном многообразии, и в этом вся простота. Ее легко проглядеть, именно из-за крайней простоты. Тем не менее, верно, что если талантливый человек все же найдет это, то он сможет снять более богатый урожай как для себя лично, так и для других, чего нельзя сказать о тех, кто менее одарен.

9. О СПОНТАННОСТИ “Я”

Поскольку низшее не может править высшим, индивидуальное эго не является господином всеобщего “Я”. Так что, с индивидуальной точки зрения Осознание спонтанно и, таким образом, часто зовется актом Милости. “Я”, которое (не следует забывать) тождественно Божественности, не стоит в причинно-следственном ряду. Поэтому, строго говоря, осознание “Я” ни в коем случае не является следствием причин, вызванных индивидуальным человеком, действующим в сфере пространства и времени. Такой человек своим усилием как бы готовит светильник, но пламя

возгорается спонтанным актом Духа. Здесь-то и выступает Любовь в высшем смысле слова, а любовь не скована законом причинности, который правит пространством и временем. Но Любви не бывает без возлюбленного. Любовь эта никого не исключает, ибо:

Я, Дух, не отрекаюсь от детей моих. Это не в моем характере.
В вечном ожидании, превыше всякого прощенья,
Я вливаюсь через открытые врата.

В сущности, спонтанность “Я” действует от человека к человеку, хотя нельзя сказать, что иначе Оно не проявляется. В “Гите” Кришна говорит: “Я во всех, но не все во Мне”. Здесь подразумевается: “Некоторые во Мне”, то есть те, кто достиг Осознания. Эти Люди — само божественное Присутствие. Гуру, если он действительно Гуру в истинно духовном смысле, — это сама Божественность. Такой Человек может возжечь Пламя. Стремящийся должен искать Гуру в своем внутреннем сознании и обращаться к Нему как к самой Божественности.

10. ПРЕЖДЕ ИЩИ МЕНЯ

Не только Радость — конечная цель всех стремлений:

Прежде ищи Меня.

И тогда Мое Знание и Мою Радость ты разделишь со Мной.

Не ради чего-то ищи Меня, но ради Меня:

Я единственный — достойная цель всех стремлений.

Так оставь все ради Меня —

И Мое Сокровище будет твоим,

Моя Сила — твоей,

И твоей — Моя Мудрость.

Вся вселенная — только часть Моего Сокровища,

И безмерным найдет его каждый,

Кто приходит ко Мне.

Довольно блуждал ты в пустыне неведения.

Твои страдания Мне не нужны.

Приди ко Мне. Путь не так труден.

11. ВЫРАЖЕНИЕ С РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

То, что написано здесь, дается по-разному с точки зрения “Я” и с точки зрения эго — “самосознания” д-ра Бекка. Очень важно, насколько это возможно, установить перекрестное понимание. Язык — творение и инструмент эгоистического сознания. Он встроен в субъектно-объектную связь. Речь или письмо с перспективы “Я” неизбежно влечет за собой неясность, аналогичную той, которая обнаружилась бы при попытке выразить какую-нибудь абстрактную мысль на очень конкретном языке первобытных людей, но в первом случае трудность гораздо больше. Только в Безмолвии “Я”

может быть познано, как оно есть, и это не является Знанием в субъектно-объектном смысле. С эгоистической точки зрения, или с точки зрения самосознания, языком можно пользоваться правильно. Но в этом случае выражено будет нечто о событии или реальности, как это видится извне; это не само событие или реальность. Выражение же со стороны “Я”, т. е. выражение в Потоке, является Реальностью. В подобном выражении непременно будет нечто мистическое, но это не означает иррациональности в смысле антирациональности. Фактически “Я” — это разум, тогда как все внешнее разумение есть лишь отражение этого разума, и в большинстве случаев, поистине очень бедное отражение.

Что такое в действительности “Я” наряду с Трансцендентным и Космическим Сознанием можно узнать только через Признание или “Знание путем тождества”. Тот, кто знает, может сказать и быть понят другим, кто знает; но остальные, в лучшем случае что-то почувствуют, почувствуют какой-то Смысл, который их влечет. Они могут отметить в себе возникшие отголоски Радости и Мира. Все это вызовет твердую уверенность в том, что Царственное Знание есть, и таким образом создаст предположение о реальности искомой Цели. Тогда то один, то другой, и, мы надеемся, многие смогут пробудиться к жажде знать во внутреннем смысле. И это желание должно быть выращено в душе, прежде чем сможет произойти Пробуждение.

Сильно развитое эгоистическое сознание есть барьер, но в то же время это и сила. С барьером можно справиться, а силу сохранить. Высокоразвитые способности в относительном не следует презирать. Многие подлинно одаренные люди не вполне понимали это, и в результате, хотя и совершили Переход, другим оставили лишь жалкие мостки. Именно это наведение мостов — действительно важный труд. Познавшему человеку, поскольку он уже достиг цели, нет нужды писать ни для себя, ни для других познавших, но еще идущим помогут те вехи, которые он может оставить. Есть и другой важный момент: если признание “Я” не влечет за собой погружение в Безмолвие навсегда, а должно сочетаться с активным проявлением, то определенные способности в относительной сфере просто необходимы. Эгоистическое сознание и даже “простое сознание” в значительной степени являются затемнением “Подлинного Сознания”. Но это затемнение служит полезной цели, вызывая способности в относительной сфере. Иначе долгое блуждание в цикле необходимости было бы напрасным трудом. Следовательно, эгоистическое сознание выковывает ценные инструменты, которые истинно мудрый не отбросит, хотя и может в весьма значительной степени преобразить их. Более совершенно выкованные инструменты эгоистического сознания имеют большие возможности, чем менее совершенные. Но те, кто создал такие инструменты, естественно обладают большей силой эгоизма, чем другие, с соответственно большими барьерами для преодоления. Однако, справившись с этими барьерами и осознав Себя, они также превзойдут других и в способности ясно показать бесконечную Пользу Безмолвия. “Мы не презираем, напротив, приветствуем таких людей, и будем делать все возможное для демонстрации факта внутренней реальности и для указания Пути к осознанию этой Реальности”.

Есть разные точки зрения, когда используется слово “я” — эгоистический, т. е. индивидуальный человек, а когда — “мы”. Метафизически “я” — одно без всякого другого, или, точнее: “я — ни одно, ни не одно, и нет ничего другого”. Тем не менее, в каком-то отраженном смысле “я” — всегда “одно среди других”. “Чисто” эгоистическое “я” есть “я и никто другой”. (Именно это “никто другой” создает барьер, упомянутый выше). Так вот, между эгоистическим и метафизическим уровнями есть другой уровень или состояние в некотором смысле промежуточное и вместе с тем высшее, где “Я” осознает себя как “Я есть я, и все-таки также и другие”. Как раз в этом смысле используется слово “мы”.

Правилами литературной формы можно пожертвовать, когда они мешают главной цели. Временами я пишу в Потоке, а иной раз более или менее вне Него. Поток несет с собой авторитетность, и перед лицом ее литературные правила должны отбрасываться, если они действуют как барьеры для смысла.

12. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

28 августа

Как уже говорилось, я особо отмечаю три разных Постижения, которые вызвали долговременные последствия. Оглядываясь назад, я вижу в них некое прогрессивное свойство, которое, кажется, следует отметить.

Лет 14 назад нам с Шарифой позвонил старый друг по колледжу, и мы посвятили какое-то время обсуждению теософских вопросов (мой друг был серьезным приверженцем теософии). На определенном этапе беседы он набросал разные ступени очень старой техники различения, где последовательно демонстрировалось, что “Я” — не тело и не какие-либо иные принципы человека, но что оно может быть лишь тем окончательным принципом, который, строго говоря, не является одним принципом среди прочих, а именно — Атманом или чистой субъективностью. Я давно уже был знаком с этим методом и не сомневался в его здоровой логике, более того — неоднократно применял его сам. Но в этом случае я вдруг с несомненностью осознал, что действительно: “Я тождествен Атману”. Это осознание пришло с ощущением нового света, озарившего многое из того, что прежде было неясным, но это не был свет, видимый в форме какого-то тонкого чувственного восприятия. Эффект в относительном сознании был устойчивым. Чувствовалось определенное обогащение, но Потока радости я не сознавал.

Наиболее важным следствием в индивидуальном сознании было явное изменение в основании мысли. Например, хотя я и читал до этого “Бхагавад Гиту”, считая ее важной теософской работой, она мне не нравилась и как будто вызывала самое настоящее подавление интереса к жизни, которую я тогда любил; с другой стороны, сразу же после Признания тождества с Атманом я обнаружил, что воспринимаю как свои собственные многие из идей, содержащихся в Гите. Я осознал их как очевидную истину, и вместо того, чтобы действовать подавляюще, они стали теперь для меня источником света” раскрытия. Я никогда не забывал об этом Признании и никогда не ставил под сомнение его ценность. Интеллектуальное понимание его сути остается неизменным и по сей день. Но другие аспекты моей природы если и были в то время затронуты, то лишь в незначительной степени, и поэтому в последующие годы я часто чувствовал и поступал вопреки этому Признанию.

Второй случай произошел меньше года назад. Я с большим интересом читал книгу Поля Брентона, в которой среди прочего он рассказывал о своей встрече с одним мудрецом из южной Индии. Я почувствовал внутреннюю симпатию к этому Мудрецу и несколько раз перечитал его слова с глубоким вниманием. И тут меня осенило, что Нирвана — это не какое-то пространство или состояние, куда человек может войти или попасть; я вдруг понял, что “Я — Нирвана”. Иными словами, подлинное “Я” есть не что иное, как Нирвана, никогда не было иным и никогда иным не будет. И все, чего достигает индивидуальный человек — Признания этого вечного факта. Лично я Признал это с радостью. Даже тогда я ощутил эту радость как некий Поток, хотя и в ослабленной форме по сравнению с тем, как я ощущаю Его сейчас.

Однажды я провел целый день, погрузившись в этот Поток, и в течение какого-то периода он был подвластен моему сознательному контролю. В то время я готовился к лекциям по вопросам

метафизики и обнаружил, что в эту работу стало проникать больше Света. Ранее при подготовке и чтении лекций я в значительной степени пользовался формальной организацией, теперь же я начал все более полагаться на вдохновение или спонтанность, и вскоре убедился, что вполне могу доверять этой спонтанности при условии должного отношения у аудитории. При отсутствии такого отношения я всегда мог вернуться к более формальной подготовке.

С тех пор я начал сочетать оба этих метода и обнаружил, что творческое развитие идей, производимое непосредственно перед аудиторией, высвобождает сопутствующим образом нечто вроде Потока, который, среди прочих свойств, обладает эффектом удерживать аудиторию в какой-то особой тишине.

Внимание слушателей удерживалось, даже если они не понимали развиваемых идей, как часто обнаруживалось в последующей беседе, причем простое повторение рассуждений такого влияния не оказывало. И таким образом я нашел определенную связь между Поток и Творчеством. С относительной точки зрения этот Поток требует все нового и нового разрушения и воссоздания форм. Если форма становится сравнительно фиксированной, Поток убывает. И, тем не менее, очень странным образом это разрушение и воссоздание оставляет какую-то тонкую основную форму неизменной. В результате достигается необходимая согласованность между всеми формальными объединениями, рожденными в Потоке, при условии, что индивидуум понимает используемый язык. Но даже если это и не так, согласованность все же остается, хотя и в каком-то более глубоком смысле, который не столь очевиден.

13. БЛАЖЕНСТВО НИРВАНЫ

В Потоке мы находимся в присутствии Непрерывного Движения, которое вместе с тем можно охарактеризовать как Неизменность. В некотором смысле мы можем сказать, что Ключ к Бессмертию должен быть непрерывно творческим, оставаясь в то же время вечно тем же. Нирвана — это чистое творчество, и, как таковое, не может быть уловлено в застывшем определении. С другой стороны, подлинные объекты сознания можно определить, поскольку они суть формы. Нирвана непостижима, но она есть непрестанное Постигание. Вот частичное объяснение блаженства Нирваны, которое может просочиться в сферу понимания более обычного сознания. Творческая активность даже на более низких уровнях пробуждает некоторую степень блаженства, хотя и все более и более низкого свойства по мере перехода к физиологии. Обычно такое меньшее блаженство длится лишь миг или в лучшем случае какой-то краткий период с последующим упадком и изможденностью. Представьте себе интенсивность блаженства сверх всякого относительного воображения и далеко превышающего пределы того, что может вынести любой физический организм, а затем предположите, что оно длится не миг или какое-то краткое время, но продолжается с непрерывным постоянством неограниченно. Тогда можно хоть как-то уловить некоторый аспект Блаженства Нирваны. Разве так уж удивительно, что многие становятся “опьяненными Богом” и не идут дальше к достижению подлинного совершенства (мастерства)?

14. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

Я хотел бы еще раз отметить, что хотя второе Постижение вызвало во мне глубокую перемену, но некоторые аспекты моей относительной природы, преимущественно, ниже интеллекта, оказались практически незатронутыми, и на внешнем плане сознания осталось какое-то “помутнение горизонта”. В то время я не мог вызвать Поток, хотя уровень интеллектуального понимания был сравнительно высоким. Потом лекции и классная работа продолжались в Чикаго. В течение первых трех недель я находился в очень необычном для себя состоянии: городская среда ощущалась как почти невыносимое давление на мое личное сознание. Мой ум был погружен в какую-то летаргию, и всякий раз приходилось усилием воли восстанавливать присущую мне работу мысли. Я почти ежедневно бывал на кафедре, несмотря на то, что большую часть суток сознание было настолько обременено тяжестью, что все время хотелось спать. Я читал лекции как бы по инерции, хотя в целом мое состояние как будто не замечалось другими. Через три недели я, наконец, прорвался через все это с глубоким чувством внутренней победы.

Я снова ощутил себя в Потоке подлинной мысли и подготовил лекцию о “Сокровище” Шанкары, которая к тому времени стала моим высшим достижением на кафедре. Впоследствии, работая в менее крупных городах, я больше не испытывал помрачения. Но к концу семестра у меня появилось чувство опустошенности и сильно возросло желание вернуться на Запад, чтобы какое-то время пожить в полном уединении.

Такая возможность представилась в июне, на одном из притоков Миссисипи. К тому времени у меня соединились две цели. Желательно было, выражаясь метафорически, проделать некоторую предварительную работу по изысканию внутреннего золота с целью последующего апробирования, а, кроме того, мне показалось занятным попробовать сочетать эту работу с исследованием заброшенных приисков. Итак, во второй половине июня я получил несколько дней уединения, сочетая активный отдых с изучением “Системы Веданты”.

За это время в моем сознании прояснилось многое, но наибольшего внимания заслуживают два момента: первый — одна из идей соотнесения, и второй — некое переживание. (Оба они описаны во вступительном разделе этой книги. Сама идея будет полнее развита далее). Переживание состояло в спонтанном развитии в Потоке, но на этот раз в гораздо более заметной форме.

Этот Поток явно представляет собой некую тонкую флюидическую субстанцию, которая приносит уже описанное ощущение благополучия. В его присутствии все наше существо охватывает какая-то более чем земная радость. Для себя я назвал его Нектаром. Ныне я узнаю его под разными именами: он также — Сома, Амброзия богов, Эликсир Жизни, “Вода жизни” Иисуса, “Крещение Духом” св. Павла. Он не то чтобы связан с бессмертием, фактически он тождествен Бессмертию.

В начале августа мы вернулись в Сан-Фернандо, и 7-го числа этого месяца произошел знаменательный Переход. Это третье Постижение было гораздо глубже прочих. В Постижениях, выраженных в форме: “Я — Атман” и “Я — Нирвана”, еще присутствует объективный элемент, поскольку они являются, собственно, постулатами и, как таковые, заключают в себе подлежащее и сказуемое.

Хотя при использовании относительного языка такая форма неизбежна (иначе высказывание не будет корректным даже с точки зрения языковых норм), суть, однако, в том, что объективный элемент в какой-то степени сохранился в моем собственном сознании; поэтому первые два Постижения все же не достигали цели подлинного отождествления. В третьем же случае я попросту изолировал субъективный фактор из всего многообразия относительного сознания, и результатом была Пустота,

Мрак и Безмолвие — то есть сознание без всякого объекта. Однако все это время мое относительное сознание продолжало функционировать, как бы следуя своему автоматизму, так что я ни на миг не терял из виду ни своего окружения, ни непрерывного хода мыслей. Это было просто различающее извлечение чисто субъективного аспекта в Постижении: Я есть То. В этот момент я оказался выше пространства, времени и причинности, поддерживая всю вселенную Светом Сознания, которое **есть Я**. Почти тотчас появился нектароподобный Поток и нежная, но такая могучая Радость.

Кроме того, до сих пор жизнь и мысль как некий рабочий принцип были для меня нераздельны, хотя теоретически я признавал, что даже самая абстрактная мысль требует все же какой-то матрицы. Но в этом третьем Постижении я оказался более чем удовлетворенным в мире выше мысли, поскольку этот Мир объят мысль вместе со всем прочим. Было искушение оставить все и уйти Внутрь. Всякое внешнее усилие и внешняя работа казались совершенно бесполезными. Однако по этому поводу я уже был предостережен такой литературой, как “Голос Безмолвия”.

Кроме того, мне казалось не слишком достойным, получив внутреннюю помощь, обрести бесценное Сокровище и не передать Его другим, так что я взирал на мир, как бы пытаюсь узнать, что же в нем осталось ценного, чтобы удержать мой интерес. Общая сумма моего относительного знания казалась мне вполне достаточной. Я не испытывал никакого интереса к построениям низшего, более плотного плана в сфере политики, бизнеса, науки или искусства. Оставалось лишь одно: человечество, тоже часть **Меня**, которое буквально задыхалось без этого спасительного Знания и Божественного Нектара, ценность которых была для меня столь очевидной. Итак, отныне мне предстояло действовать в объективном мире с тем, чтобы подвести к этой цели других. Но как это сделать? С этим вопросом я обратился к Тому, от кого уже получил целый ряд замечательных советов, и попросил сообщить формулу действия.

Он ответил: “Никто из **Нас** не знает такой формулы. Зная законы природы, мы можем проникнуть во все иные ее разделы и формировать ее согласно нашей воле. Но душа человека — это тайна, и ее внутренние глубины вне **Нашего** проникновения. Мы испытываем разные пути и много путей, чтобы достигнуть этих душ, часто разочаровываясь там, где ожидали многого, а иной раз, удивляясь сверх всяких ожиданий. Найди свой собственный путь и попробуй”.

Эта книга и является такой попыткой.

15. ГРАНДИОЗНОЕ НАЧИНАНИЕ

У меня есть ощущение грандиозного начинания, самого чудесного из всех.

Подлинный Мир вырисовывается перед моим внутренним взором, проявляясь, час за часом, день за днем, так что я не в состоянии зафиксировать на бумаге все, что раскрывается в моем уме стенографией мысли.

Такая Радость и Свобода изливают свой свет, что даже эта оставшаяся зависимость от действия все более и более теряет ощущение ограничения.

В этой Грандиозной абстракции, которая является единой Конкретной Реальностью, существует безмолвное общение, без слов, без мыслей, вообще без форм, и в нем я едва различаю, как слабый свет, возвещающий новый рассвет, безмолвные Голоса Других, разделенных в этом мире и пространством, и временем, даже отдаленным временем.

Есть и иное Общение помимо этого.

Есть гораздо более удовлетворительное Общение, нежели то, что возможно под покровом плотной материи.

Безмолвие наполнено и содержательно, и из Него истекает Поток всех образований в их бесконечном разнообразии: музыка, философия, правление, наука, искусство, общество и т. д. и т. п.

16. РАЗНЫЕ ПУТИ К ПОЗНАНИЮ

Хотя книга “Космическое Сознание” является ценной компиляцией и анализом объективно различимых черт, которые отмечают тех, кто, по словам автора, “пробудился к “космическому чувству”, тем не менее, д-р Бекк охватил лишь часть предмета и совершенно упустил из виду те формы Познания, которым не присущи некоторые из отмеченных им признаков. Не всякое Познание непременно приносит с Собой глубокую Радость. Бывают случаи Познания, в которых элемент Радости не бросается в глаза и может быть слишком скрытым, чтобы обнаружиться взору даже очень внимательного наблюдателя.

Существует наука Познания, однако по большей части она остается эзотерической. И все же кое-что из этой науки может открыть для себя даже непосвященный ученик, если он ищет в должном направлении. Поскольку главным хранителем этой науки является Индия, употребляемый здесь язык — санскрит — содержит термины, соответствующие понятиям, для которых нет удовлетворительных эквивалентов в наших современных западных языках. Необходим небольшой экскурс в область этой науки, чтобы показать, каким образом Познание может быть более чем одного типа.

Конечная Реальность безымянна, хотя и существуют указующие на Нее (но не определяющие Ее) вербальные символы. Среди этих символов особое место занимает слово **сат**, обозначающее (но не определяющее) **то**, что не есть ни Бытие, ни Небытие. Это — Единая Реальность, или, вернее, **то**, что не есть ни Одно, ни Неодно. Я, Атман, тождествен этому **то**; отсюда утверждение: “Атман и Брахман — Одно”. Эта Единая Реальность — Абсолютное Сознание и Абсолютное Движение. Высшим Ее олицетворением, следовательно, является триада, на санскрите именуемая “**сат-чит-ананда**”, где **чит** — это сознание или Знание в высшем смысле.

В свою очередь, **ананда** — это Блаженство или Любовь, опять-таки в высшем смысле. Но поскольку, как уже упоминалось, чистое блаженство есть чистое творчество, а само творчество — это движение в окончательном смысле непрерывного разрушения и воссоздания форм, то из этого следует, что Ананда тождественна Непрерывному Движению. На более низком метафизическом уровне существует отражение этой Триады, соответствующее высшему аспекту человеческой природы.

Это отражение известно как Атман-Буддхи-Манас; в этом соответствии Атман — **сат**, Буддхи — **ананда**, а Манас — **чит**. Каждую из этих троичных систем обычно представляют в виде равностороннего треугольника следующим образом:

сат атман

чит ананда буддхи манас

Равносторонняя форма треугольников указывает на симметричную взаимосвязь, а положение сат или Атмана на самой вершине символизирует в каждом треугольнике неизменный исходный принцип. Отсюда следует, что если через Манас Атман достижим так же, как через Буддхи, то по аналогии сат достижим через **чит** так же, как через **ананда**. (Этот факт странным образом упускают из виду многие ученики, хотя, казалось бы, само использование принципа равностороннего треугольника в данном случае достаточно красноречиво) Так как все это выше личностного уровня, то ниже этой триады Атман—Буддхи—Манас путей, ведущих к познанию, неисчислимо множество, но на уровне Буддхи и Манаса их всего три: два полярных и третий, который является их сочетанием. Для человека, который приходит от Буддхи к Атману (Я есмь), но при этом не слишком преуспел в раскрытии Манаса — интеллектуального принципа, — Познание проявится преимущественно через Радость и Любовь. Люди такого склада склонны воспринимать Высшее как Любовь, и это, видимо, наиболее распространенный случай развития. Напротив, тот, кто приходит к Атману через Манас и с меньшим развитием принципа Любви, будет озарен в терминах Знания, но узнает сравнительно мало Радости. Такой человек воспринимает Высшее как Знание, или Мудрость. Третий, или смешанный путь, — через Манас, а затем через Буддхи к полному познанию в Атмане; этот путь, конечно, самый гармоничный. Но если Атман достигнут через Манас, тогда Буддхи пробуждается сравнительно легко, и наоборот, если приложить соответствующее усилие. Именно таким образом достигается в конечном итоге завершающая Полнота. В историческом плане выдающийся пример такого гармонического Познания — Будда, который, таким образом, равно велик и в Знании, и в сострадании.

Среди людей Запада великим примером человека, который достиг некоторого Познания посредством Манаса, является Эммануил Кант. В определенном смысле его философия объясняет на Западе тот Путь, которого достигла мысль Шанкары на Востоке, но в отличие от учения Шанкары философия Канта в метафизическом аспекте является неполной. Эту систему частично дополнил Гегель, но ей все равно недостает полноты классической Адвайта Веданты. Тем не менее, в немецкой идеалистической философии можно найти лучшее из подлинно духовного Знания, — Мудрости, характерной для Запада. Знание Канта поражает строгостью и глубиной, но в нем недостает одной субстанции — Радости. Этот факт достаточно очевиден в его трудах и чертах характера. И все-таки у Канта есть своя огромная, ясная красота. Лично я, к примеру, глубоко ему обязан, и в настоящее время осознаю это особенно остро. Без помощи Канта я смог бы, пожалуй, пережить Переход, но никогда не сумел бы так ясно понять открывшийся благодаря этому Переходу Смысл, поскольку я родился на Западе и был воспитан в традиции западного мышления. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свою признательность великому философу, который сумел не только постичь, но и столь точно наименовать чисто субъективный момент Сознания, а именно как Чистую Апперцепцию. Найдется ли во всей философии более замечательное определение: “Синтезированное, трансцендентальное единство чистой апперцепции”? Тот, кто проникнется этой фразой и извлечет из нее окончательный смысл, достигнет Познания.

Из отмеченных д-ром Бекком отличительных признаков Озарения у Канта не обнаруживается Радость и “Субъективный Свет”, по крайней мере, в явном виде, однако нравственное возвышение Канта очевидно. Собственно, в ряду всех мыслителей нашей современной культуры именно ему принадлежит один из важнейших, если не самый важный, вклад в теорию этики. И основной этический принцип его философии — “категорический императив” — является одним из наиболее возвышенных из когда-либо сформулированных человеком. Интеллектуальное озарение Канта поразительно. В истории западного мира немногие, если вообще кто-либо, превзошли духовные высоты, достигнутые Иммануилом Кантом.

17. РОДИТЬСЯ ВНОВЬ

29 августа

Несомненно, человеку приходится платить. Необычайные требования предъявляются к нервной системе, и поэтому уравновешивающая деятельность не только полезна, но и, может быть, даже необходима.

Однако поскольку человек — нечто гораздо большее, чем физическое тело, то эта плата идет глубже тела. В этом есть что-то вроде умирания среди продолжающегося телесного существования. Несомненно, это только естественно, что личная природа страшится всего этого, и в какой-то мере скорбит. Именно здесь мы имеем подлинный смысл распятия. Личная жизнь центрирована на мирской сфере, хотя это и обреченная жизнь в любом случае, поскольку Смерть неминуемо пожинает здесь все. Тем не менее, личность никогда в это вполне не верит и стремится в своей слабости добиться отсрочки во внешнем мире, пока в зрелом возрасте не возжаждет отдыха, хотя бы и ценой угасания. Но когда этот час усталости придет, уже слишком поздно добиваться Пробуждения в этом теле, ибо Пробуждение требует полной, хотя и возможно более тонкой мужественности. Умереть при этой мужественности — мистический возраст 33 года — нелегко. Как человек, Иисус истекает кровью в гефсиманских страстях. Он уклоняется от острого тернового венца и гвоздей креста. Но за как будто оставленным человеком этого мира пребывает Слава Вышняя. Кто осознает обратную сторону Распятия, забудет об этом распятии в присутствии той великой Славы, которая распространяет такой могучий Свет, что истребляет всякий мрак вокруг. Тогда “Эли, Эли, ламма саввахфани”, которое выглядит с одной стороны как — “Боже мой, Боже, зачем Ты оставил меня” — становится: “Боже мой, Боже, как Ты возвысил меня!”

Нисходит Огонь и пожирает личного человека. Какое-то время, долгое или краткое, этот Огонь остается. Личный человек — это топливо, которое страдает в той или иной степени, но Огонь не сжигает, он лишь преобразует. Это легко понять, анализируя то, что происходит под воздействием обычного огня. Когда горит бревно, топливом, в основном, если не всецело, служат углеводы, которые огонь преобразует в углекислый газ и водяные пары. Остается небольшое количество пепла — то, что было в бревне прочным, земным. Углеводы бревна были некой закреплённой формой, обеспечивающей земную прочность его минеральных соединений. Но когда углеводы становятся углекислым газом и водяными парами, они принимают новую форму в более свободном мире воздуха. То же самое происходит, когда Огонь нисходит и пожирает личного человека, одновременно его преобразуя. Остается только пепел личной природы, тогда как все остальное, лучшая часть личности, исчезает из этого мира и обретает новое сознание в воздушных просторах. Это конечное состояние — состояние гораздо большей Радости.

При прохождении через это тяжкое испытание человек может переключить центр своего существа таким образом, что боль, казавшаяся нестерпимой, станет лишь призрачным отголоском той Мелодии, которая вся — Радость. Кто отождествляет себя преимущественно с горючим, страдает много и тяжело, но если же, напротив, он отождествит себя с Огнем, все меняется. Пламя этого Огня — танец Радости. На этом уровне сознания нет никакой боли. Преображаемый человек не ожидает тогда Познания Радости после Сгорания, но вновь и вновь ощущает Ее в самом этом испытании, которое тогда вообще перестает быть испытанием.

В дни, следовавшие за Переходом, ощущение Огня было совершенно явственным, и поскольку я отождествлял себя главным образом с этим Огнем, это были великие дни, несмотря на краткие

рецидивы прежнего, когда жизнь в физическом теле казалась скудной и трудно было утверждать волю к жизни.

Но теперь эти периоды реакции уменьшаются — они становятся короче и слабее. Я также проявляю больше рассудительности, вызывая Поток, который есть Божественность. Существует некий регулятор, дающий возможность управлять этим Поток. Должное употребление мудрости — приспособить течение этого Потока таким образом, чтобы уравновесить Его действие соответственно силам личного человека.

В прошлом, читая об этом огне, я придавал ему лишь фигуральное значение. В какой-то степени так оно и есть, и все же этот огонь вполне реален даже в физическом смысле. Не только я один ощущал этот Огонь, он входил также и в тех, кто жил рядом со мной. Все они отмечали, что чувствуют его так же явственно, как солнечное тепло. То, что Внутренний Огонь достигает даже самых внешних сторон человека, означает, что разграничение метафизического и физического достаточно условно.

18. ПЕРЕЖИВАНИЕ ОГНЯ

Несколько лет назад, подбирая материал для лекции об Акаше и Астральном свете, я испытал этот Огонь в иной форме. Подобное знание, когда оно внешне доступно, исходит большей частью от древних и выражено в архаической и часто намеренно завуалированной форме. Передать его смысл в наших современных понятиях оказалось для меня необычайно трудным. Я вгрызался в этот предмет с особо тяжким усилием воли и очень скоро начал понимать, что Тайной было окружено то, что мы могли бы в настоящее время понять интеллектуально. Но одним из следствий такого интеллектуального сосредоточения был определенный прорыв через личную умственную скорлупу — короче говоря, я овладел как бы целой вселенной Знания. Я как будто знал тогда все, что можно было знать в этом мире. Я просто не мог удержать это Знание в пределах своего личного ума; останься я в связи с ним на какой-то ощутимый период времени, оно бы воспламенилось и разрушило мой мозг и нервную систему. Так что прежде, чем я смог усвоить что-либо из этого знания конкретно, пришлось отказаться от сосредоточения. Тем не менее, я сохранил достаточно, чтобы знать, что именно я Узнал за этим Покровом.

Это переживание не прошло для меня бесследно, и на преодоление его последствий потребовалось несколько лет. Однажды, вскоре после этого случая, я шел по одной из улиц Лос-Анджелеса. Когда стоявшая у тротуара машина двинулась вперед, я неожиданно ощутил себя в сфере электромагнитного поля, связанного с работой мотора (вероятно, это поле было своего рода катализатором). Вдруг в сознании как бы что-то переключилось, и на мгновение я потерял всякую телесную ориентацию. Я не в состоянии описать это ощущение достаточно точно, так как не знаю аналогичных переживаний. Но мне показалось, что я покидаю тело. Усилием воли я взял себя в руки и свернул в переулок, но от этого лучше не стало. Необходимость постоянного контроля привела далее к склонности вызывать именно то состояние, с которым я пытался справиться, так что мне приходилось держать себя в руках и освобождаться одновременно. В какой-то степени все это напоминало ходьбу по канату, которая в данном случае была передвижением в теле по нашему миру. Со временем мне удалось восстановить равновесие, и кризис миновал. Но канат как бы попросту расширился и стал узкой тропкой, которая лишь мало-помалу превращалась в широкую плоскость, по которой я мог двигаться свободно, без прежней тщательной осмотрительности.

На окончательную нормализацию ушли годы. Долгое время на улице мне приходилось соблюдать осторожность вблизи от машин. Кроме того, пришлось отказаться даже от чтения метафизической

литературы, поскольку я обнаружил, что “Тайная доктрина” или “Жемчужина” Шанкары оказывали на меня такое же воздействие.

В итоге мною извлечен важный урок: небезопасно направлять всю силу воли на интеллект, ибо здесь мы имеем дело с чем-то вроде динамита. Это можно делать без опасения лишь тогда, когда используются надлежащие сдерживающие рычаги, — вопрос техники, которой нелегко научиться. Сосредоточение такого рода вызывает Внутренний Огонь, и этот Огонь может легко оказаться чрезмерным для организма.

Дело в том, что Огонь Знания — слишком мощное Пламя, чтобы его мог вынести физический организм, если его не омывает Вода Жизни, Поток, который есть Блаженство. В настоящее время я приближаюсь к уровню, сравнимому с этим прежним моментом, но теперь мне несравненно легче. Нервная система набирает силу. Мысль течет свободнее, чем когда-либо прежде, и хотя налицо подлинно сильная и активная воля, она не проявляется как большое личное усилие. Я действительно вызываю эту волю, но я — не этот видимый человек. Существует огромная разница в действии воли в этих двух случаях. Может быть проявлена воля очень высокого порядка, но личность останется свободной и в данном случае не возникнет напряжение, действующее подобно сопротивлению при электрическом токе. Тогда сопротивление Поток незначительно или вовсе отсутствует, и, как следствие, организм не напрягается до опасной черты.

19. ДРАМА ТРИЕДИНОГО ЧЕЛОВЕКА

Личность:

Этот простор слишком широк. Где же решетка моей уютной клетки? Я хочу возвратиться в мир, который мне так знаком — пребывать неприметно там, где я знаю, как быть. Избавь меня от Огня.

Интеллектуальный человек:

Умолкни, ты — глупец. Те пастбища и ограды, которых ты жаждешь, жалки и ничтожны перед этой Ширью. Не будь похож на канарейку, которая отказывается от предложенной свободы. Идем со Мной.

Истинный человек:

Потерпи, дитя, тебя поберегут, и ты снова обретешь все, что любишь. За эти муки рождения ты также изопьешь Вод Бессмертия, которое Есть Я. Предел твоих сил не будет забыт.

Что же касается Тебя, мой посредник между миром и всем, что находится ниже, пусть твое беспокойство и огромная сила не дадут Тебе забыть о слабости ребенка. Когда-то и ты был ребенком, и Тебе требовалась помощь в трудные моменты. Окажи же свою помощь тем, кто слабее Тебя.

20. СМЫСЛ ВСЕВЕДЕНИЯ

Что такое Всеведение? Хотя в мистической или квазиокультурной литературе можно встретить высказывания, согласно которым существуют уровни или состояния, где человек становится всеведущим, в той же литературе нередко подчеркивается, что ни один человек не является непогрешимым. С относительной точки зрения налицо явное противоречие, если не мистификация. Вместе с тем при определенном подходе оба эти заявления могут быть справедливы.

Дело в том, что на относительном уровне ни один человек не является всеведущим; и если бы даже знание такого человека было столь велико, что превосходило бы относительное знание любого персонажа, появлявшегося когда-либо на страницах истории, тем не менее, за пределами его достижения, кем бы он ни был, неизбежно останутся тайны, ожидающие своего разрешения. Иными словами, мы не найдем возможного конца развития. Но хотя все это верно, верно и другое — человек действительно может пробудиться к Всеведению не стирая границ относительного сознания.

Фактически такое Пробуждение не может быть следствием постепенного развития, ибо Бесконечное недоступно постижению за счет одного лишь последовательного суммирования конечных множеств. Это вопрос уровня или состояния. Я — Все Знание, которое заключает в себе пространство, время и причинность, но не ограничено ими, и поэтому вопрос о развитии на этом уровне в смысле прогрессирования по конечным ступеням неуместен. Кто Осознал себя как “Я”, сразу же становится Всеведущим. Но следует помнить, что это “Я” — Абсолютная Пустота, Мрак и Безмолвие с **относительной точки зрения**. Я есть Знание, откуда проистекает все, но это знание не субъектно-объектного типа и не что-то такое, что можно постичь в познавательных рамках такого рода. Безмолвие является Всезнанием, тогда как знание в сфере субъектно-объектной **становится, и нельзя утверждать, что оно безошибочно.**

Существует способ, при помощи которого можно составить некоторое представление о том, что такое Всезнание или “Голос Безмолвия”.

Язык состоит из предложений и слов, обозначающих объекты в том или ином смысле. Предположим, далее, что слова или термины олицетворяют элементарные понятия и аналогичны “простому сознанию”. Предложения представляют собой суждения, являющиеся по своему характеру познанием на уровне “поляризованного сознания” или, что одно и то же, “самосознания” в терминах д-ра Бекка.

Именно на этом плане восприятия возникает некое “я”, субъект, который полагает себя отличным от других “я” и рефлексивно осознает объекты в том или ином поддающемся определению смысле, то есть — вербальная конструкция в принципе является адекватной основой для передачи этого смысла. Но это лишь формальный смысл, не имеющий значения вне контекста витальной привязанности к объектам.

За всей этой множественностью и выше нее есть иной Смысл, иное Значение, которое может лишь отражаться в словах и предложениях, но **не содержится** в них.

Именно этот высший Смысл, когда он Постигнут, является **подлинной** пищей для души, а значит — и для всего нашего существа. Благодаря индуцированию мгновенных и частичных постижений люди следуют к этому Смыслу снизу, пользуясь формальным, эмпирическим знанием, если оно употребляется с должным искусством. Эти краткие проблески Познания дают, хотя и в очень малой степени, некоторое смутное представление о том Высшем Знании, которое тождественно Самой Божественности. Так происходит, когда человек полагает свое основание во внешнем, относительном мире. Но для того, кто совершил Невыразимый Переход, все в корне меняется, и человек находит тогда свое основание в “Я”.

Знание, из которого он теперь исходит, есть Безмолвие, и это — чистый Смысл, свободный от слов и идей. Здесь — Общение на уровне Самого Смысла, не скованного никакими формами. Это — неиссякаемая Свежесть, непрерывное Постижение.

С этого уровня возможно проецирование вовне через идеи, которое на низшей ступени может достигнуть сферы видимой вселенной, то есть — сравнительно застывшего состояния на наиболее объективном плане.

С высшей точки зрения Смысл является не вершиной, как обычно считают, а именно тем основанием, от которого, безусловно, зависит само существование вселенной как **результата**. Именно поэтому с позиции “Я” вселенная нереальна.

Так вот, на уровне Смысла человек может Знать с абсолютной достоверностью и, тем не менее, выражать себя неверно, стремясь приспособить свои идеи к уже существующим формам выражения. В этом случае кажется, что он ошибается, хотя сам-то он Знает, что говорит, сколь бы ни было некорректным его высказывание. Без тщательного различения здесь действительно легко ошибиться даже человеку, который Пробудился к Осознанию.

Не сомневаясь в достоверности уровня своего истинного бытия и проявляясь затем на внешнем плане, он автоматически относит эту достоверность к своим формальным построениям, и таким образом впадает в ошибку.

Внешняя корректность или приближение к ней всегда достигается ценой усилий, даже если человек достиг высокого уровня Осознания. В формальном знании, которое включает всякое знание объектов, плотных или тонких, а также взаимосвязей, процессов и т. п., важна техника, куда относятся также и всевозможные методы проверки и контроля.

Естественно, что некоторые приобрели в этом большой опыт, и поэтому в сфере их компетенции они обладают сравнительной авторитетностью, которой нет у других. Таким образом, вполне может случиться, что человек, который не вышел за пределы эгоистического уровня, то есть уровня “самосознания”, в вопросах формального или эмпирического знания легко поправит того, кто действительно внедрился в Безмолвие. Однако Пробужденный обладает решительным преимуществом, когда стремится к совершенству в любой относительной сфере. Он может приобрести знание в относительном смысле всего лишь за какой-то краткий период времени, необходимого для других, ибо обладает преимуществом доминирующей перспективы. Но в любом случае даже ему потребуется некоторое время и усилие. Трансцендентное знание, или Знание на уровне Смысла, приобретается мгновенно и с абсолютной достоверностью, но достижение относительного знания всегда требует времени и никогда не дает достоверности, уверенности.

21. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

Я нахожу, что Поток как будто расходуетя по мере выражения мысли. Я меньше чувствую его Присутствие; отливаясь в форму, он словно обретает какое-то новое воплощение. Тем не менее, я счастлив, что это так, ибо Источник неиссякаем.

22. НЕБЕСНАЯ ДЕВА

Из поколения в поколение женщина была хранительницей наслаждения, и дарование наслаждения составляет значительную часть ее власти и торжества. В наши дни женщина слишком часто склонна, в подражании мужчине, не доверять своим естественным способностям и достоинствам. Поистине, это воздаяние мужским способностям и назначению мужчины большего, чем они заслуживают. Та сущность, внешним воплощением которой является женщина, в некотором смысле составляет особо острую потребность современного мира, где слишком велик перевес дикого произвола. Поэтому существует потребность в уравнивающих силах, которые в состоянии проявить только женщина. Среди этих, в основном, женских качеств выделяются следующие: Красота, Милосердие, Нежность, Обаяние, Восторженность, Оберегание испытанных достоинств. Грубая ошибка считать эти свойства ниже Воли к созиданию, Силы воли, Вызова неведомому и Рассудительности, которые особо отличают мужской принцип. Без последних качеств, бесспорно, нельзя обойтись ни в миру, ни во внутреннем Проникновении, но сами по себе они неуравновешенны и легко могут сойти с созидательного на разрушительный уровень. Сам по себе мужской принцип не в состоянии воспрепятствовать этой тенденции, и, таким образом, тут-то и необходимы женские качества, которые так же сильны, как мужские, хотя и действуют более тонким путем. Нам очень нужны женщины, которые должным образом ценили бы старинные и естественные женские качества и умения.

Мужчина — это Шива, бесформенный Свет; женщина — Шакти, Поток, который противостоит этому Свету и воплощает его. Без воплощения Свет Сознания остается лишенным самосознания. Поскольку самосознание является великой приобретенной ценностью, легко видеть, сколь жизненно важен принцип Шакти.

В своем наивысшем аспекте женщина есть Небесная Дева, и это не что иное, как Поток Блаженства. Поток этот есть Дева вследствие своего свойства вечно становиться новым. Оплодотворенная Огнем Мудрости, Она тем не менее, остается Девой, потому что она вечно переменчива в своем самотождестве. Единение Мудрости и Девы дает рождение Христу, и это подлинное Непорочное Зачатие. Это единение есть Радость, против которой все меньшие восторги — лишь призрачные тени. Таким образом, глубокая и постоянная Радость есть верный признак подлинной и достойной религиозности. Суровое уныние во имя религии — это святотатство и признак неуспеха. Только ложная религия мрачна. Святая же — Свободна и Радостна.

23. КРАСОТА

31 августа

На нейтральный мир вещей я набрасываю оболочку Красоты, которая есть Я; и все вещи, каковы бы они ни были, возвышаются в этой красоте. Платон прав: выше красоты, утвержденной различными формами и взаимосвязями, есть чистая Трансцендентная Красота, и это модус Бытия “Я”. Эта Красота не есть что-то, что прекрасно. Она самосуца и бросает свой отблеск на все вещи для того, кто нашел Себя тождественным с этой Красотой. Когда человек отмечает, что нашел красоту в какой-то области природы, в сочетании звуков, смешении красок или в пропорциях форм, он не просто открыл наличие чего-то внешнего. Он уловил, по крайней мере, мгновенный проблеск “Я”, но истолковал его как нечто полученное извне. Неспособность многих, вполне владеющих своими чувствами, увидеть Красоту, осознанную другими, показывает, что красота не есть нечто внешнее. Человек может взглянуть на бесцветный и мрачный ландшафт и, пользуясь лишь фотографией этого

вида, не найти никакой красоты. Но пусть он поместит перед глазами соответствующим образом подобранные светофильтры — и вся сцена приобретет новое качество, гораздо более приятное. Подобным же образом человек проецирует Красоту на феноменальный мир, и в большинстве случаев думает, что он ее просто воспринимает. Но Тот, кто совершил Невыразимый переход, может сказать: “Я есмь Красота, и ею наделяю все”. Однако подлинная Красота абсолютно отлична от объекта, каким бы тонким он ни был. Экстаз — это чистая Красота, равно как и чистая Радость и Знание. Красота — одна из многих граней того, что есть Полнота, которая кажется Пустотой. Другая грань — Смысл, и обе они — Одно.

24. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

Сегодня писать труднее. Вчера мы отправились в город, и для меня это вновь оказалось мучительным. Приведу простую аналогию. В какой-то степени об этом можно судить по одному простому феномену, связанному с приемом и усилением в области радио.

Иногда радиоприемник настроен по шкале таким образом, что даже в крайних точках диапазона и на пределе мощности едва различимы импульсы, транслируемые с огромного расстояния. Теперь, если на той же громкости переключить настройку на ближайшую станцию, то получившийся в результате мощный шумовой эффект будет попросту невыносим. Аналогичное действие, усиленное до разрушительной степени, оказывает на меня джазовый диссонанс города. Не только весь лабиринт света, звуков и движения обладает этой силой, но в еще большей степени тот же результат производит не скоординированная масса мыслей и желаний, в какой-то мере это опасно. Отсюда понятны причины стремления к уединению, как правило, отмечаемого теми, кто находится в состоянии перехода. Можно построить защитные экраны, но это требует времени и едва ли возможно в тот период, когда внутренняя поддержка только закрепляется, поскольку для этой цели необходимы все ресурсы, которыми располагает внешний человек. Нелегко заполнить пропасть между этими мирами.

Существуют весьма тонкие нарушения и повреждения, описать которые очень трудно, поскольку их симптомы совершенно иного рода, нежели простые повреждения плотного тела. Есть тонкое, как острое, место равновесия в уме, и если его однажды сбить, рухнет все строение. Некоторые фазы организации пока находятся вне компетенции современных психологов и психиатров. Вполне организованную сущность, которой является человек, невозможно наблюдать лишь с помощью внешних органов чувств, ибо человек обладает не только физической, но и метафизической организацией. По существу, только оболочка человека поддается наблюдению при помощи методов, заимствованных из физической лаборатории. За этой оболочкой есть иная организация, где действуют иные причины, более первичные. Поэтому, чтобы проследить причины явлений, которые проявляются как объективные следствия, до их первоисточников, необходима и способность тонко чувствовать, и некоторое метафизическое понимание.

Как общий принцип это правило прилагается ко всему объективному миру; но тогда как внешние чувства позволяют достигнуть основательного знания относительно неорганической природы, это становится все менее верным по мере того, как сфера изучения переходит по шкале проявления жизни от самых низших форм до более возвышенных.

Истинные корни сознания и ума вместе с более тонкими фазами организации находятся за пределами внешнего наблюдения. Несомненно, при помощи этих средств можно наблюдать многие следствия и

вторичные причины, однако этого еще не достаточно для раскрытия проявляющихся в них законов, и, следовательно, отсутствует адекватный базис для теоретического контроля и коррекции.

Во внутренней конституции человека есть области, где разумное применение сильной воли гораздо более эффективно, чем любой внешний агент. Выражение “рычаг Архимеда” обладает как явным, так и скрытым смыслом. Рычаг неотделим от точки опоры; овладеть тем и другим — значит получить власть двигать миром. Но силы эти действуют лишь в момент (или в пункте) очень тонкого равновесия, которое достигается с огромным трудом и которое даже после его достижения нелегко сохранить. Бурный вихрь человеческого сознания представляет собой серьезнейшее препятствие для реализации такого равновесия, и отчасти именно в этом причина того, почему человечество наслаждается только ограниченной долей благ, которые могли бы выпасть на его долю от огромных Скрытых Сил Человека.

25. И МЫСЛЬЮ И ЧУВСТВОМ

Помнится, кто-то сказал: “Не мыслью, а чувством вступаем мы в Царствие Небесное”. Вероятно, это справедливо для большинства, но не для всех. Заблуждением для всякого является попытка измерить пределы возможного своими собственными ограничениями и способностями. Есть случаи Осознания, в которых мысль играла роль несколько не меньшую, чем чувство. Тому примеры — Гаутама Будда и Шанкара; во всяком случае, у Шанкары мысль, несомненно, преобладала. Далее, в лице Иммануила Канта мы имеем подлинное, если не полное Осознание, и если когда-либо существовал человек, который был истинным воплощением познания, то это Кант. Со своей стороны я всегда находил, что познание, когда оно в высокой степени очищено, может взлететь выше, чем чувство. Совершенно верно, что Трансцендентное Знание выше мысли, но в равной степени Оно выше и чувств и ощущений. Ничто из этих трех не может быть более чем вспомогательным инструментом, и все они остаются позади при окончательном Переходе. Тем не менее, остается бесспорным, что преобладающая масса инструкций, указующих Путь, акцентирует молчание мысли, тогда как чувство может все еще оставаться. Но это всего лишь прагматическое правило, предназначенное для нужд подавляющего большинства. Несомненно, у большинства людей наибольшая способность к возвышению кроется в принципе чувства, и, естественно, наибольшая возможность успеха лежит в направлении наиболее развитой способности. Если в данном случае развитие мысли не пошло дальше самых низких уровней, тогда мысль эта вполне может оказаться помехой свободному движению чувства. В таком случае более краткий путь будет, естественно, через освобожденное Чувство. Но все это лишь общее правило, и его не следует возводить во всеобщий Закон.

Так мы подходим к практическому вопросу — какой путь избрать данному индивидууму? Это определяется тем свойством, которое в действительности является наиболее сильным в его внутренней жизни. Человек может быть исключительно искусен в применении силы мысли, и, тем не менее, в действительности, по своей внутренней природе, основываться на чувстве. Такие примеры нередки. Люди с блестящим интеллектом, которые с искренним удовольствием посещают традиционные религиозные службы, очень подходят для такого примера. Я не имею в виду людей, которые бывают на таких службах или принимают участие в них в пример другим — вполне веская причина — но тех, кто бывает там для самих себя. Этим они доказывают, что они такое на самом деле, а не чем кажутся благодаря своему развитому учению. Но у человека, для которого мысль действительно решающая сила, все совершенно иначе. Блестящий у него интеллект или не столь уж блестящий, как в предыдущем примере, — главное отличие в том, что его жизнь коренится в его мысли, а не в его чувствах. Понятие, а не символ является для него тем заветным “Сезам, откройся”, которое открывает высшую Ценность.

Мысль и чувство составляют основу двух различных путей или дисциплин, хотя в итоге оба они сливаются и становятся Единым. Трудно, если вообще возможно, человеку следовать дисциплине, чуждой его истинной природе. Поэтому на раннем этапе стремящемуся неплохо приобрести некоторое знакомство с разными дисциплинами. (Я говорю о разновидностях йоги; см. мою книгу “Йога: метод и практика”). Он найдет в себе большую склонность к одному пути саморазвития, нежели к другому; это и послужит для него указателем Пути.

26. МОРЕ СОЗНАНИЯ

Передо мной открывается великое Море Сознания на пяти уровнях. На вершине — Море Беспредельной глубины и абсолютного Покоя. Снизу в него вливается Другое, громадного объема, хотя и не столь безграничное. Там в могучем ритме вздымаются гигантские волны. Еще ниже — залив (пропасть), а под ним — третье море, имеющее границы, хотя его протяженность необозрима. Там рядами бегут волны в разных направлениях. В некоторых районах и перепадах есть гармония, но есть также и столкновения, и сдвиги. Время от времени из этого моря с мощными завихрениями возникает смерч, который проходит через залив и иной раз достигает верхнего моря. Ниже третьего моря и смежное с ним — четвертое море, исполненное большим волнением. Волны бегут без всякого согласия и без определенного направления. Всюду хаос. Наконец, ниже всех — вялое море без глубин, с малосильными волнами, почти лишенными смысла или значения.

Великое Море Бесконечного Сознания на вершине — неиссякаемо и беспредельно. Это — кажущаяся пустота, которая в действительности является полнотой “Я” — Чистой Божественностью, основой всего прочего и его в итоге окончательным разрушением. Следующий план — план Космического Трансцендентного Сознания. Здесь Единое становится Братством. Подобным же образом неизменность неотделима от эволюции. Ниже — залив, который нелегко пересечь (одолеть), залив, который человечество по своему безрассудству расширило, тогда как Немногие, посвятившие себя Любви к этому человечеству, трудятся непрестанно, чтобы заполнить этот разрыв. Третье море — уровень эгоистического субъектно-объектного сознания в его наивысшем состоянии развития, подлинная элита эгоистического человечества. Здесь сознание тех, кто пребывает на высших уровнях любви и интеллекта, но все еще в пределах субъектно-объектного сознания. Они образуют истинно “избранную Расу”. Без них этот залив был бы для большей части человечества непроходим, и тогда все погрузилось бы в инертное море неведения. В третьем море пребывает лишь горсточка людей, и все же именно они — непосредственная поддержка всех цивилизаций, подлинные носители бремени этой внешней жизни. Среди них также появляются новые члены, которым подчас удается пересечь этот залив. Четвертое море — в узких пределах, но заполнено огромной частью человечества. Это — псевдоинтеллектуальная полукультурная масса, которая исполнена самомнения от малого знания и не ведает о спасительном смирении Большого Знания. На этом уровне — бессмысленные споры, отягощенные эмоциями и страстями. Именно здесь возникают волнения, вызывающие смуты в народах и классах. Однако здесь еще есть некоторый Свет и энергия, порождаемая Желанием. Конечно, это желание не облагорожено и не устремлено должным образом, но оно все же обеспечивает силу, которая, в конечном счете, может быть использована и направлена. Для них все еще остается большая надежда, несмотря на все их безрассудство. Пятое море, мелкое и очень ограниченное, битком набито большинством.

Это — оупевшие, одурманенные тем, что испили всех страстей до дна; те, кто несут незначительную долю бремени, а сами являются великим бременем. Это море сумрачно от взбаламученной грязи, поднятой с самого дна, так что там — лишь тусклый отсвет самосознания.

И все же есть некий свет, благодаря которому эта низшая сфера выше животной, даже, несмотря на то, что во многих отношениях она опускается глубоко в животное сознание, и от такого недозволенного соединения порождается нечто еще более низкое. Кажется, что многих эпох не хватит, чтобы выбраться из этих бездонных мутных глубин. Ибо нет ничего безнадежнее, чем оживление промокшего листа, опустившегося на дно потока. А для тех листьев, которые не совсем опустились на дно, это задача бесконечно трудная. Гораздо легче преобразить активное и сильное зло, чем пробудить сознание от сомнамбулического транса. Но многих еще можно спасти, и пока Искра не совсем угасла, всегда есть возможность вновь раздуть Пламя.

Обитатели низшего моря не ведают о существовании третьего моря и вовсе игнорируют сферы за пределами залива. Поэтому обитатели этой сферы часто обращаются против своих вождей и в своем невежестве подчас уничтожают именно тех, кто является их надеждой. Лучше быть рабом недоброго хозяина, если тот выше, нежели одному оставаться беспомощным в этой глубине. Ибо сколь бы ни был эгоистичен мотив того, кто выше, но когда он использует того, кто ниже, он поднимает его благодаря действию неизменного закона. И точно так же, как птица, поймав бабочку, поднимает ее до своего уровня, так и человек высший, используя низшего, поднимает его. Бескомпромиссный и разумный эгоизм никогда не стал бы эксплуатировать низших. Но поскольку эгоизм почти всегда эксплуатирует, он, следовательно, заставляет служить Великой Цели вопреки самому себе, не разделяя радости от такого служения. Ибо всякое внимание, уделяемое высшим низшему, в какой-то степени возвышает его действием неизменного закона, который столь же неизбежен, как и соответствующий закон физики, согласно которому электрическое поле имеет тенденцию электризовать объекты вблизи него. Если когда-нибудь усилие к устранению подлинно высших классов в этом мире увенчается успехом, тогда вскоре останется лишь низшее — пятое море, и окончательной судьбой его будет неизбежное умирание. Кто же тогда истинные друзья человечества — нивелировщики или возвысившиеся?

На ум приходит сравнение, которое довольно хорошо отражает, что означал бы процесс нивелировки, если бы он удался. Предположим, что литосфера Земли выровнялась бы до общего среднего уровня. Тогда не было бы суши, один лишь океан, катящий над всем свои волны. Не было бы ни единого плато — то есть ни одного континента — и ни одной горной вершины. Вся известная нам сейчас культура развивалась на суше как физическом основании жизни, — так что, если следовать нашей иллюстрации, отсутствовала бы всякая возможность ее развития. Таким образом, не было бы никакого великого восхождения существования, ведущего к высокому Сознанию, которое символизируется Горной Вершиной. А без восходящей лестницы Жизни невозможной была бы и помощь, чтобы увлечь и направить все сущее, связанное водой.

27. Я ГОВОРЮ

Подчас, когда я пишу, “я” становится “мы”, и все же “Я” остается.

Существует сознание, которое, хотя и остается Единым, есть симфония гармонично сочетаемых частей.

Я пишу, и Я наблюдаю, как я пишу.

Я знаю, и Я же удивляюсь этому знанию.

Я — ученик, и Я же — Учитель.

Как Учитель, Я величественно взираю на мир под собой.

Как ученик, я скромно подвешиваю свой изумленный взор.

Я говорю, и тут же с голосом моим

сливаются мелодичные Голоса Других.

Раскрывается единый смысл во многих тонах.
Звучат все тона семиструнной Лирь;
один здесь, другой там, в сочетаниях, сливаясь в итоге.
И от этой Мелодии я впадаю в восторг, переполненный до краев и выше.
Меня — того, который говорит, — не узнает никто никогда,
пока не обретет Себя в тот последний День,
когда Я явлюсь во всей Своей Славе.

28. КАК ПОНИМАТЬ МИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Руже не впервые я с удивлением отмечаю возникающую подчас потребность выразить свои мысли в поэтической форме — хотя форма этих высказываний и не является поэтической в традиционном смысле. Так вот, долгое время я был совершенно равнодушен к поэзии, не говоря уже о сочинении стихов. Теперь же, однако, то и дело приходят мысли, которые по самой своей сути требуют поэтического выражения.

Просматривая книгу д-ра Бекка “Космическое Сознание”, я обнаружил, что чувство, которое автор называет “Космическим”, в цитируемых примерах, как правило, выражается в поэтической, хотя и свободной форме. Причина этого сейчас для меня очевидна. Сознание при переходе из более высокой сферы на субъектно-объектный уровень искажается, поскольку его выражение становится неизбежно относительным. Дискурсивная формулировка завершает свою задачу, если благодаря ей в итоге показано, чем не является Высшее Знание, поскольку именно это выясняет основание и устраняет препятствия для последующего погружения в Безмолвие. Однако подлинный смысл “Голоса Безмолвия” при его проявлении в относительном мире следует, скорее, искать за словами; внешняя же словесная оболочка нередко может показаться даже “безумием”, по выражению св. Павла. Сочинения подобного рода, если понимать их в обычном субъектно-объектном смысле, часто вовсе невразумительны, а в тех случаях, когда они передают какой-то связный смысл, то совсем не это, а нечто иное подразумевается как подлинный Смысл.

Видимые очертания слов подобны обратной стороне вышивки, и чтобы увидеть подлинное изображение, следует повернуть ткань лицом. Но нити изнанки неразрывны с теми, которые составляют сам рисунок, и, таким образом, определенная связь несомненна. То же относится и к словам поэта, который Пробудился к Космическому или Трансцендентному. Они — те “нити”, при помощи которых можно расшевелить интуитивное сознание и побудить его к Признанию Невыразимой Реальности. Изнанка может быть сравнительно неприглядной, и в этом случае такие сочинения, как правило, абсолютно непонятны обычному эгоистическому сознанию. С другой стороны, они могут быть вплетены в сопутствующую форму, которая будет вполне вразумительной и поэтому сможет более эффективно удерживать внимание субъектно-объектного сознания. Все это показывает, как воспринимать поэзию или мистические произведения. Такое чтение должно быть совершенно свободно от интеллектуального напряжения. Читатель должен позволить, чтобы через него протекало нечто вроде “потока”, и не беспокоиться о том, понимает ли он что-нибудь в данное время или нет. Он может ощутить или глубоко понять что-то пока еще невыразимое, неясное. Если он отзывчив, то вскоре почувствует себя в каком-то странном, но убедительном смысле удовлетворенным. Он будет вновь и вновь возвращаться к тому же источнику, но теперь уже от Внутреннего Смысла в нем начнет распускаться новое понимание. Быть может, он даже почувствует проблески истинного Постижения, и тогда мистические сочинения будут для него все менее темными. Он вступит в общение на уровне языка иного рода, и на этом новом Уровне обнаружит Живое Присутствие Тех, кто прошел до него тем же путем. Там нет смерти: обладание физическим телом или его отсутствие не имеет никакого значения.

29. О НЕПРИЯЗНИ К МУДРЫМ

Почему слова мудреца или мистика так часто возбуждают столь очевидное непонимание или неприятие? Вспомним хотя бы “Листья травы” Уолта Уитмена, вызвавшие бурю критики и восторга. С другой стороны, читателей обычно не трогают причудливые изгибы писаного слова людей, по его мнению, умственно неполноценных.

Это доказывает, что нетрадиционность формы сама по себе еще не является причиной такого неприятия. А значит, вся эта буря критики является всего лишь соответствующей данью и, собственно, указывает на безотчетное признание какой-то силы в словах Мистика или Мудреца. Пользуясь буддийской терминологией, самодовольству сил Мары нанесен удар; это и вызывает ответное сопротивление. Но во всех подобных столкновениях Мара обречен на поражение, поскольку эта прорвавшаяся Сила соединена с неиссякаемым Источником. Для Мары единственно эффективной защитой было бы полное безразличие, ибо человек, которого он принуждает бороться со Светом, неминуемо будет этим Светом побежден и станет с Ним единым. Св. Павел — классический пример. Его борьба была столь серьезна и искренна, что вскоре Свет победил его и сделал Своим слугой. Для Мары нет ничего опасней попытки устранить Мистика или Мудреца: они по своей истинной природе неуязвимы и, в конечном счете, подчиняют Себе своих предполагаемых устранителей.

30. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

1 сентября

Вчера вечером я вновь был в состоянии созерцательной Радости, все более ощущая Ее Присутствие как нечто Святое.

Это состояние имеет тенденцию сохраняться с наделением всех действий, от мысли и ниже, уравновешенным и бесстрастным характером. Резкие перемены нежелательны, и как раз то внимание, которое требуется для управления автомобилем, для такого сознания особенно неблагоприятно. В уличном движении необходимо быстро анализировать впечатления и принимать соответствующие решения. Обстановка на дороге постоянно изменяется, и стоит возникнуть неожиданной ситуации, например — кто-то перебегает улицу, — как сознание резко переключается на внешнее, и внутреннее состояние так же резко прерывается.

Существует серьезное противоречие между требованиями нашего века техники и условиями, важными для внутреннего проникновения. Я не имею в виду состояние сознания инженера-механика, но сам образ жизни, который навязывают людям машины. Обостренная бдительность к внешнему является важной для того, чтобы выжить в такой жизни. Вытекающее следствие — поверхностность, хотя обостренность и вынуждена возрастать. Глубина вполне совместима с обостренностью, но чужда поверхностности. Кажется, человеку становится трудно обрести подлинное счастье в наш механистический век.

Сегодня утром я проснулся с чувством опустошенности в физическом теле, но позже, прослеживая ход одной мысли, вошел в созерцательное состояние.

Сразу же появилось ощущение радости телесного комфорта в сочетании с чувством всепроникающего благополучия. Какая чудесная сила заключена в простом повороте мысли! Я вспомнил расхожую материалистическую точку зрения, согласно которой объекты рассматриваются как существующие сами по себе, независимо от сознания. Как необъяснимо было бы все, что я переживаю, с этой точки зрения! Однако в этой внутренней жизни кроется великая тайна, если взглянуть на нее с перспективы сознания, опирающегося на внешний мир. Мы знаем, что требуется огромное энергетическое усилие, чтобы привести в движение даже сравнительно малую часть этого мира. Кажется, что тут мы имеем дело с чем-то вещественным, массивным, с чем совсем не под силу справиться чему-то столь тонкому как мысль или состояние сознания. Тем не менее, это не так!

31. УРОВЕНЬ ПОДЛИННОГО РАВЕНСТВА

Во внутреннем общении есть некое равенство, неведомое здесь, на внешнем плане. Однако это отнюдь не равенство в геометрическом смысле совпадения наложенных конфигураций. В пространственно-временной множественности равенства не существует. Но основа общения там не находится в пределах комплекса пространство-время—причинность. Существуют степени или состояния развития, и в этом смысле каждый человек, будь он Осознавший Бога или нет, отличен от всякого другого и, следовательно, не равен ему. Таким образом, подлинное равенство есть равенство с различиями, и диапазон этого развития превосходит всякие границы относительного воображения. В смысле развития понятия “больше” или “меньше” остаются, но во внутреннем смысле существует Равенство. В пределах сферы эгоистического сознания нет никакого равенства, исключая один лишь аспект, что все на этом уровне базируется на эгоистическом основании. Попытаться наложить равенство на людей во всяком ином смысле значит подвергнуть их мукам прокрустова ложа. Нет безумия более пагубного. Равенство в этом низшем смысле, если бы его удалось навязать, потребовало бы абсолютной гибели всякой свободы. Ибо свобода подразумевает, кроме всего прочего, право развиваться по-разному, развиваться быстро или медленно. Человек имеет право предпочесть становиться мудрым, но с этим неизбежно связано и право предпочесть путь безумия, но без всякой надежды избежать расплаты за безумие. Так вот, неразумно пытаться спасти людей от расплаты за безумие, ибо это — необходимый учитель. Однако знаком подлинного сострадания всегда было стремление пробудить в людях желание Мудрости.

32. ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

Есть величие во всякой человеческой душе.

Я чувствую его все острее.

В любом человеке есть нечто, к чему я отношусь с уважением.

Когда люди становятся поистине нормальными, они открывают Мне новые грани Меня, и я испытываю перед ними какое-то изумление.

Эти Братья обогащают Меня, открывая Меня с большой буквы мне — с малой.

33. ПРОБЛЕМА МОРАЛИ

Преобладающая часть литературы, описывающей условия, благоприятные для Пробуждения, особо подчеркивает культивирование моральных качеств. Главный акцент ставится на устранение эгоистической точки зрения, то есть действия, мысли, мотивировки, оценки и проч., основывающихся на “Я”, считающем себя отличным от других “Я”. Пробужденное же Сознание склонно проявляться на этическом уровне, описанном в вышеупомянутой литературе, но не в порядке принуждения индивидуума, налагая на него внешне сформулированные и навязчивые законы морали, а как некое спонтанное выражение, вытекающее из самой природы этого Сознания. Эгоистическая перспектива совершенно утопает во вполне пробужденном Сознании, и на прогрессивной ступени Сознание это как бы раскрывается от своего сумеречного состояния до подлинного Торжества. Для Пробужденного человека моральная проблема перестает существовать в обычном смысле. Может оставаться, скорее, чисто техническая проблема выбора наиболее мудрого пути действия, но для такого Человека задача управления эгоистическим сознанием больше не существует. В этом Пробужденном Состоянии есть более высокие сферы моральной альтернативы, но они далеко превосходят пределы понимания чисто эгоистического сознания.

Теперь рациональное зерно в этической дисциплине становится ясным. Тот, кто заставляет себя действовать, мыслить и чувствовать по линиям естественного проявления Пробужденного Сознания, создает благоприятные условия для индуцирования именно этого вида Сознания. Это просто другой пример известной связи между электричеством и магнетизмом. Электрический ток всегда производит магнитное поле, но подобным же образом путем соответствующего использования магнитного поля мы можем вызвать электрический ток.

Однако, несмотря на практическую важность моральной дисциплины, остается верным, что Пробуждение может иметь и нередко имеет место в среде жизни даже менее моральной в **объективном смысле**, чем обычно. Будьте уверены, что Пробуждение в подобных случаях сразу же вызовет некую моральную революцию и радикальное изменение характера. Это просто показывает, что предварительная моральная дисциплина, хотя она и в высшей степени желательна, не является непременным условием Познания, по крайней мере, малого порядка. Какие-то иные благоприятные внешние обстоятельства или, быть может, чистейшая и обошедшаяся без всякой посторонней помощи спонтанность могут вызвать Переход.

Моральную дисциплину можно рассматривать как приближение к цели путем акцентирования отрицания зла. Но что с одной точки зрения представляется злом, в других аспектах выглядит как невежество, ненависть и безобразие. Мы можем назвать то, что проявляется в столь многообразных негативных аспектах, именем Мара. Так вот, Мару можно уничтожить через любую из его граней, а разрушение других граней последует рано или поздно. Есть, таким образом, дисциплины Красоты, Любви, Знания, которые действуют точно так же, как и моральная дисциплина. Кто отождествляется с прекрасным, тот не может создавать безобразное, в том числе и в моральном плане. На промежуточных этапах эгоистического сознания может быть значительная ассоциация с аморальностью, но, в конце концов, благоговение перед прекрасным должно уничтожить эту аморальность вследствие ее принципиального безобразия. Человек, природа которого — красота, не может не быть хорошим человеком, если он отождествился с этой Красотой. Отрицание любви — это ненависть. Кто отождествляется с любовью, исчерпывает способность ненавидеть и, значит, больше не может следовать путями ненависти. Таким образом, сам по себе он склонен действовать, чувствовать, мыслить и т. п. в соответствии с законом самоотвержения. И любовь на каких-то промежуточных этапах может нарушать этот закон, но если благоговение перед любовью не

ослабевает, то мало-помалу или даже вскоре она очищается. Тогда нелюбовное поведение становится невозможным.

Остается Путь Знания. С точки зрения Высшего Знания всякое зло есть лишь невежество. Мое собственное убеждение согласуется с учением Шанкары — я полагаю, что нет такой вещи как принципиально злая воля. Я решительно возражаю по этому поводу Св. Павлу и решаюсь оспаривать всю эту фазу так называемой христианской ортодоксии, которая построена на доктрине существования автономной злой воли. На самом деле Воля не является ни доброй, ни злой — это абсолютно нейтральная сила. Воля, направляемая невежеством, становится злой в своем проявлении, но если она направляется Знанием, то либо становится доброй, либо проявляется на уровне, где двойственность добра и зла неуместна. Таким образом, с точки зрения Пути Знания единственная проблема — это уничтожение невежества (неведения). С уничтожением Неведения Мара уничтожается автоматически со всеми его атрибутами. Человек может осознать свое тождество со Знанием и, тем не менее, быть плохо информированным; аналогичным образом человек, хорошо информированный, может быть абсолютно слеп для этого Знания. Теперь, скажем, через Знание данный человек достиг Признания своего тождества с “Я”. В этот миг он сознательно поставил себя вне сферы проявления тех сил, которые ниже “Я”, и это значит, что он выше всех относительных сил, в том числе и зла. Для него закон самоотвержения сам собой становится естественным способом его выражения, а затем его личная природа все больше и больше освобождается от старых привычек. Лично я убежден, что Знание — величайшая сила из всех, и в этом я, кажется, нахожусь в согласии с преобладающим суждением индийских мудрецов. Но если путь Знания — это путь величайшей Силы, он также является и наименее доступным путем. Таким образом, другие дисциплины отличаются большей прагматической доступностью.

Мы здесь не занимаемся проблемой происхождения зла, но лишь практической проблемой его уничтожения. Зло причиняет страдание; Знание уничтожает зло; поэтому ищи этого Знания, и когда достигнешь его, всякое зло и все страдания исчезнут, как давно забытые сны.

34. СОЛНЕЧНОЕ И ПЛАНЕТАРНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Человек, который пробудился к Космическому Сознанию, может стать Планетой, но подобным же образом он может стать Солнцем. Я не хочу сказать, будто он тут же облачится в те огромные тела, которые известны астрономии как планеты и звезды, но я имею в виду нечто совершенно сходное, хотя и в иных масштабах. Дело в том, что если отличительной чертой обычного сознания человечества является эгоизм, то Космическое Сознание является планетарным или звездным в первичном смысле. Тот, кто становится Солнцем, основывается непосредственно на Высшем, и таким образом в высокой степени является самосветящимся и независимым телом. Планета является телом меньшей яркости, которое движется по орбите вокруг какого-нибудь солнца. Так, человек, достигший Познания, может быть настолько привязан влечением симпатии к другой Освобожденной Душе, что вращается на ее орбите. Если почитать записи Тех, кто пробудил Космическое Сознание, то нетрудно увидеть эти две тенденции. Многие ставят себя в весьма скромное отношение с Трансцендентным Величием, которое вспыхнуло внутри них, и хотя они могут сказать: “Я емь это Величие”, практически они отождествляют себя с более внешним человеком и смиренно склоняются перед трансцендентным Иным. Или опять-таки тут может быть отношение подчинения другому Богопознавшему Человеку, который мог оказать влияние, вызвавшее Пробуждение. Здесь обнаруживается планетарная тенденция. Шанкара предостерегал, чтобы никто не считал чье бы то ни было Постижение выше своего собственного. Всякий Осознавший должен по возможности держаться такой мысли: “Не может быть ничего выше того Высокого Осознания, которое есть у меня”. Если эта

позиция непоколебима, то тогда он становится Солнцем. Следующий момент должен явственно удерживаться в сознании: “Хотя и верно, что, быть может, есть Солнца большие и более значительные эволюционные раскрытия, мое собственное внутреннее Осознание — самое высшее”. Но если человек не может стать Солнцем, пусть себе станет Планетой и играет свою партию в Великой Симфонии — Общени Свободных Душ.

35. ПОЗНАНИЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛО

Необходимо, чтобы Поток был согласован с ресурсами тела и в особенности нервной системы. Хотя в Потоке я испытываю возвышение и чувство благополучия, которое проникает и во внешний организм, тем не менее, этот Поток является мощной энергией и требует определенной выносливости. В состоянии опустошенности чувствуется усталость, неотличимая от той, которая связана с сопротивлением болезни. В такое время нужно бороться с психологической депрессией. Физическое тело — самое слабое звено, и в периоды такой опустошенности появляется искушение попросту сбежать из него.

Я мог бы передать это ощущение следующим образом: если тело сравнить с предохранителем в 10 ампер, то от трансформатора, который “выше него”, исходит ток порядка 100 ампер высокого напряжения. Постоянно приходится использовать больше 10 ампер и, таким образом, перегружать предохранитель близко к точке сгорания. Но если предохранитель сгорит, связь с этим планом будет потеряна, и выражение в этом мире останется незавершенным.

При экстатических состояниях, испытываемых после перехода тела в полный транс, эта проблема не возникает. Но в этом случае, вероятно, очень небольшое из Внутреннего Сознания пройдет через физический мозг и нервную систему, что таким образом действует как соответствующее ограничение внешнего выражения. Так что с точки зрения выражения в этом мире физический мозг и нервная система суть критические звенья.

С точки зрения Познания плотное тело ценно лишь как инструмент, в первую очередь, для установления контакта с другими воплощенными сознаниями. Больше нет никакого смысла ни в нем самом по себе, ни как в средстве опыта, поскольку для того, кто хоть раз достиг Источника Радости и Знания, все удовольствия и информация, которые могут быть извлечены из опыта, становятся всего лишь тенями, к которым он склонен испытывать некоторую неприязнь. Но плотное тело все же остается ценным как инструмент действия и требует внимания, которое хороший ремесленник уделял бы полезному инструменту, но не больше. Тут мы сталкиваемся вплотную с одним из высших искушений, а именно — с пренебрежением, или выбрасыванием инструмента, который является тормозом в работе более Высокого Сознания в смысле Знания и Экстаза. Примером, который иллюстрирует этот момент, может быть один человек Востока, который на предыдущем этапе своей жизни стал профессором колледжа. Он достиг Озарения, и тогда, естественно, его интерес переключился на более высокий Мир. Он, однако, не забывал этот физический мир и приносил в нем значительную пользу от своего нового понимания. Согласно его собственному заявлению, он, наконец, наметил систематическое философское изложение, но внутреннее влечение уже стало настолько сильным, что желание дать выражение своему Познанию угасло. Он все больше и больше уходил в жизнь медитации, и, в конце концов, купаясь в реке, утонул, оттого что вошел во внутреннее состояние в воде. Мир утратил то, что мог оставить этот человек, так как он в высокой степени отличался способностью выражения. С его собственной точки зрения он лишь сбросил оковы, но сейчас не то время, чтобы подобные люди, в общем-то, чувствовали себя вправе довольствоваться Своими собственными внутренними удобствами, невзирая на нужды других.

Обычному человеку, захваченному гипнотическими чарами воплощенного сознания, трудно понять то отношение к физическому воплощению, которое вызывает у Осознавшего Человека это Познание, по крайней мере, выше определенного уровня. Позвольте вас заверить, читатель, что это отношение не является искусственным, вынужденным или следствием пессимизма. Оно так же естественно, как то отвращение к жизни, которое нормальный человек испытывает на передовой во время современной войны. Он может бодро выполнять свой долг на передовой, поскольку чувствует, что его Родина нуждается в его службе, но в глубине души он питает отвращение к жизни. Он не будет тяжело переживать, когда обстоятельства изменятся и он больше не будет нужен на передовой. Так вот, позвольте заверить всякого, кто сомневается, что эта Внутренняя Жизнь столь безгранично богаче внешней жизни, что самое острое чувственное наслаждение в сравнении с этим — всего лишь боль. Так что долг плотного физического воплощения примерно походит на период жизни на передовой во время войны. Кроме того, помимо этого сокровенного и величайшего внутреннего Состояния, есть еще иные Миры, более тонкие, чем эта внешняя сфера жизни, где Сознание также является воплощенным, а Жизнь там бесконечно богаче, чем всякая жизнь здесь, ниже. А потому, зачем привязываться к ложному блеску жизни на помойке?

В стоячей воде болота, наполненного гниющими растениями и сточными водами, переливается всеми цветами радуги маслянистая пленка. В этом есть красота в какой-то мере, но такая жалкая в сравнении с иной и большей красотой. Эта радужная пленка — хороший символ самых острых наслаждений непросветленной чувственной жизни. Разве не естественно, что человек, который нашел большие и богатейшие красоты, захочет отворачиваться от этой радужной болотной пленки?

36. ОБ ОККУЛЬТНЫХ СИЛАХ

В широком смысле слова “оккультный” означает все, что скрыто для данного уровня сознания, которое принимается за основной эталон. Таким образом, для простого сознания животного, эгоистическое сознание, которое лежит в основе известной нам культуры и цивилизации оккультно. Немногие из высших животных, как некоторые собаки, обнаруживают признаки, указывающие на предвестники качеств, характерных для эгоистического сознания, и таким образом они достигают сумеречного проблеска этого последнего уровня. Но это происходит оттого, что эти немногие индивидуумы пришли в соприкосновение с человеком, который для них играет аналогичную роль, как Гуру для человека на еще более высоком уровне. В сравнении с сознанием огромного большинства животных, эти немногие привилегированные особи занимают положение, похожее на частичное посвящение в область оккультного. В этих случаях мы просто имеем пример благоговейной устремленности со стороны особей с менее развитым сознанием и индукцию от человека более высокого сознания.

В сфере эгоистического сознания существует широкий диапазон различий — от тех индивидуумов, которые едва упрочили свое основание, чтобы называться людьми, как, например, бушмены Австралии, до наиболее развитого сознания, которое, тем не менее, не достигает более высокого Пробужденного сознания. В некотором смысле мы можем сказать, что более развитые культуры являются оккультными для людей первобытных. Но со временем развитие пересекает эту черту без всякого коренного изменения. Ибо это развитие внутри пределов сознания данного типа, в данном случае — эгоистического или субъектно-объектного сознания, тогда как в строгом смысле термин “оккультный” подразумевает радикальную перемену основания.

Для преобладающего большинства человечества слово “оккультный” обозначает именно Пробужденное Сознание. Ничто из того Знания, которое является общим уделом более высокого

Уровня, не может быть понято чисто эгоистическим человеком. Усилия по перекрестному переводу обогащают эгоистическое сознание и имеют тенденцию вызывать Пробуждение в тех, кто еще спит, но все, что понимается в пределах эгоистического сознания, коренным образом отличается от Пробужденного Сознания как такового. Существует непреодолимая несоизмеримость, которая всегда делает невозможным точный перекрестный перевод. Даже если человек действует на обоих уровнях, он не в состоянии осуществить подлинный перекрестный перевод в своем собственном сознании. Он в каком-то смысле является одновременно и кругом, и квадратом. Он обладает или является Знанием в обоих смыслах одновременно, тем не менее, основная природа знания более высокого типа остается невыразимой в терминах более низкого. И все же существует такая вещь как приближение к перекрестному переводу, как математик дает приближенную рациональную оценку какого-нибудь иррационального числа, например, квадратного корня из двух. Но хотя это приближение можно отнести к любому числу десятичных знаков, а дробь с большим числом десятичных цифр соответствует большему искусству перекрестного перевода, — и будет достигнуто значение, которое соответствует всем требованиям прикладной математики, — но с точки зрения значений, абсолютно важных для чистой математики, попытка эта будет полной неудачей. (Отношение между двумя этими уровнями сознания представлено в виде аналогии очень хорошо именно той разницей, которая отличает чистую математику от прикладной). Для Человека, который пробудился в более высоком смысле и который, тем не менее, продолжает функционировать на эгоистическом уровне, никакая область не является более оккультной в строгом смысле, хотя многое остается оккультным в том смысле, что этим еще не овладели. Таким образом, Пробудиться значит Познать Оккультное, или, вернее, стать тождественным с оккультным Знанием.

В некоторых отношениях абсолютно необходимо пытаться совершить некоторый перекрестный перевод высшего Оккультизма на эгоистический уровень столь искусными средствами, какие только можно найти. Это относится к более высокой духовной фазе оккультного, и фаза эта фактически самая важная, ибо дает Ключ, который, в конечном счете, делает возможным открытие всего прочего. Это оккультизм Самопознания (Признания “Я”). Кто вполне утвердился в “Я”, — выше всех меньших сил и таким образом, в принципе, находится в положении, где для него безопасно приобретение техники, необходимой для манипулирования ими. Но даже в этом перекрестном переводе есть такая вещь как “духовный динамит”. Однако обычно индивидуум, не готовый к его использованию, защищен отсутствием интереса или понимания, так что подобная литература кажется ему либо неинтересной, либо бессмысленной.

Есть, однако, и другие области оккультного, где в перекрестный перевод можно передать достаточно подлинной силы, так что становится возможным опасное злоупотребление. Есть силы, в достаточной степени находящиеся в пределах эгоистического контроля, которые, если ими неверно пользоваться или вследствие недостаточного понимания или несовершенного контроля злоупотреблять, вызвали бы гораздо худшие последствия, чем простое уничтожение физической жизни. Ясно, что такие силы должны быть искусно охраняемы и скрываемы, чтобы человеческая раса не пострадала от вреда, не поддающегося учету. Естественно, что только люди испытанного характера и способностей могут быть без риска допущены к знанию подобных тайн.

Если человек Пробудился и, следовательно, пересек Залив, став, таким образом, по существу гражданином внутреннего Мира, то из этого ни в коей мере не следует, что он в результате сразу вступает во владение всеми Силами, подвластными этому уровню Сознания. Некоторыми Силами он располагает по причине простого факта Пробуждения, и они автоматически отражаются в его жизни, его сочинениях и т. п. Он влияет на других в некоторых отношениях гораздо больше других людей, которые, как бы они ни были искусны и способны, остаются, тем не менее, в пределах эгоистического сознания. Но существует неисчислимое множество специфических Сил, затрагивающих все области природы как в смысле проникновения в Знание, так и способности к

активному действию, которые можно пробудить и которыми можно овладеть. Возможно, лишь немногие знатоки в этой области, если таковые есть, действительно раскрыли все возможные Силы, приходящиеся на ту сферу или уровень развития, на котором Они находятся. Мы имеем здесь естественную аналогию с известным фактом, существующим среди людей на эгоистическом уровне. Одни имеют способности в одном направлении, другие — в совершенно иных направлениях, и ни один человек в одном воплощении не является в равной степени специалистом во всех. Специальные силы пробуждаются соответствующим усилением и развитием. Внутренний Мир не беднее, а богаче в смысле раскрываемого им разнообразия; и именно в этой сфере есть что-то соответствующее “времени” на объективном плане, не имея в виду самый высокий смысл. Это, конечно, время совсем иного рода, но, по крайней мере, нечто аналогичное с тем, что мы зовем “прогрессом” в этом низком мире. Так что там многое можно сделать, и хотя Знатоки и переходят на совершенно иную основу, они все-таки люди, а не какие-то странные Существа, находящиеся вне пределов всякого сравнения. Пробуждение — это один факт, самый важный из всех, а перечень развитых сил — совсем иной, и форма развития заметно меняется от индивидуума к индивидууму.

Первичный принцип, по которому эти Высшие Силы возможны, прост, если постигнута основная природа Реальности. Если бы первоначальные предположения натуралистов или материалистов были справедливы, то эта Сила была бы совершенно невысказанной. Но Реальность — это Сознание, и развитие Вселенной является проекцией из чистой субъективности вовне. По крайней мере, так это постигается с относительной точки зрения. Следовательно, Я создаю этот мир Моей Силой Представления (идеации), Воли и т. п. Поэтому в пределах Закона, который есть также “Я”, я могу формировать и преобразовывать этот мир при помощи Силы, изначально его создавшей. Адепт тождествен Божественности, которая есть Я, значит, через Него Я управляю Моей Вселенной. Это, конечно, не дает технических деталей, которым можно научиться более или менее скоро, но на этой принципиальной основе вся идея оккультных Сил может быть постигнута как рациональная, а не заключающая в себе что-то сверхъестественное, хотя многие Силы могут быть сверхъестественны, что касается общего опыта человечества. Часто задают вопрос: “Если есть люди, которые обладают такими силами, почему же проявление их столь редко?” Действительно, многим кажется, что демонстрация этих сил многое сделала бы в деле убеждения людей в ошибочности их знаний по этому поводу, и таким образом послужила бы стимулом к исследованиям в верном направлении. В ответ можно отметить, прежде всего, то, что некоторые вполне достоверные демонстрации были, хотя и не так часто, и второе — что древняя традиция все время упоминает о них. Чудеса нежелательны, хотя по общему признанию они немногочисленны и вообще должны быть исследованы. Но есть причины, почему всегда проявляется осторожность в проявлении Силы. Самая важная из них основана на соображении воздействия такого проявления Силы на людей, чье понимание недостаточно подготовлено. Обыкновенный человек считает такие силы сверхъестественными или чудесными. Отметим, например, преобладающее отношение к деяниям Иисуса, которого придерживалось христианство в последние 1900 лет. И вот, если люди считают какую-то силу сверхъестественной, то результатом будет рост суеверий вместо прогресса вполне разумного взгляда на вещи, который столь важен для подлинного Владения. В таких случаях демонстрация Сил производит эффект, как раз обратный желаемому. Суеверие — роковой барьер к Богопознанию. Божество для суеверного — либо объект неразумной веры, либо страха. Результат — расширение, а не исчезновение барьера между человеком и его богом. Что может быть хуже этого? Таким образом, остается правило, что прежде чем человек может быть свидетелем каких-то проявлений, он должен сначала вполне ознакомиться с философией, которая позволит ему понять их с рациональной точки зрения. Он должен прийти к пониманию сил, по крайней мере, в принципе, в пределах своих собственных скрытых возможностей, когда они раскрываются. Если это как раз тот случай, то демонстрации могут быть полезны.

Мы не вмешиваемся в развитие людей таким образом, чтобы они перестали действовать по своему усмотрению. Никто не наделяется этими силами как вольным даром. Все они должны быть приобретены, и хотя мы и можем быть направляющей рукой, импульс и усилие должны возникнуть сами изнутри сознания каждого индивидуума. Сила, однажды приобретенная, является достоянием человека, который овладел Ею, и может быть утрачена лишь из-за его неумных действий, хотя бы на время. Мы можем подавить Ее, когда Ее преждевременное развитие может повредить дальнейшим результатам либо у самого индивидуума, либо у более значительного целого.

37. СИЛА, КРОЮЩАЯСЯ В ОСНОВЕ РЕЛИГИИ

В фундаментальном смысле сила, кроющаяся в основе религии — та же, что и сила, влекущая друг к другу мужчину и женщину: Когда имеется подлинный религиозный экстаз, проявляется некоторая фаза творческого принципа, изредка на чрезвычайно возвышенном уровне, но чаще на все более и более низких уровнях до тех пор, пока в самых низинах мы не находим знахарство и т. п. Изучение истории религий показывает постоянно возвращающуюся тенденцию для религиозной практики принимать фаллическую форму, иной раз довольно явную, а иногда более или менее скрытую.

В высшем смысле Творческий Принцип свят и сопрячен чистой религиозности. В христианстве это завуалировано словами “Дух Святой”. Отсюда ясно, почему грех против Духа Святого считается столь серьезным. Так вот, грех этот состоит в низведении Творческого Принципа в плотное и нечистое сознание. Это область, куда может войти без риска только Чистый Сердцем. Другие пусть поостерегутся!

Физиологический аспект этого Принципа — лишь один из его более низких видов. Подлинное творчество сознательно. Тогда, хотя нет никакого греха в нормальном проявлении физиологического аспекта как такового, качество связанного с ним осознания определяет — хорошие или дурные будут последствия. Нечистое человеческое сознание имеет самые серьезные последствия, когда приводится в связь с действием Творческого Принципа на любом уровне, но чем выше уровень, тем последствия хуже. Это один из путей, которым зло может войти в жизнь. Это очень серьезный момент, так как именно здесь человечество накликает на себя худшие бедствия.

Более высокие аспекты Творческого принципа, который имеет несколько уровней, становятся все более и более мощными и святыми до вершины, где мы приходим к признанию Небесной Девы.

Кто сливается в своем сознании с этой Девой, более не просто верит в Бессмертие или стремится к нему, но Познает, что сам он Бессмертен, более того — он и есть Бессмертие. Это поможет уяснить, какой Высокий Смысл сокрыт в словах “Дух Святой”.

Но как бы ни было велико благословения Потока Блаженства, тот, кто хочет быть Мастером, не должен утрачивать себя даже ради этого Величия. Есть такая вещь как Божественное Опыянение, и хотя многие рассматривают такую утрату себя как добродетель, они правы лишь отчасти. Истинный Жрец никогда не должен позволять себе терять управление даже в присутствии высшей экзальтации, иначе ему останется неведомо Высшее Озарение.

38. ЗНАНИЕ ПУТЕМ ТОЖДЕСТВА

Становится ясно, что существует коренное различие между формальным и эмпирическим знанием с одной стороны, и Знанием с точки зрения Пробужденного Сознания — с другой. Если это различие не понято, высказывания и писания Святых и Мистиков останутся в основе своей непостижимыми для всех, кто остается в пределах эгоистического сознания. Формальное и эмпирическое знание, — а под этим я подразумеваю всякое знание, для которого язык является адекватным инструментом, — есть знание связей. Так, какое-то слово заменяет объект, который в некотором смысле совсем иной, чем это слово. Объекты в этом случае — не просто то, что представлено существительными, но также и то, что постигаемо в смысле действий, отношений, свойств и т. п. Объекты эти могут быть плотными или тонкими, но в любом случае их отличие подразумевается. “Истину” начинают определять как какую-то связь между словесными идеями и объектами, которые они замещают. Таким образом, все это знание абсолютно внешне и выступает как нечто иное, чем эгоистическое “я”, или как противоположное ему. (Именно внешний характер этого сознания делает возможным развитие материализма). Но знание в этом смысле имеет лишь инструментальное значение. Поэтому через такое знание никогда не познать “вещь в себе”, ибо оно накладывает на сознание видимость дистанции. Результатом является то, что интеллектуальность, **если она осознанно или неосознанно не соединена с высшим знанием**, производит эффект пустоты или “скудости”, что так впечатлило Вильяма Джеймса. Здесь мы имеем причину неудачи формальных попыток доказать существование Бога. Формальная демонстрация не может подняться выше своего источника, но может выявить все, что в нем содержится. Таким образом демонстрация, которая исходит из источника меньшего, чем Божество, ни в коем случае не может доказать существование Божества. **Бог либо познается непосредственно через тождество, либо не познается вообще.**

В противовес формальному и эмпирическому знанию Истинное Знание по существу бессловесно, так как оно не имеет дела с объектами. Это Знание посредством Тождества. Следовательно, оно не представляет сущность, а есть Сама Сущность. Таким образом, истинно, что “Я” (Атман) — не отлично от этого Знания. Речи и писания Людей, Осознавших Бога, не являются изображением внеземного существования, но суть подлинное воплощение “Я”. Мудрец и Мистик живут в словах, высказанных Ими так же подлинно, как в своем телесном покрове, а иногда еще полнее. Следовательно, до читателя или слушателя Слова эти доносят Само Присутствие. Поэтому такие Слова имеют магическое влияние в смысле преобразования человека, который Им внимает. Подлинное Знание не инструментально, но является Целью в Себе Самом. Оно может быть облечено в высокоорганизованную форму, и в таком случае мы имеем истинную философию, которая также является Целью в Себе Самой.

Теперь становится ясно, как примирить Вильяма Джеймса и Гегеля. Оба в высокой степени обладали интуицией, и если для них Солнце и не взошло в полном сиянии, то Оно было уже у горизонта и вот-вот должно было взойти, или уже взошло и было лишь сокрыто тучами. Если бы оно ярко засияло для Джеймса, он едва ли не признал бы Гегеля. Далее — у Гегеля как у индивидуума основное развитие крылось в интеллекте, тогда как у Джеймса — в ощущении и чувстве, и это остается верным, несмотря на высокое развитие интеллектуальных способностей, которыми он обладал. В отличие от Гегеля, его интеллект был чужд его сущности как человека. Истинное же Знание удачно выражается через человека и для человека в тех фазах, которые наиболее развиты в его личной и индивидуальной природе. Не все Воплощения Слова равно доступны для всех людей. Даже Люди, Осознавшие Бога, у которых нет какой-то данной способности, не могут осознать проявление Истинного Знания через эту способность эффективным образом. На уровне лишь частичного Осознания большая или меньшая степень Познания может быть дана через наиболее развитые врата (каналы), и, тем не менее, не быть доступной по другим каналам, которые менее развиты. Философия Гегеля подлинна и основывается на Истинном Знании, сколь бы ни была несовершенна с точки

зрения логики его попытка доказать это Знание таким образом, чтобы все разумные люди могли согласиться. (Логически совершенной формулировки Истинного Знания еще не было записано. Даже Шанкара не вполне преуспел, так как в свете нашего современного большего понимания логики можно показать несоответствия у Шанкары, что касается формальной демонстрации). Интеллектуальность Гегеля воплощает Субстанциальность (Реальность) и проливает на Нее Свет, хотя Джеймс и не способен был увидеть ее в таком освещении. Но Джеймс видел Свет, иначе он не имел бы столько симпатии к сущности религии и не реагировал бы с таким энтузиазмом на мистические сочинения вроде трудов Густава Теодора Фехнера. Но он был так создан, что не мог видеть этот Свет через ворота, которые открыл Гегель. Отсюда следует, что с точки зрения своего видения Джеймс был вполне прав, считая интеллект лишь инструментом, но ошибался, универсализируя свою собственную точку зрения. Интеллектуальность может быть воплощением Субстанциальности не менее полным, чем ощущения и чувства; и в этом случае она охватывает не только средства, но и цели. Как будет разъяснено далее, все три модуса относительного сознания — познание, чувство и ощущение — сами по себе в равной мере не годятся, чтобы дать прочную Реальность. Только когда они соединены в Знании через Тожество, они действительно воплощают Реальность.

В обсужденном примере мы сталкиваемся с распространенным заблуждением среди людей, которые отличаются подлинной интуицией; может быть, их Солнце действительно поднялось до значительной высоты. Такой индивидуум часто видит свой путь как единственный, и в результате заявляет: “Только этим путем можно войти”. Это не так. Любой путь, который может открыть эгоистический человек, в принципе может стать Путем. Заблуждение — брать свои индивидуальные ограничения и утверждать их от Духа. Кто Достиг, всегда может сказать: “Путь, которым я шел, есть путь возможный, ибо я его испытал. Попробуйте его, так как он может быть путем и для вас”. Но для данной человеческой души этот конкретный Путь может быть непрактичным, тогда как какой-то другой Путь может стать для нее заветным “Сезам, откройся”.

Понимание места логики становится ясным. Нет никакого сомнения, что логика обладает окончательным авторитетом в том виде знания, который принадлежит к субъектно-объектной множественности, и закон противоречия относится исключительно к этой сфере. Вся дихотомная логика делит целое относительной вселенной на две части, так что об этой вселенной мы можем всегда сказать: “Это либо икс, либо не икс”. (“Икс” в данном случае заменяет собой любой термин, любое понятие). Но с точки зрения Истинного Знания такая дихотомия не является ни верной, ни неверной, она просто неуместна. Она даже более неуместна по своей сути, чем неуместность, скажем, такого вопроса: “Организован ли лев по принципу фути или симфонии?” Аналогичным образом, с точки зрения Знания путем Тожества нет никакого смысла в применении логического критерия противоречия. Здесь, в пределах этой субъектно-объектной, пространственно-временной множественности нет более фундаментального принципа, чем тот, согласно которому “А” не может быть одновременно и в одном и том же смысле также и “не А”. Но какое отношение это может иметь к Сознанию, которое превосходит и пространство, и время, равно как и субъектно-объектную сферу? Ибо все возможные пространства и всякое возможное время, и всякий смысл, в котором может быть использована какая-либо идея, постигается сразу в чистой апперцепции “Я”.

Тем не менее, остается верным, что всякое выражение в пределах субъектно-объектной множественности может быть испытано должным образом по канонам логики, и если оно найдено недостаточным, выражение это должно быть признано некорректным. И это остается верным по поводу выражений, являющихся перекрестным переводом с Истинного Знания, точно так же, как и в ином случае. Но как бы ни было некорректно выражение, если оно является перекрестным переводом с уровня Подлинного Знания, оно верно в принципиальном смысле, ибо оно несет Смысл. Это только аппарат неадекватен. И, тем не менее, я убежден, что Путь проясняется, когда аппарат выражения

делается более совершенным, и что тот, кто говорит из Источника, должен стремиться быть сколь возможно ясным.

39. СМЫСЛ СУБСТАНЦИИ

Впервые для меня стало понятно слово “субстанция”. Я вновь обращаюсь к “Этике” Спинозы и читаю третье определение из первой части: “Я разумею под субстанцией то, что существует само в себе и постигается через самое себя”. Много раз я старался придать этому определению какой-то разумный смысл, но мне это никогда не удавалось вполне. Но теперь он выступает явственно. До сих пор я пытался привязать понятие “субстанции” к объектам, хотя бы и в некотором тонком смысле. Но это ошибка. Никакой объект, чем бы он ни был, не “пребывает в себе” и не “постигается через себя самое”. Я емь это Само и постигаю, что я есть это “Я”. И тогда я осознаю, что есть субстанция. Субстанция есть не что иное, как “Я”. (Очень интересный факт, что, переживая Поток Блаженства седьмого числа прошлого месяца, я непроизвольно считал его Субстанцией). Но эта субстанция как раз и есть нечто такое, чего нельзя утверждать о весомай материи, об объектах чувств или мыслей.

Мысль Спинозы вносит новую ясность. Есть определенная трудность в его способе выражения, так как он пользуется словами совсем иначе, чем ныне принято, но подлинная мысль становится ясной без особых усилий. А почему? Да просто потому, что я теперь понимаю его мысль с его собственной точки зрения. Возьмем, к примеру, первое попавшееся предложение, на которое я натолкнулся в его “Кратком трактате”: “Итак, счастье не является наградой за добродетель — оно есть сама добродетель”. Иными словами, истинное Счастье есть добродетель, а не просто следствие добродетельной жизни. Это совершенно ясно; счастье — единственная хвала или восхваление Богу. Счастье — единственная стоящая молитва. Счастье — единственная добродетель, а уныние — грех. Тут я сознательно переключаюсь на прежнее эгоистическое сознание, и все звучит бессмыслицей. И все это — из-за различия видов знания; Истинное Знание несоизмеримо с эгоистическим. Но Истинное Знание спасает человека, тогда как эгоистическое знание само по себе не может этого сделать.

Какое из этих двух видов знания рационально, а какое нерационально? Я должен определенно заявить, что Истинное Знание рационально и соизмеримо, последнее лучше понимать в смысле “разумно” а не “измеримо”. Но субъектно-объектная точка зрения все переворачивает. Это вопрос уровня или точки зрения. Но в более глубинном смысле моя точка зрения верна.

40. В ОБЩЕСТВЕ ПОЗНАВШЕГО

Перспектива впереди становится все интереснее.

Приходит новое и более тесное общение с новыми и старыми учителями философии: Спинозой, Кантом, Гегелем, Платоном и другими.

Какие имена!

Какие мастера Прекрасного!

С редким искусством отражают Они Величие Моей Вечной Мысли.

Как возвышенно открывают они Мне, сколь много Я знаю!

Я во все более возрастающем количестве узнаю признаки Высшего Света. Тогда как есть немногие, для которых Солнце взошло во всем своем полном сиянии, число тех, кто узнал свет утренней зари или, быть может, уловил едва пробившиеся из-за горизонта лучи Солнца, гораздо больше, чем я думал. Есть еще и другой, более таинственный класс, члены которого родились с Солнцем над горизонтом, но лучи его были затемнены затянутым тучами небом. Для них Солнце взошло впервые в других жизнях, но по той или иной причине воплощение их состоялось при известном затемнении. Тучи могут быть или не могут быть разорваны для них в ходе данной жизни. Это зависит в первую очередь от первоначальной цели. Иной раз необходимо пробиться снизу для того, чтобы открыть новые Врата, и тогда этот Первооткрыватель вполне может быть тем, кто впервые прорвался к какой-то иной жизни. Иногда такое затемнение может служить целям отдыха, ибо Внутренняя Жизнь, если окончательный Отдых отвергается, значительно более интенсивна, чем жизнь в пределах эгоистического сознания. Эмерсон — один из известных примеров такого затемнения. Доктор Бекк не мог определенно классифицировать его как пример Пробужденного Сознания, потому что недоставало некоторых известных признаков. Следы Древнего и Мудрого Знания явно сказываются в некоторых работах Эмерсона, и затемнение легко объясняет в его случае черты нетипичные.

41. ПОЗНАНИЕ И ЭГОИЗМ

Кое-где в написанном мною я замечаю определенную форму, которая в значительной степени может показаться проявлением самомнения. Я отметил такую форму и в сочинениях других, писавших с той же точки зрения. Прежде я даже возмущался этим как какой-то ненужной претенциозностью. Но дело в том, что с точки зрения Пробужденного Сознания эгоистический элемент попросту отсутствует, или сохраняется лишь в остаточной форме в еще не вполне преобразованном эгоистическом сознании Пробудившегося индивидуума. Самомнение — одно из следствий субъектно-объектного сознания, так как здесь индивидуальное эго кажется отличным от других эго и имеющим интересы, которые им противоречат. Далее, самомнение проявляется не только в форме самодовольства. Его можно найти и в великом смирении, ибо комплекс неполноценности в такой же мере является определенной гранью самомнения, как и комплекс превосходства. Но Огонь подлинного Знания рано или поздно сжигает все.

В описании личных и явно внутренних событий использования личного местоимения первого лица трудно избежать, и его устранение едва ли придаст записи научную точность. Подобные события — это всегда “мой опыт” какого-то индивидуума. Но это кажущееся самомнение проявляется не в одной лишь записи. Я вновь и вновь говорю в плане уверенности, а не гипотетически или экспериментально. Я не скрываю уверенность в форме, которая лишь предполагает возможность или вероятность.

Далее, уверенность категорична, а не гипотетична. Но если я иногда говорю: “Таким образом, я знаю”, то Знание это не следует смешивать со знанием в сфере гипотетического, которое более связано с возможным, чем с действительным. В области гипотетического дискуссия может затихнуть только в результате полной логической демонстрации. Без такой демонстрации гипотетическое знание является лишь мнением. Далее, я не проявляю категорическую уверенность относительно объективного эмпирического знания, такого, например, которое составляет область физики. Здесь лучшим авторитетом является развитое искусство наблюдения, а результаты в любом случае имеют лишь относительную точность. Большее развитие умения может изменить их. Писать в такой области имеет смысл лишь тогда, когда это представлено экспериментально в явной или косвенной форме.

Подлинные ученые большей частью действительно весьма осторожны в этом отношении, в особенности, когда предлагаются рабочие гипотезы. В конце концов, я не утверждаю Высшую Силу, подразумеваемую в заявлении “Я поддерживаю эту вселенную”, как некий атрибут личного или относительного человека. Все силы в своем объективном проявлении в пространстве и времени соотносятся с возможностями инструмента, а возможности эти могут быть большими или малыми, но, во всяком случае, это вопрос степени.

С категорической уверенностью я Знаю только то, что относится к одному лишь Смыслу. Я не знаю, будет ли мое формальное выражение самым верным из возможных. Более того, я мог бы сам найти недочеты в этом формальном выражении себя, но не вижу, как его можно было бы существенно улучшить. В большей части написанного здесь, я отталкивался от Смысла. Я все более и более нахожу тот же смысл, выраженный часто в совершенно иной форме другими, которые также Признали свою собственную Подлинную Сущность. Я — один, и в то же время Я — все другие, особенно те другие, которые Познали Себя (Признали “Я”). Это “Я” с большой буквы звучит так же, как эгоистическое “я”, но означает оно нечто совсем иное. И далее, это только с эгоистической точки зрения Трансцендентное Сознание кажется Знанием “я”. На высшем уровне и “я” и “ты” пропадает. Эгоистическое “я” есть лишь некая точка, отличающаяся так называемым социальным положением, но не величию. Оно подобно нулю в анализе. Но Трансцендентное “Я” есть в равной мере и точка, и все Пространство. Его математическим символом был бы и нуль и бесконечность. Теоретически возможен подход к Трансцендентному Сознанию через рассеяние, распространяющееся повсюду, равно как и через концентрацию в точке или в “Я”, но его практическая польза сомнительна. Из всего этого должно быть ясно, что Трансцендентное “Я” есть все что угодно, только не самомнение.

Приличие могло бы подсказать более скромную форму выражения. Но следовать таким путем значило бы по существу впасть в отрицание, вроде Св. Петра. Ибо, боясь слушавших его, Петр сказал: “Я не знаю Его”, и таким образом не выдержал испытания. Петр знал своего Господа, но отказался отождествить себя с Ним во время допроса. Это не было почитанием Господа, совсем наоборот. Я узнал своего Господа, который есть “Я”, и в то же самое время подлинное Я всех тварей, и предпочел признать это “Я” перед людьми, ибо я не стыжусь его. Может быть, это Признание поможет пробудить свет “Я” в других. Во всяком случае, надежда на это является единственной причиной создания этого выражения вообще.

42. МНОГИМИ ПУТЯМИ

Многими Путями приходят они ко мне.

Мне все равно, каков Путь, лишь бы они пришли.

Я во всех, но не все. — во Мне.

Я хочу, чтобы никто не задерживался во мраке внешнего.

Я хочу, чтобы никто не страдал в муках, вызванных самим собой.

Есть ко Мне краткие и прямые Пути, другие — долги и мучительны.

Разве плохо выбрать более краткий Путь, нежели путь долгий и утомительный?

Но пока не избрали такой, Я подожду.

43. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

Теперь я ощущаю положительные результаты на физиологическом уровне. Заметно возросла энергия в плотном теле. Есть также новое предпочтение в вопросах пищи. Идет на убыль желание и вкус к мясу. Мясо пока еще не вызывает отвращения, но скоро к этому придет. Я становлюсь довольно равнодушным к концентрированным сладостям и в общем меньше тяготею к приготовленной пище. Слегка возросло желание фруктов. Но преобладающее отношение к пище исполнено безразличия и некоторой неприязни. А с другой стороны, я испытываю меньшую потребность в плотной пище.

Несколько лет назад я почувствовал полное отвращение к догматической диететике и оттого усвоил чисто прагматический взгляд по этому поводу, которому следую и по сей день. Отмеченная выше перемена склонностей совершенно свободна от влияния теоретических соображений.

44. СВЯЗЬ КАРМЫ С ПОЗНАНИЕМ

Великие авторитетные источники в области Познания — учение Будды, писания Шанкары, “Бхагавад Гита” и “Голос Безмолвия” — все утверждают, что Познавший освобождается от Кармы прошлых действий, за исключением Кармы, которая уже “проросла” и является причинной силой, обеспечивающей существование теперешнего плотного тела. Я уже отмечал ощущение свободы от действия Кармы во время Перехода. Кроме того, существует весьма распространенное свидетельство в сообщениях тех, кто достиг Познания; только во многих случаях это сообщение дано в форме утверждения ощущения свободы от греха. Тут затрагивается очень важный принцип, который необходимо выяснить.

В самом широком смысле Карма означает связь причин и следствий, которая вызывает и поддерживает существование вселенной как целого, а равно и всякой единицы внутри нее. Все во вселенной существует в своем нынешнем состоянии или форме в результате прежних причин и, в свою очередь, является причиной будущих состояний вселенной. Вследствие этой взаимозависимости частей невозможно вполне знать Карму любой части, не зная всего, что необходимо знать о вселенной. Но внутри этого целого существуют скопления вокруг определенных центров, которые индивидуализировались и превратились, таким образом, в микрокосм внутри макрокосма. Где бы ни составил подобный микрокосм, он входит в кармический поток, который является его собственным в особом смысле, в дополнение к общей карме, которая включает все. Чаще всего термином Карма пользуются, ограничивая его более узким смыслом, но нет никаких резких границ между этими двумя видами Кармы, и меньший ее аспект никак нельзя удовлетворительно понять, если брать его совершенно отвлеченно от более обширного.

Карма неизбежно ограничена сферой пространства, времени и причинности. В связи с этим Человек, Признавший Свое Тожество с Высшим “Я”, пребывающим вне пространства, времени и причинности, и который затем совсем уходит в это “Я”, уничтожает всю Карму, связанную с ним как с индивидуумом. Объективные элементы, плотные или тонкие, связанные с его разными воплощениями в Космическом плане, продолжают оставаться в кармическом потоке, но микрокосмическое поле индивидуума рассеивается.

Поскольку распад микрокосма является негативным эквивалентом Освобождения, некоторые предлагали идею, что посредством полного подведения итогов Кармы, вызывая, таким образом, распад микрокосма, можно добиться Освобождения без предварительного Признания “Я”. Шанкара отметил ошибочность этой точки зрения и тщательно возразил на нее. Хотя чисто теоретически это и

не является невозможным, но по ряду причин абсолютно непрактично. Мы можем рассматривать микрокосм как нечто вроде водоворота во всей полноте вселенной. Он вызывается неким импульсом, который склонен нарушать вселенское равновесие. Но поскольку Равновесие — самый первый закон, ноумен всех иных законов, то сразу же возникает Карма, как некое противодействие. Дальнейшие вызванные самим же микрокосмом реакции на это противодействие усложняют последствия до тех пор, пока, наконец, микрокосм не вступает в очень сложную зависимость. Всякое действие приносит свои плоды, а испытывание этих плодов и есть то, что технически зовется “наслаждением” (вкушением приятного, мучительного или безразличного). Причина должна иссякнуть как следствие или уравновеситься тем же количеством соответствующего противодействия. Таким образом, дурное действие может истощиться переживанием соответствующего страдания, или добрым действием, которое его уравнивает. Но это дополнение добрых действий приносит свои следствия, которые подобным же образом должны истощаться и т. д.

Потребовалась бы сверхчеловеческая мудрость, чтобы добиться абсолютно точного необходимого равновесия, и индивидуум все время должен был бы жить настолько совершенной жизнью, чтобы не возникало ни тени дополнительного действия, которое в свою очередь потребовало бы дальнейшего уравнивания. Далее — было бы истинной редкостью, если бы все семена прошлой Кармы проросли в какой-то одной жизни, поскольку совсем иные условия, чем те, которые предоставлены данной жизнью, могут потребоваться для их прорастания. Так что потребовалась бы не одна, а целый ряд совершенных жизней без единого пятнышка в уравнивании противодействий. И все это должен сделать человек предположительно не Озаренный и потому связанный в пределах субъектно-объектной множественности — условие, которое делает сверхчеловеческую мудрость невозможной. Таким образом, неизбежным кажется вывод, что нет никакой надежды “пробиться” этим путем.

Но Познавший человек уничтожает свое отождествление с микрокосмом и Осознает себя, тождественным с “Я” всего. Это уничтожает микрокосм, что касается данного человека. Этот микрокосм какое-то время продолжает существовать как видимость в пространственно-временном мире вследствие уже проросшей Кармы, но Подлинный Человек уже больше не является воплощенным здесь в обычном смысле, и рано или поздно растворение ликвидирует, наконец, видимость воплощения. Это временное продолжение существования похоже на продолжение вращения маховика машины, которую отключили. Машина эта, по существу, остановилась и скоро остановится совсем.

Одно из следствий этого Закона состоит в том, что добрые дела связывают людей настолько же, насколько и дурные. Таким образом, незавершенная “добрая” карма точно так же является источником рабства, как и незавершенная “дурная” карма. В принципе, Познание так же освобождает человека, остаточная карма которого в основном “дурная”, как и человека, где остаток в основном “добрый”. Особенно важно и следует отметить, что освобождает не действие, “доброе” или “дурное”, но позиция непривязанности относительно всякого действия. Таким образом, человек, довольный собою, т. е. тот, кто привязан к своим добрым делам и чрезмерно ими занят, более далек от Познания, чем тот, кто, делая много зла, фактически освободился от интереса и привязанности к своим дурным делам.

Для Человека, у которого Солнце Познания взошло в полной мере, так что при жизни в теле он вступил в пределы Нирваны, существует возможность после распада физического организма совсем уйти в Нирвану или Царство Небесное. Он теперь полностью отделился от своей прежней микрокосмической кармы. Избрав такой путь, он, в общем, вызывает к действию более высокий Закон, следствия которого проявляются на ином уровне, но это может произойти спустя века, если говорить об относительном времени. Теперь возникает вопрос — что станет с еще не проросшими семенами его прежней кармы теперь, когда он стал единым с Нирваной? Ответ на этот вопрос связан

с принципом более Высокого Знания, который значительно расходится с рабочей гипотезой физической науки. Соответственно, этот момент потребует некоторого обсуждения.

Термин “вселенная”, употребляемый в этом обсуждении, ограничивается проявленным существованием в плотном или тонком смысле. За этой вселенной — непроявленная реальность, называемая здесь “трансцендентным сознанием”, или “абсолютным сознанием”. Войти в состояние Нирваны — значит оставить вселенную в этом отношении, т. е. всю сферу пространства, времени и причинности в обычном смысле. Но этот более высокий мир для более низкого — как Бесконечное для конечного множества, и вся вселенная зависит от первого как от своего основополагающего принципа. То, что становится здесь энергией и материей, извлекается из субстанции более высокого уровня. Взаимодействие между этими двумя сферами, говоря с относительной точки зрения, не является каким-то событием, но оно продолжается с перерывами или постоянно во все настоящее время. Существует такая вещь, как увеличение, а временами уменьшение всего запаса энергии и материи во вселенной. Это подразумевает ложность гипотезы физической науки, будто весь запас материи-энергии во вселенной остается постоянным. Верно, что такая материя и энергия не возникает из ничего, и опять-таки не обращается в ничто, но эти формы приходят во вселенную и покидают ее. Этот факт, помимо всего прочего, допускает совсем иное формулирование проблемы вечного движения. Другое важное его следствие в том, что мы должны отказаться от надежды установить энергетическое равенство между вселенной как она есть в любое данное время — и вселенной в какое-то иное время. В сущности, признание этого принципа со временем совершенно изменило бы форму науки, включая даже социологию и экономику. Ибо если бесконечный источник, охватывающий все формы жизни, на самом деле находится под рукой и может быть доступен, тогда проблема человеческого бытия во всех сферах принимает совсем иную форму, нежели та, которая предполагает конечный или ограниченный запас.

Далее, когда человек входит в Нирвану, он как бы закрывает свои кармические счета, но не потому, что становится недоступным для кредиторов, а напротив — оплачивая все долги иной и бесконечно более ценной монетой. Это похоже на то, как если бы человек наделал долгов, выраженных в различных простых металлах, а потом, наконец, оплатил эти долги равным или значительно большим по весу количеством чистого золота. Таким образом, никто из кредиторов не обманут, а совсем наоборот — они обогатились как никогда. Способ, заключенный в этом процессе, с одной стороны прост, но в то же время — довольно таинственен. Когда благодаря Познанию Человек проникает на уровень Нирваны, Он сознательно становится Един с Бесконечным Морем Сознания и Энергии. Из этого неиссякаемого Запаса Он тут же и автоматически изливает блага на всех тех, перед кем у Него есть кармические обязательства, и это в какой-то степени продвигает их вперед, к собственному Познанию. Нет такого долга, которое подобное служение не оплатило бы с избытком. Таким образом, ни один Человек не входит в Нирвану, в какой-то мере не одарив мир самим фактом этого достижения.

Разница между Человеком, который полностью и окончательно входит в Нирвану, и Человеком, который отказывается от этого Блаженства, состоит отчасти в том, что благоденствие, оставляемое первым, ограничивается теми, перед кем у Него как индивидуума были кармические обязательства, тогда как второй, в дополнение к этому служению, по мере сил добровольно принимает на себя общее бремя всего человечества. Закрыв свои счета, он волен предпочесть грядущее Блаженство, но Он обнаруживает Сердце Сострадания, отказываясь поступить так, когда другие существа еще страдают. Эти Люди в действительности занимают промежуточную стадию в Заливе между Высшим и низшим мирами, и в состоянии использовать ресурсы мудрости и силы этого Высшего Мира, чтобы увлечь за собой более слабые и невежественные человеческие существа.

Тех, кто сделал Выбор Сострадательного Сердца, часто изображают как свершивших великое отречение, но это лишь одна сторона истинного положения вещей. Они вступили на путь эволюции в направлении большего Величия и будут стоять на Космическом или Трансцендентном Уровне гораздо выше Тех, кто принял Блаженство при самой первой возможности. По существу, Они пребывают в сфере промежуточной — между Сознанием Нирваны и эгоистическим сознанием. Таким образом, Они соединяют в себе два мира. Кроме того, первопричиной такого выбора является великая Любовь и Сострадание, и жертва, совершенная из Любви, перестает означать жертву для индивидуума, совершающего ее. Ибо в огромной степени Человек такой живет в Возлюбленном и ради Возлюбленного. Однако в этом случае Возлюбленный, вместо того, чтобы быть Трансцендентной Божественностью, является этой Божественностью, проявленной в его детище — человечестве.

Человек, сделавший этот высокий выбор, имеет некое тонкое воплощение, которое, поскольку Закон действует без исключения на всех уровнях, предполагает некоторого рода Карму, но эта Карма совершенно иного плана, чем та, что действует на кристаллизованном эгоистическом уровне. Он может предпочесть какое-то объективное воплощение в субъектно-объектной сфере для определенной цели, но в этом случае воплощение заметно отличается от обычного. Прежде всего, оно добровольно, тогда как обычный индивидуум рождается, желает он этого или нет, вследствие причин, которые он сам же и вызвал, причем, как правило, совершенно слепо. Во-вторых, поскольку Его прежний микрокосмический вихрь рассеялся и поскольку он одолел обаяние материи, он воплощается совсем иным путем. Фактически это и не воплощение вовсе, если понимать этот термин в строгом смысле слова, а просто некий способ корреляции с этим планом, чтобы Его Сознание отчасти могло соединиться с этим низшим уровнем. Во всем этом кроется большая тайна для тех, кто еще не постиг принципиального единства, лежащего в основе видимо множественных и разнообразных форм более внешней жизни. Я не устану подчеркивать тот факт, что Освобождение — это не в большей степени конец жизни, чем присуждение степени в колледже — для его выпускников. Это просто окончание одного этапа и начало другого. Истинная жизнь начинается после Освобождения. Когда эта новая Свобода обретена, Человек может, как бы вернуться Домой и провести какое-то время, наслаждаясь теплом и уютом этого Дома. С другой стороны, он может вернуться и продолжать работать в своей избранной профессии в более широком масштабе. Некоторые, очень устав от трудов своих в колледже, могут нуждаться в длительном отдыхе, но очевидно, что сильные займутся делами подлинной Жизни.

45. “ПРОБУЖДЕНИЕ” — ЦЕЛЬ ВСЕХ РЕЛИГИЙ

Истинная цель всех высших религий и философий — это достижение Пробужденного Сознания. Называйте его, как хотите — Космическое сознание, Мастерство, Освобождение, Нирвана, Озарение, Царство Небесное, Мокша, Сознание Христа — или любым другим именем, все они указывают на один и тот же факт, как бы хорошо или плохо его ни понимали. С одной точки зрения его можно рассматривать как Пробуждение какого-то нового чувства, но если так, то разница, по меньшей мере, столь же радикальна, как переключение с ощущения на концептуальную мысль. Перемена настолько велика, что создает Нового Человека в форме прежнего. Он может, как будто бы еще жить здесь, но по существу Он не здесь. Для Него великие, сбивающие с толку вопросы рефлексивного сознания решены, проблемы, лежащие в основе великих антиномий — разрешены. Его глубокая душевная жажда удовлетворена, и трагедии, которые следуют по пятам этой внешней жизни, кончились навсегда. С Пробуждением цель религий достигнута. Человек, наконец, родился вновь, и новым, “дважды рожденным”, вступает в Новый Мир.

Пробуждение есть Смерть и Рождение. Тогда начинается Подлинная Жизнь для утомленного человека. И что же это за Жизнь? Никакие слова не могут по-настоящему передать ее, как Она есть. Искусство языка или иных форм выражения дает лишь некие эскизы, а их легко понять неверно, зачастую их и истолковывают абсолютно неверно. Есть лишь один способ Узнать, а именно — путем Пробуждения. Мы говорим о Величии, Радости, Свободе и о некоторых из удивительных возможностей. Время от времени Мы демонстрируем силы, превышающие власть одного лишь эгоистического сознания. Все это — знаки Высшего. Мы приводим письменные доказательства того, что Мы обрели, и временами возвращаемся среди людей, возбуждая предчувствия, и когда люди пребывают в обычном состоянии бодрствования, и когда спят. Но Мы не можем принести эту иную Реальность в эгоистическое сознание. Человек сам должен Пробудиться к Знанию и таким образом окончательно разрешить свои проблемы. Без Пробуждения этим проблемам нет решения. Брат воюет с братом за крохи со стола, но если бы хоть на миг человек поднял голову, то увидел бы на столе неиссякаемый запас, безграничное изобилие для всех. Так что Нас не очень интересуют тщетные социальные планы и программы со сменой правительств и экономическими реформами, ибо Мы Знаем, что все организации, все экономические реформы, все учреждения, все системы бесплодны, если они не воплощают Свет. Мы пользуемся всеми доступными средствами, чтобы приблизить этот Свет и пробудить в людях желание Света. Но мы не сможем сделать той доли, которую надлежит сделать каждому индивидуальному человеку. Мы убеждаем его отвернуться от тривиальных наслаждений, соединенных с настоящим рабством, чтобы он мог Узнать истинную и вечную Радость и жить полной Жизнью.

Переход в Землю Обетованную имеет свои трудности, но они невелики в сравнении с новыми Ценностями, которые будут Осознаны Там. Восстаньте, люди, и вступите в свое древнее Наследие! Все здесь, в этом мире, имеет свои более высокие соответствия в Высшем Мире, но с невообразимо большим избытком.

46. УСЛОВИЯ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ ПОЗНАНИЮ

5 сентября

Каковы же условия, существенные и благоприятные для осуществления человеком Великого Перехода? Тут мы сталкиваемся с вопросом практическим, если допустить, что Озаренное сознание представляет Высшую Ценность. Несмотря на тот факт, что запись случаев Озарения на Западе показывает преобладание явно спонтанного раскрытия, есть некоторые существенные и способствующие тому условия, которые готовят путь для Пробуждения. Сейчас мы их рассмотрим.

Прежде всего, индивидуум должен желать Освобождения. Желание это может и не быть вразумительно выражено или вполне понято, может принять любую из форм, но оно должно быть. Если желания сосредоточены на внешнем мире и имеется сильное сопротивление внутреннему развитию, то существует определенный, если не непреодолимый барьер до тех пор, пока такое отношение продолжает сохраняться. Тем не менее, следует заметить, что со стороны даже и самому человеку может казаться, будто он интересуется больше всего внешними вещами, тогда как глубоко внутри него есть пылкое желание, и это последнее может, в конечном счете, восторжествовать. И может показаться, что Озарение прорывается внезапно и само собой без всякой подготовки к Нему со стороны личного сознания. Момент Перехода в таком случае действует как радикальная перемена во внешней видимой жизни. Человек может быть совсем “сбит с толку” и лично не иметь понятия о том, что с ним произошло, может даже вообразить, что он сошел с ума, как заявляли некоторые. Но если внешнее личное желание сочетается с более глубоким внутренним желанием, то создаются более

благоприятные условия, и Озарение имеет тогда тенденцию проходить с меньшим потрясением и легче признается за то, что Оно есть. Святой Павел — классический пример Озарения с большим потрясением. Личный человек в этом случае даже активно преследовал последователей великого Человека, Осознавшего Бога, и старался уничтожить Его влияние, и именно пребывая в самой этой деятельности, он вдруг получил Свет в самой драматической форме, о которой мы имеем запись. Сказано даже, что он и физически был ослеплен. Но он тут же преобразился из Савла Тарсийского в Святого Павла, Богоосознавшего по праву, и с тех пор стал величайшей силой в Христианском Течении после Иисуса.

Желание Озарения, даже слабое, производит благоприятные результаты, но они гораздо медленнее по своему действию и менее чреваты последствиями, чем при наличии сильного желания. Когда это желание становится преобладающей силой у человека и, в конце концов, объемлет все его существо, то при прочих равных факторах, Озарение недалеко. Есть один индийский рассказ, который иллюстрирует этот момент. Однажды, как гласит рассказ, Гуру со своим Чела (учеником) находился в лодке на воде, когда Чела спросил: “Насколько сильно человек должен желать Бога, чтобы Осознать Его?” Гуру тогда выбросил Чела из лодки в воду и удерживал его голову под водой до тех пор, пока тот не стал захлебываться. Тогда, втащив Чела в лодку, Гуру спросил его: “Чего тебе хотелось под водой?” Чела ответил: “Воздуха, воздуха, воздуха”. Тогда Гуру сказал: “Когда ты будешь жаждать Бога так же сильно, как только что жаждал воздуха, тогда ты обретешь Его”. Это просто иллюстрирует важность, придаваемую желанию при прочих удовлетворительных условиях.

Далее, прежде чем какую-то вещь или цель можно пожелать, ее следует знать, чувствовать или ощущать как желанную, явственно или смутно. Пример Тех, кто уже достиг Познания, наряду с Их свидетельством о Том, что Они обрели, создает основание, благодаря которому человек, все еще поглощенный субъектно-объектным сознанием — Сансарой, — может увидеть или почувствовать, что есть нечто Высшее и что Осознание этого будет означать для него обладание той Ценностью, которая превышает всех иных ценностей. Так что Мы явственно выдвигаем перед людьми не одно, а много свидетельств истины, которая делает человека свободным, чтобы он знал, что другие, которые когда-то тоже были людьми, как он, нашли Путь и знают, что обретенная Ценность бесценна и что Пробуждение является скрытой возможностью каждого человека.

Вторая необходимость — духовный Гуру. Гуру играет роль, которая свыше сил еще не пробужденного индивидуального человека. Источник высшего авторитета всегда давал обещание, что когда ученик готов, является Учитель. Так что это не дело учеников, рыскающих там и сям в дальних странах в поисках кого-то, чтобы вступить под его руководство. Гуру может явиться и является во внутреннем смысле, часто без того, чтобы личное сознание ученика признавало этот факт. Иногда Он является внешне, и снова-таки — может быть, а может и не быть узнан. Но пусть все стремящиеся помнят, что усилие, сделанное в верном направлении, привлекает внимание Тех, кто следит, и когда время подойдет, Они сделают свое дело. Таким образом, хотя ученик и не может распоряжаться Гуру, но все могут надеяться на Него, ибо он есть служитель Любви. Так что фактически ученик, делая свое дело, вызывает помощь, в которой нуждается.

Важность Гуру заключается в том факте, что Познание не является следствием каких-либо причин, обеспеченных в пространственно-временной множественности. Так и должно быть, ибо то, что превосходит причинность, Само не может быть следствием чего-то иного. Озарение фактически является спонтанным посвящением от Самого Духа. Личное усилие человека просто устраняет барьеры в его природе, которые препятствуют этому спонтанному посвящению. Так что есть реальная, хотя и чрезвычайно искаженно понимаемая истина в заявлении, что человек спасается Любовью Божией. Но Любовь эта проявляется через Сынов Божьих, то есть тех, кто достиг Богоосознания. Гуру — это воплощение Божественности для ученика, и, в общем, благодаря именно

Ему этот спонтанный акт духа проявляется в данном конкретном ученике. Пока ученик не установил личной связи со своим Гуру, чтобы было возможно прямое внешнее обучение, Поток-Гуру может войти в индивидуального человека от внимания к словам и трудам Людей, Осознавших Бога, которые либо сейчас живут в физическом теле, или жили в прошлом и оставили свои видимые знаки. Помните, что Озаренный человек реально присутствует в Своих трудах, Своей речи и Своих писаниях. Уолт Уитмен верно сказал о своих "Листьях Травы": "Кто коснется этой книги, коснется человека". Такие писания — не просто символы или понятия. Они суть воплощение живого Присутствия, которое доподлинно и есть Бог, проявленный через конкретного Богопознавшего Человека, их написавшего. Иисус — наиболее известный пример в христианстве, но Он не одинок. Полезно ознакомиться с писаниями и высказываниями сколь возможно большего числа подобных Людей. Ибо не все аспекты Божественного проявления равно доступны для всех, "Сезам, откройся" одного человека вовсе не обязательно является таковым для другого. Когда человек находит кого-то, с Чьими работами и Чьим Сознанием он находится в особо тесном соответствии, он должен глубоко погрузиться в Его высказывания. В таких случаях бывает некоторая магнетическая гармония, которая наиболее благоприятна для успеха. Кроме того, Осознание проявляется в огромном разнообразии форм, и некоторые из них как будто противоположны другим, так что для всех людей где-то есть легчайший и самый прямой Путь. В связи с вышесказанным не мешало бы заметить, что автор по определенным причинам не подчеркивает особо Тех Озаренных, которые лучше известны на Западе и, следовательно, не нуждаются в том, чтобы их представляли. Кроме того, подлинный Смысл у этих Людей затемняется чрезмерным количеством теологии, созданной теми, кто не разумел Высшего Сознания. К тому же эти Озаренные Люди настолько принимают на веру и становятся привычными еще в сознании ребенка, что они стали практически сокрыты от огромного большинства людей и недоступны для них. В результате человек, воспитанный с детства в христианской традиции, фактически более способен найти свой подлинный направляющий Свет в других Познанных, которых он видит свободными от теологических предубеждений. Неразумное и более или менее автоматическое повторение фраз, хотя бы они и были верной формулировкой Истины, часто служит сокрытию Смысла, вместо того, чтоб сделать его ясным. Ибо именно активное вмешательство разума, а не просто звучание слов, является действенной силой на пути Пробуждения Смысла в сознании индивидуума. Таким образом, свежее открытие той же Истины в иной форме, где разум более активен, может оказаться гораздо более эффективным для пробуждения этого Познания.

Пример этого представлен в лице Махатмы Ганди. Иисус, согласно свидетельству Ганди, сыграл очень важную роль в возжигании Света для него. А Ганди пришел из Индии, из самого источника духовной мудрости, насколько он может быть воплощен в одной расе более, чем в другой. Но Иисус явился ему как новое открытие, так как не было никакого основания просто принимать его на слово и не было никакой нужды выяснять всякий теологический хлам или накопившиеся предрассудки.

И сам автор также может заявить, что хотя он был воспитан в среде одной из евангелистских ветвей христианской церкви, в ранней юности воспитывался в этом течении мысли и воображал, что принял его, тем не менее, действительно он обрел и оценил настоящего Иисуса, только пройдя через атеизм и затем открыв Будду. Только тогда и в свете Мудрости Тат-хагаты понял он, что Иисус нес тот же самый Свет. И только пробившись сквозь внушительный слой христианской теологии, а затем, изъяснив Иисуса из специфического еврейского потока и увидев Его более верным буддийскому духу, автор сумел непосредственно разглядеть — кем был и есть Иисус. С тех пор он испытывал к нему гораздо большую любовь, чем когда-либо прежде, ибо теперь Иисус для него является символом Свободы, тогда как христианская теология сделала Его символом рабства. Это старая, старая история с последователями Великого Света, искажающими и помрачающими этот Свет из-за неверного понимания. Поистине возникает вопрос — не являются ли великие корпоративные религиозные организации скорее проклятием, чем благословением относительно миссии тех Спасителей, во Имя которых они созданы. Нет такой религии, которой в большей или меньшей степени не угрожала бы

подобная опасность. Так что всегда есть потребность в новом Свете и новых Спасителях, которые вновь утверждали бы древнюю и неизменную Истину. Но сначала Им необходимо устранить тот чуждый и сорный нарост, который забивает подлинное Провозвестие прежних Спасителей и Мудрецов. Затем это Провозвестие должно быть облачено в новое Одеяние и послано, чтобы освободить сердца людей до тех пор, пока со временем и его не постигнет та же судьба, и оно не затемнится в свою очередь.

Если ученик нашел Гуру, то важно, чтобы его высказываниям уделялось благоговейное внимание. Если ученик не нашел такого Гуру, — а большинство не находит, — тогда то же благоговение должно относиться к высказываниям тех Воплощений духовного Сознания, какие он где-либо обнаружил в истории. Важно не просто концептуальное значение слов таких Людей. Формулировки вполне могут быть и не самыми лучшими. Но между слов и в самих словах кроется подлинное Провозвестие, которое отличается преображающей силой. Именно эту, более или менее скрытую Весть следует принять без всякого сопротивления. Но хотя такое принципиальное приятие имеет большое значение, отсюда не следует, будто те понятия, в которые облечена Весть, следует принимать слепо. Именно Смысл важен, а часто бывает, что верный Смысл облечен в несовершенные понятия. Так что со стороны ученика требуется соединение различения с глубокой гибкостью во внутреннем смысле.

Помимо вышеуказанного есть и другие вспомогательные средства, которые, однако, различны по форме в разных системах воспитания. Некоторые системы воспитания чрезвычайно аскетичны, другие — нет. Все это соответствует переменчивым нуждам и возможностям разных индивидуумов. Ибо то, что помогает открыть Путь для одного, может не подходить для другого. Если индивидууму посчастливилось иметь личного Гуру, тогда соответствующая помощь может быть оказана наиболее действенно в предписании специальных личных занятий. Есть один фактор, который всегда чрезвычайно полезен и называется по-разному: “влияние”, “присутствие” или “индукция”. Быть в присутствии Человека, который отождествился со Светом, значит быть в поле Сознания, которое имеет склонность до некоторой степени возбуждать в индивидууме соответствующее Сознание. Всегда следует иметь в виду, что с определенной точки зрения Сознание можно рассматривать, как энергию и что в этой области мы имеем события или тенденции, которые более чем аналогичны некоторым свойствам электричества. Смысл “индукции” в данном случае аналогичен роли “влияния” Иисуса, но отличается дополнительным преимуществом привнесения большей понятности, обусловленной нашим теперешним состоянием научного знания. Индуцируемое сознание у воспринимающего индивидуума может быть чуть или сколь угодно выше его высокого интенсивного сознания. После устранения присутствия индуцирующего Сознания свет индуцированного сознания может сохраняться на более или менее продолжительное время. Но повторные индукции имеют тенденцию, в конце концов, вызывать такие условия, что скрытый и собственный внутренний свет симпатически приводится в пульсацию, и таким образом, наконец, он как бы улавливается Сам по себе. Когда это происходит, человек утверждается в Высшем Знании, переставая быть просто учеником.

В принципе индукции мы имеем необычайный инструмент для вызова Пробуждения Высшего Сознания, по крайней мере, у тех, кому не удастся проявить достаточное самостоятельное усилие.

Стремящимся к Освобождению следовало бы пользоваться любой доступной возможностью, чтобы попасть в сферу влияния Тех, кто может служить такими центрами индукции. Присутствие этих Центров означает открытую возможность для всех, кто находится вблизи Них. В то же время, чтобы добиться лучших результатов, недостаточно простого пассивного присутствия. В дополнение к этому нужна активная устремленность к Свету. Все это аналогично возделыванию и поливу зерна,

посеянного Сеятелем, и таким образом создает условия, которые не допустят, чтобы посеянное пропало даром.

47. ПРИРОДА ВЫСШЕГО ЗНАНИЯ

7 сентября

Я нахожу неуклонным прогресс в закреплении моего внутреннего и внешнего сознания. Познание приносит свои плоды, и некая Цель неизменно становится все яснее. Поскольку я предпочел не оставлять сферу субъектно-объектного сознания, то с все большей настойчивостью выявляются контуры того, что мне надлежит сделать.

Несмотря на то, что совершили другие, все еще сохраняется потребность в дальнейшем разъяснении. Хотя субъектно-объектное сознание ни в коем случае не может вместить Трансцендентное или Космическое Сознание, тем не менее, рассмотрев с должным вниманием природу первого с признанием его пределов, можно намекнуть на Высшее. Именно поэтому для интеллектуально развитого ученика нет более практичного и важного занятия, чем изучение эпистемологии, науки о природе и возможностях знания. Важный итог такого изучения — признание того, что субъектно-объектное знание дает лишь познание некоторого рода; и что хотя знание может развиваться в этом направлении беспредельно, оно, тем не менее, сковано определенными ограничивающими рамками. И вот из глубин человеческого чувства или томления возникают настойчивые вопросы, на которые никак нельзя ответить в пределах относительного знания. Вопросы эти нельзя игнорировать, ибо пока не будут найдены удовлетворительные ответы или не исчезнет проблема, человек не в состоянии обрести подлинное счастье. В этом отношении перед человеком стоит два варианта выбора: либо он примет пессимистическую точку зрения, либо он прорвется к Знанию иного рода, где могут быть найдены эффективные решения и достигнуто подлинное Счастье. Поскольку я, со своей стороны, шел последним путем, нашел Путь и достиг Знания, которое дает удовлетворение, и поскольку я могу подтвердить Его реальность и эффективность, мне предоставлена возможность предложить реальную помощь тем, кто, естественно, следует тем же путем. Анализ внешних отношений — сферы, в которой столь выделяются люди типа Бертрانا Рассела, неоценим для развития сил интеллекта. Работу такого рода не следует презирать даже человеку с Божественным Сознанием, если Он не намерен уйти совсем из субъектно-объектного мира. Если он остается действовать в этом мире, то понимание науки внешних отношений просто послужит Ему, сделав Его более умелым и вразумительным. Но бесполезно делать вид, будто внешние отношения — это потолок. Знание их бессильно разрешить душевные проблемы. Если у человека нет ничего более этого знания, он обречен на пессимистическую безнадежность, завершив однажды дело, в котором стал искусен. Иммануил Кант останется самым глубоким из западных философов, поскольку открыл дверь, ведущую на путь разумный и глубокий. Если не ошибаюсь, Бертран Рассел как-то сказал, что в своих усилиях по самоанализу он никогда не был способен отыскать такую вещь, как “Я”. Несомненно, он искал какой-то объект, но по общему признанию “Я” не есть объект и, таким образом, не может быть обнаружено как таковой. Однако эта неудача со стороны Рассела просто объясняет определенную бедность его философии, невзирая на все его достоинства в иных отношениях. Кант прав в своем основном тезисе, как бы ни ошибался он в деталях, ибо Кант знал это “Я”, иначе он никогда бы не постиг Сознания Чистой Апперцепции.

Абсолютно бесполезно оспаривать уверенность Человека, достигшего Самопознания. Можно оспаривать лишь точность Его высказываний, но не Принципиальное Знание, которое стало принадлежать Ему, или, вернее, с которым Он отождествлен, поскольку Пробудился к Высшему

Уровню. Вовсе не является невозможным, чтобы Бертран Рассел достиг столь же высокого уровня, как и любой человек, ограниченный пределами субъектно-объектного множества и являющийся, таким образом, специалистом в знании этого рода. Его критику точности нельзя не принять во внимание, тем не менее, она остается абсолютно бесполезной в том отношении, что не может оспаривать Фундаментальное Знание у Человека, который Пробудился к новому уровню. Простой пример можно заимствовать из сферы обычного опыта. Предположим, что человек родился слепым или что есть какая-то раса, у которой не было развито чувство света. Для них видимый мир попросту не существовал бы. Допустим, что такой человек или такие люди развили наряду с другими чувствами острый интеллект, и что они вступили в контакт с людьми в равной степени разумными, но отличающимися способностью видеть. Предположим, далее, что они пытаются отрицать для зрячих подлинность видимого мира. Каковы у них шансы убедить последних? Даже мало развитый человек, который видит, знает, вне всякого сомнения, что видимый мир в каком-то смысле существует. Он может неверно истолковывать или понимать его, но он определенно знает, что мир этот существует. В такой же степени он определенно находится на высшем уровне в сравнении с теми, кто никогда не имел органа зрения. Незрячее существо не в состоянии успешно оспаривать факт видимого мира у тех, кто видит. Теперь предположим, что отношение изменилось и те, кто видит, пытаются передать реальность своего мира незрячему. При помощи некоторых толкований, наподобие тех, которыми пользуются в современной физике, можно было бы дать перекрестный перевод и дать понять, что видимый мир существует, по крайней мере, для разумных членов незрячей группы. Последние могли бы убедиться, что те, у кого действуют глаза, отличаются некоторой особой способностью вследствие возможности видеть и знать в сфере, общей для тех и других, способностью, которой незрячие не обладают. Но непосредственную суть получаемого через зрение, как, например, — непосредственное восприятие света, — перевести нельзя. Скажем, все достоинства красоты, зависящие в своем признании от зрения, остались бы вне сферы понимания незрячего.

Вышесказанное дает хорошую иллюстрацию той бездны, которая отделяет Пробужденного от сознания субъектно-объектного типа. Некоторые аспекты можно передать перекрестным переводом, но принципиальное свойство высшего сознания никак нельзя уразуметь в рамках низшего.

Человек может Пробудиться к Высшему благодаря скрытым возможностям в самом себе. Он никогда не поймет Высшего в пределах более узкого и совершенно иного вида сознания. Таким образом, человек должен подняться или, скорее, родиться вновь, если он хочет Знать.

Мы пришли теперь к одной очень важной необходимости. Иной раз ее зовут “необходимостью разучиться тому, чему научились”. Я нашел, что это самый тяжкий из всех видов подлинно необходимого аскетизма, но так покажется не каждому. Тем не менее, в любом случае это неизбежно, и это так по причинам, которые нетрудно понять. Ум, наполненный идеями, основанными на неадекватной или ложной точке зрения, вначале должен быть освобожден от этих идей, прежде чем он сможет быть наполнен другими, которые более правильны. Этот принцип применим не только при Переходе от субъектно-объектного знания к Пробужденному Сознанию, но в равной мере и в самой субъектно-объектной сфере. Так, некоторая сторона воспитания компетентного ученого-физика состоит в развитии способности быть настолько беспристрастным относительно предубеждений, чтобы в случае необходимости их легко можно было отбросить. Развитие физики за последние сорок лет потребовало в необычайной степени замещения старых понятий новыми. Если бы физики как класс не в состоянии были отучиться от прежних физических понятий, когда факты открывали неадекватность последних, мы никогда не приобрели бы нашего теперешнего знания о лучистом и субатомном состоянии материи. Теперь, когда мы пришли к Переходу к Трансцендентному или Космическому Сознанию, эта необходимость разучиться стала гораздо более важной, и метод этот применим в гораздо более широком смысле. Слишком косная приверженность к предубеждениям является барьером к Познанию. Из-за такой приверженности ум связан таким образом, что это

мешает ему обратиться к новому основанию. Так что идей субъектно-объектного типа нужно придерживаться беспристрастно.

Однако разумное применение этого метода не подразумевает, что изучающий начнет систематически отбрасывать все знание, которое у него есть. Это скорее значит придерживаться этого знания так, чтобы оно вольно было рассеяться, едва большее понимание докажет его недостаточность. Иными словами, мы можем сказать, что принцип состоит в том, чтобы снять все путы (силки) с Птицы Истины, и пусть сочувственное влечение будет единственными путями. Истина сама вьет Себе гнездо в восприимчивом уме. Ее не нужно удерживать. Кроме того, истина неуязвима и, следовательно, не нуждается в защите. Чтобы стать ясной, она требует лишь демонстрации. Таким образом, всегда надлежит искать Истину и быть чутким к Ней, но не пытаться закрепить ее каким-то стойким предвзятым мнением о том, что она есть. Прежние представления сыграли свою роль, подготовив путь к более точному пониманию, но, сослужив свою службу, должны быть сняты, как леса, облегчающие постройку здания.

Переход к Пробужденному Сознанию — это переворот Коперника, который не только меняет сущностный уровень данного индивидуума, но и все его отношение к субъектно-объектному миру. Когда Коперник продемонстрировал большие возможности, открываемые принятием Солнца, а не Земли за центр Солнечной системы, мир как эмпирический факт не был уничтожен, но его отношение и значение внутри целого в корне изменилось. Это изменение, хотя оно и воздействовало самым непосредственным образом на астрономию, вызвало побочные эффекты с ответвлениями, далеко уходящими в разные сферы общественной жизни. Это изменение вызвало необычайную ясность по поводу многих жизненно важных проблем, которые были прежде довольно темными. Такую перемену включает в себя и Пробуждение, только в гораздо более радикальном смысле. Когда Оно наступает, это действует на всю жизнь индивидуума, и одно из следствий такого влияния — прояснение и устранение огромного множества неясностей. Это настолько значительно, что если Пробужденный человек предпочтет направить свои силы в субъектно-объектную сферу, то в какой бы области он ни сосредоточил свое внимание, у него больше возможностей в сравнении с теми, кто не имеет преимуществ его кругозора. Теперь он способен смотреть сверху вниз на вещи в их взаимоотношениях, не вовлекаясь в эти отношения. Высшее умение в управлении, бизнесе, изобретательстве, науке, религии, искусстве и т. д. — в его власти и ограничено лишь возможностями его личного аппарата. Но прежде чем человек сможет воздействовать на эти отношения сверху, он должен разорвать свою зависимость от этих отношений; отчасти это и имеется в виду под советом разучиться тому, чему научились.

Из вышесказанного, однако, не следует, что все прежде приобретенное знание будет признано ложным. В большей или меньшей степени Познавший все еще будет в состоянии признать его верным. Но смысл этого знания изменится в корне, и такой человек способен будет соединять вместе стороны, которые прежде казались несовместимыми. Он находится как бы вне и выше “Игры” и, таким образом, может играть рукой мастера.

Хотя с высшей точки зрения относительное или субъективное знание полностью превзойдено и больше не предоставляет поля действия, отсюда не следует, что в свое время оно не послужило полезной цели. В субъектно-объектной сфере человек делает некоторое обобщение, без которого невозможно Познание как сознательное достижение. Обучение субъектно-объектному знанию служит чем-то вроде лесов при строительстве здания. Когда здание готово, леса могут и должны быть убраны, так как они перестают представлять какую-либо ценность. Теперь человек может войти в здание, которое в данном случае символизирует Трансцендентное или Космическое Сознание. Однако леса не разрушают, когда на них еще стоит рабочий. Так, Человек Сострадательный, который

находит Озарение готовым и затем уходит в Него, оставит леса стоять, пока все прочие подобным же образом не оставят их и не войдут внутрь.

48. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

8 сентября

С течением времени я чувствую радикальное изменение всего отношения к жизни. Большую часть моей жизни фокус сознания был сосредоточен на проникновении внутрь, с главным акцентом на понимании. Как многие другие, я поступил в колледж с намерением сделать карьеру в сфере юриспруденции, но на общеобразовательных курсах в качестве основного предмета выбрал чистую математику, так как именно к этому предмету относилась моя самая большая интеллектуальная любовь. Далее, до и на протяжении всего этого периода поиск соответствующих религиозных ценностей продолжался “парри пассу” (попутно). Я порвал с ортодоксальной церковью, находя ее крайне бесплодной в отношении познавательных достоинств и слабой в том, что она предлагала чувству. Впоследствии я понял, что каким-то образом выбрал путь обучения, почти идеальный для моих индивидуальных целей. В математике, дополненной философией и психологией, я нашел то, что обычно дает человеку религия. Я осознал в этом присутствие реальности в форме необычайной чистоты, и предел внутреннего проникновения, которого я тогда достиг, хотя мне и не доставало соответствующего понимания и различения, не был превзойден с тех пор никогда, вплоть до седьмого числа прошлого месяца. Я скоро утратил интерес к профессии юриста, тогда как естественные науки удерживали мое внимание только как момент вспомогательный. Постепенно я отказался от идеи сделать карьеру, хотя почти достиг внешнего признания, которое принесла бы мне служба. На самом же деле я просто отказался от достижения в данном направлении, когда извлек из него все самое важное и требовалось нечто иное, чтобы двигаться к главной цели. Когда это произошло, то, как будто не осталось ни энергии, ни честолюбия на завершение структуры прежних частичных достижений. По истечении пяти лет сосредоточенности на математике интерес переключился на философию. То, чего я достиг благодаря математике на языке символов — а это был редкий уровень сознания, — должна была дополнить философия, так чтобы это могло стать ясным для понимания. Философия добавила способность размышления и сосредоточения к чистому свету математики. По истечении семи лет я обнаружил, что узрел пределы, до которых доходит наше теперешнее эгоистическое сознание, и нашел также предзнаменование Сознания иного рода, где единственно и можно было, как будто найти разрешение антиномий (противоречий) субъектно-объектного сознания. Это сделало необходимым поиск иного рода. Внимание мое отвлеклось от академического мира, и я отказался от профессии, не вполне понимая, что делаю. Этот новый поиск требовал, или как будто требовал, спуститься с пункта, находящегося на благородной горной цепи, и длительного перехода через долины, включая некоторые меньшие и малознакомые горные пики. Но через много лет я достиг подножия гораздо более величественных гор, вершины которых были скрыты за окутывающими их облаками. Тут я взбирался снова, добравшись, наконец, до облаков, и мельком увидев через их разрывы проблески Высшего. Тогда уже больше не карабкаясь мучительно, но как бы поднявшись мгновенно, силой какой-то внутренней левитации, я пронизал облака на безграничной высоте и обнаружил, что их кажущийся мрак преобразился в Свет нового рода. Поиск был кончен.

Но теперь, с этой новой перспективы, облака снова лежали между Миром наверху и миром внизу, вызывая некоторое затемнение нижней сферы. Возникла новая проблема: “Как бы проникнуть за облака снова, на этот раз — сверху?” Недостаточно быть Там, а потом опять здесь, с тем пятном посередине. Лично я вполне удовлетворен пребыванием только Там, но остается невыполненной

работа по прояснению или разреживанию мешающего затемнения между Высшим и низшим. Ибо пока я Там лишь индивидуально, я не весь Там, поскольку эта иная часть Меня — остаток чувствующей жизни — еще пребывает в сознании ниже облаков.

Это не есть альтруизм в обычном смысле слова, так как в обычном смысле альтруизм включает в себя какое-то различие между собственным “Я” и другими. Напротив, эта точка зрения подразумевает, что в стремлении к осознанию для других я лишь довершаю мое собственное Познание. В Достижении каждого и Я достигаю большего, в Познании каждого Я познаю больше, и Меня задерживает неудача любого человека. Каждая новая грань, открытая другим, прорвавшимся ввысь, есть новая грань, пробужденная в Моем понимании. С этой точки зрения двойственность эгоизма и альтруизма пропадает совершенно. В служении другим Я лишь служу себе, а служа Себе, я служу другим. Так что Я выше всяких жертв, и предпочитаю свой долг, когда мне не удастся вполне предпочесть Свое собственное высшее наслаждение. Если кто-либо хочет помочь Мне, пусть развивается в сторону своего собственного Высшего Величия. Это единственная помощь со стороны мира, которая может достигнуть Меня.

Использование такой формы выражения может внешне показаться чем-то вроде чудовищного самомнения. На самом деле это не так. Активное отражение подлинно Самоотверженного Сознания в эгоистическом или субъектно-объектном множестве неизбежно принимает форму кажущегося самомнения. Верно, что подобные высказывания с точки зрения субъектно-объектного сознания были бы неоправданно эгоистичны. Но я, говорящий это, не отличаюсь от “Я” в любом сознающем себя существе. (Пусть читатель повторит Мои слова, приведенные в последнем предложении, как исходящие от Него самого, и он найдет ключ к их подлинному смыслу). Форма этих слов и грань, через которую они приходят, индивидуальны и личны, но Смысл всеобщ. Воспользуйтесь этой гранью, если это поможет вам, воспользуйтесь другой гранью, если это откроет Врата; но пользуйтесь какой-то гранью, пока не обнаружите Ту Единственную, которая свойственна именно Вам.

* * *

Я нуждаюсь в иных гранях Себя, в Тех, кто уже Пробудился, и в тех, кто еще не Пробудился. Пока все не придут, Общение не является полным.

* * *

Какое удивительное внутреннее наслаждение испытываю я в этот миг! Я ясно апперципирую. Но что же Я апперципирую? Какую-то часть этого я как личный человек знаю и выражаю; более того, я как интеллектуальный человек постигаю, но выше этого Я — подлинный Я, Знаю все и являюсь всем. И от этого Всезнания нисходит на меня Свет — на меня, личного человека, и даже тут я знаю, что Я знаю и что есть, вне всякого сомнения.

49. СОН И СМЕРТЬ

Исчезновение страха смерти — общее переживание для тех, кто достиг Осознания. Для меня смерть какое-то время представлялась скорее интересным приключением, а не чем-то таким, чего нужно бояться, исключая разве что боязнь физической боли, которая могла быть связана с этим процессом. До сих пор мне приходилось даже проявлять определенное усилие и противиться желанию смерти в физическом смысле, но не от какого-то значительного личного страдания в этой жизни, а потому, что

я чувствовал очень ясно — физическое воплощение действует на Сознание как тормоз, так что смерть в какой-то степени является освобождением для всех людей, за исключением некоторых очень низких типов. Но Познание принесло мне примирение с жизнью в этом мире, и я с готовностью смог принять этот тормоз, поскольку понял, что он служит полезной цели. К тому же я знаю, что Освобождение придет в свое время, когда будет завершена определенная работа, и таким образом все, что требуется, — это быть верным служению, которое не будет непомерно долгим. Так что сейчас я больше забочусь о благополучии физической личности, чем когда-либо прежде, но моя забота о ней похожа на заботу ремесленника о полезном инструменте, плюс, определенное чувство, что нужно быть справедливым к ребенку-личности. Что касается смерти, я не вижу в ней ничего трагического, ибо то, что мы обычно зовем смертью, есть лишь переключение в образе жизни или сознания, и ни в коем случае — не конец. Не могу сказать, что чувствую какую-то личную жажду бессмертия, так как меня скорее привлекает блаженство чистого безличного Сознания. Однако я принимаю ответственность неопределенно долгой индивидуальности, поскольку сознаю, что для этого есть очень важные причины. Итак, я знаю, что в истинном смысле нет ни смерти, ни рождения; что в индивидуальном плане я могу сохранять существование неопределенно долго и что физическая смерть есть лишь изменение способа, которым проявляется Сознание. Во всем этом нет места для страха.

В некотором глубоком смысле я уже умер, хотя тело еще существует, и мне не было плохо при этом сущностном умирании. Организм очень скоро приобрел от этого Перехода больше, чем утратил, и теперь явно становится крепче. Но я не устану подчеркивать — сущность умирания не в разрушении физического тела. В фундаментальном смысле это изменение уровня перцепции и апперцепции. Вот мы и подошли к вопросу очень большого практического значения. Если человек, будучи воплощен, не научился объединять (интегрировать) воплощенный и развоплощенный уровни перцепции, тогда относительно личного сознания смерть — это вхождение в состояние, похожее на сон без снов. В более высоком смысле состояние это не является бессознательным, но оно бессознательно для человека личного, хотя он и может переживать нечто наподобие снов, явно строящихся по формальным линиям его опыта в воплощенный период. Это отнюдь не какая-либо произвольная или воображаемая эсхатология. Дело в том, что если какое-то существо в состоянии интегрировать самосознание лишь в единственной области, — например, в сфере человеческого сознания “из пяти чувств” — когда такое чувство отделяется от этого вида сознания и попадает в сознание иного вида, то сколь бы ни был ярок Свет этого нового состояния, оно неизбежно покажется такому существу бессознательным. Спустя некоторое время самосознание может пробудиться к действию и в этом мире, но не будет никакого основания считать эту новую сущность тем индивидуумом, который воспринимал прежним способом.

После такого разрыва самосознания индивидуум оказывается не более чем смертным существом как личность, хотя в высшем или духовном смысле Сознание “per se” (для себя) не прекращается. На деле природа не гарантирует человеку ничего большего. Но он может либо за счет собственных усилий, либо с помощью Людей Пробужденных достигнуть непрерывности самосознания. Это — приобретенное или условное бессмертие, которое составляет важную сторону Космического Сознания.

Суть проблемы обретения индивидуализированного бессмертия состоит в том, чтобы в воплощенном сознании научиться интегрировать внешний и внутренний уровни перцепции. Именно этот мистический процесс символизируется квадратурой круга. Соотношение между квадратом и кругом несоизмеримо, а это значит, что отношения и свойства “круга” непостижимы на языке “квадрата”. Воплощенный человек — это квадрат, внутренний человек — круг. Основная масса человеческих существ переключается с уровня на уровень бессознательно, и, таким образом, один уровень сознания для другого похож на сон без снов. Вместо того, чтобы быть непрерывными, эти состояния

сознания дискретны, а это значит, что при каждом переключении мы имеем как бы двух разных людей вместо одной осознающей себя сущности. Круг — нерождаем и бессмертен, квадрат порождается во времени и в ходе времени подвержен разрушению. Но “квadrатурой” круга или, вернее, “округлением” квадрата “квadrатное” сознание поднимается и сливается с бессмертным Сознанием круга. Это дает индивидуальному сознанию бессмертие. Должно быть ясно, что перекрестной передачи во сне или во время транса недостаточно. Человек должен обрести способность бодрствовать здесь и Там одновременно. Если он сделал это, даже если перекрестное соотнесение было достигнуто на один миг в данной жизни, он победил смерть и является бессмертным в приобретенном смысле. Так вот, когда человек преуспел в “округлении” квадрата, он переключил центр своего индивидуального сознания на круг, и таким образом поистине умер, оставшись в физическом теле. В результате, пребывая в миру, он стал Тем, кто не от мира сего.

Есть между областью круга и квадрата определенная сфера напряжений, или “залив”. Иногда его называют “зоной облаков” или промежуточным морем. Некоторые, проходя эту сферу напряжений с частичным сохранением самосознания, отмечают ощущение круговращения, которое может сопровождаться чем-то вроде головокружения. Можно сохранить соотнесение устойчивым без этого вращательного эффекта, но лично я нередко отмечаю некое напряжение, связанное с головокружением. Состояние можно контролировать, но это требует усилия пристального, хотя и тонкого внутреннего сосредоточения. Это усилие сродни некоторым запросам, предъявляемым к воображению в высшей математике. Действительно, человек, который способен понять “рациональные”, “иррациональные” и “мнимые” числа как единое реальное множество, а не просто как произвольную спекулятивную конструкцию для чисто прагматических целей, овладел, в сущности, умением сознательного перекрестного соотнесения между сферой круга и квадрата. Однако это не единственный путь, а просто тот, с которым лично я больше всего знаком. Как уже отмечалось прежде, переход может быть в огромной степени облегчен при помощи индукции.

Те люди, которые не овладели перекрестным соотнесением, переходят по существу после смерти в состояние сна. Рано или поздно у них бывают некоторые восприятия в сноподобном состоянии, и эти восприятия суть обычные небесные миры, когда они лучшего сорта. Видение снов — это продолжение сознания в субъектно-объектном смысле, но свойство небесных миров — полное блаженство. Практически нет возможности для проявления различения в таких состояниях. Именно контраст муки и радости с их соответствующими причинами имеет тенденцию понуждать сонное сознание к бодрствованию. Такое состояние контрастов — земная жизнь, что объясняет, почему наиболее важные или решительные шаги можно сделать только здесь. Сонливость — огромный барьер. Но большинство людей в этом мире пребывает в каком-то бодрственно-сонном или сомнамбулическом состоянии. Однако, у нас здесь есть инструменты, которые могут расшевелить и пробудить к бодрствованию, тогда как в посмертных состояниях у обычного индивидуума все совсем иначе. Несомненно, страдание — один из самых значительных инструментов такого рода, и таким образом не столько дурной, сколько полезный фактор. Чем больше я изучал эту проблему, тем больше убеждался в огромной ошибке — сосредоточивать так много внимания на зле. Настоящая трудность — это почти всеобщий сомнамбулизм, в котором люди проводят большую часть своей жизни, некоторые проводят много жизней, вообще не выходя из этого состояния. Это, фактически, какой-то гипнотический сон, и подлинная проблема религии — не спасение человеческих душ от зла, а дегипнотизация ума.

Великолепная возможность изучения основной природы обычной смерти представлена в феномене хорошо знакомых состояний бодрствования и сна. Человек переходит в сон, чтобы действовать во сне, или время от времени уходит в состояние сна без снов. Обычно во сне человек не знает, что он спит. Это значит, что он не овладел перекрестным соотнесением сознательно, и в этом случае уже есть предвкушение того, что происходит при обычной смерти. Но можно видеть сны и в то же время

знать, что ты спишь, сохраняя в уме память бодрственного состояния. В этом случае самосознание совершило перекрестное соотнесение. Так вот, сделать это раз в жизни достаточно, чтобы в принципе получить возможность прерывать посмертное состояние, отделившись от физического тела. Это, несомненно, решительный шаг к Познанию. Так что ученик хорошо сделает, изучив тщательно все феномены, связанные со сном и бодрствованием.

Можно даже заснуть, а затем пробудиться, сохраняя самосознание непрерывным. В таком случае тело переходит в сон, а сознание, переставая функционировать на физическом плане, остается активным на других уровнях. В какой-то мере это внутреннее состояние можно соотнести с разумом, так что кое-что сохранит и внешняя память, но это не является существенной чертой непрерывности самосознания.

Состояние сна настолько важно, что о его природе стоит сказать несколько больше.

Если верно, что человек может, по существу, спать, пребывая активным в физическом теле — и большая часть жизни здесь проходит именно в этом состоянии, — так же верно, что некоторые из состояний, в которые входят, когда тело спит, в действительности гораздо более бодрственны, чем любое из тех, которые возможны в физическом теле.

У большинства людей подобные переживания бывают очень редко. Важный отличительный признак этих состояний — действие, которое они оказывают на бодрственную жизнь. Они могут обогащать, углублять внешнюю жизнь или придать ей новое направление. Они приводят к возрастанию подлинной разумности. Это — предвестники Подлинной Жизни.

Сонное состояние, напротив, создает чары, мучительные или приятные, которые производят как бы наркотическое действие и на волю, и на разум. Помимо наркотиков, сходное действие часто оказывает лунный свет. Гипнотическое состояние — это и есть состояние сна. Подобное сознание склонно овладевать человеком, уводя его от решений принятых в свете ясного и пронизательного рассуждения. Это очень типично для психологии толпы и выдает причину, почему на управление сознанием масс наиболее успешно действуют скорее психологические девизы, чем призыв к разумному решению. (Между прочим, это дает объяснение роковой ошибки, всех народных правительств. Демократия может иметь подлинный успех, когда массы избирателей действительно Пробудятся в подлинном смысле слова. Иначе глупость имеет преимущество перед мудростью, создавая видимость, которая привлекает сознание масс).

Характерно, что сонное сознание отличается свойством, которое можно назвать “затуманенностью” или “помраченностью”. В нем нет ни ясности, ни четкости. Способность к различению в сонном состоянии слаба. Недостает также и твердости воли. Спящий витает в своем сознании вместо того, чтобы быть в нем исполнителем. Он может видеть сны идеальные и прекрасные и быть свободным от плотного и чувственного, но самому сновидцу при этом недостает характера и силы. Все его снаряжение в целом особенно скудно для разрешения рабства субъектно-объектного сознания. Он может быть добрым человеком и заслужить долгие периоды сонного блаженства, но все это еще не Освобожденное Состояние. Так что в общем, должно быть вполне очевидно, что для того, кто намерен достичь Высшего Сознания, одной из первых необходимостей является преодоление склонности к сонному состоянию. Чтобы добиться такого владения, можно придумать разные полезные занятия, которые культивируют качества, прямо противоположные сонному сознанию. Таким образом, всякая деятельность, которая требует энергичного, активного и решительного использования ума, а также целенаправленного усилия, в особенности в тех направлениях, которые более или менее неприятны, в высшей степени полезна.

Острый интеллект создает одно из лучших противодействий сонному состоянию. Но его опасность в том, что он может развить эгоизм до такой степени, что это может стать серьезным барьером. Но, по моему мнению, легче справиться с чрезмерно развитым эгоизмом, так как здесь у нас есть сила для работы, чем создать необходимую энергию в слишком сонном сознании. Так что я должен поместить сомнамбулизм, а не зло, на первое место среди проблем, с которыми надо справиться нашему человечеству, если оно намерено двигаться к Освобождению.

50. ИСТОЧНИК НЕВЕДЕНИЯ

Я погружаюсь в источник неведения и извлекаю оттуда жаб, слизняков и слепых рыб.
Я предлагаю им Свет, а они скоро скатываются снова в заветный мрак.
Я наливаю в эту муть кислоты и держу соблазнительную приманку над краем.
Раздраженные, они выскакивают и заглатывают приманку.
Я перевожу их в более чистый пруд, где мрак не такой плотный.
А потом дальше — к еще большей чистоте и более ясному Свету.
Со временем, постепенно, они укрепляют силы, чтобы выносить свет и желание более чистой воды.
Наконец, то здесь, то там, некоторые из них решаются выбраться из пруда на свет.
Это долгая и медленная работа, но, в конце концов, я одержу победу.

51. ВЫШЕ ГЕНИЯ

Гениальность — это частный луч, который исходит от Великого Солнца Космического Мудрости и движет людьми, которыми овладевает как пассивными инструментами. Но человек, проникший к сердцу Познания, следует сознательно и свободно там, где простой гений движется беспомощно. Я не берусь измерить, до каких Глубин в самую суть Себя смог я проникнуть. Могут измерить другие свидетели; но я не допускаю для себя никаких пределов. Из глубин, которые суть Высоты, я нисхожу безгранично далеко и нахожу абстрактную мысль столь пространной, что едва могу различить ее присутствие. Я мыслю Мысли, из которых “предложения” здесь будут целыми томами, а тома — целыми библиотеками. Но ниже этого есть Сознание более определенное и, тем не менее, далекое от определенности, четкости; и здесь тоже невыразимое Общение, великая Любовь. Но я опускаюсь еще ниже и улавливаю полуоформленно то, что мыслимо, но еще неопишимо. А ниже этого — уровень, где я медленно и мучительно передаю в словах этого внешнего сознания малую толику части от части Великой Бесформенной Мысли. Эта Великая Бесформенная Мысль — как мне намекнуть о ней? Чистый Смысл, максимально сжатый. Обнаженные протоны и нейтроны в тесной сплоченности (глобочек нейтронов в миллион тонн). Так что есть глубины за глубинами, скрывающиеся за иными глубинами, а на поверхности — малосенькая культура эгоистического человека, к которой он привязан, как нищий к корке хлеба.

52. ВЫСОКАЯ БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

9 сентября

Как описать то, что случилось со мной прошлой ночью? Все, что я могу об этом сказать, в лучшем случае будет лишь намеком на Нечто, ибо это не было ни внутренним событием, ни

интеллектуальным проникновением; как познавательная способность, так и способность восприятия — безнадежно, абсолютно неадекватны на этом Уровне. Как бесконечное для конечного, таким же было и это Сознание для относительного сознания субъектно-объектной множественности. Я проник в Состояние не только полностью вне сферы относительного, но и вне всего, что Постиг прежде. Поистине, в Бесконечности — тайна за тайной, глубина за глубиной, величие за величием. И подобно тому, как в математике есть бесконечности высшего порядка — так и в Трансцендентном Мире. Значит, нет конца возможному Пробуждению? Нет конца прогрессии бесконечностей? Может быть. Я знаю только, что нашел некий бесконечный Мир, а затем другую Бесконечность, поглотившую этот Мир. Я могу лишь свидетельствовать, что эти Миры существуют, но не в силах наложить никаких ограничений на Высшее. Тайна Тайн, простирающаяся вовнутрь и вовне, но всегда Запредельная! И из этой Безмерности идут все новые намеки на иную, неопутимую Красоту! Как же мал этот мир в начале Тропы — лишь точка в пространстве неограниченных измерений!

Но все же давайте посмотрим, что можно сказать по этому поводу. Прошлой ночью я долгое время бодрствовал. Мой ум был необычно возбужден, и хотя внешнее спокойствие ума является одним из необходимых условий внутреннего проникновения, прошлой ночью Сознание, которое раскрылось, наложилось или прорвалось, — ни одно из этих определений не подходит вполне, — Сознание это было настолько могучим, что казалось, состояние ума уже не играло никакой роли. Активность ума значила не больше, чем танец атомов в куске стали, которые быстро выравниваются в правильную устойчивую форму под действием сильного магнитного поля. Прошлой ночью я был объят подобным всеобъемлющим и мощным Полем. В присутствии этой громадной Силы действия внешнего ума казались слабыми, незначительными, неуместными и лишенными всякой возможности помешать. На самом деле вполне вероятно, что ум мой как раз и нуждался в активной энергии, чтобы выстоять на всех этапах Трансцендентного погружения, иначе все, что я мог бы сообщить, было бы лишь смутным намеком на То. Это Осознание не отличалось заметным свойством, которое я мог бы назвать Радостью, — скорее, это было Высшее Единство, в котором Радость была лишь случайным моментом.

Я осознал, что погружаюсь в какое-то необычное состояние сознания, когда почувствовал себя как бы охваченным и проникнутым свойством, для которого нет подходящего названия, но которое лучше всего передать словом “Удовлетворение”. Состояние было не просто удовлетворительным — оно было Удовлетворением. Разница очень существенна. Назвать состояние удовлетворительным — значит подразумевать идею сравнения или классификации, что справедливо в сфере относительного опыта, но в корне искажает истинную природу Внутренних Состояний Познания. Признак этих внутренних состояний — “отождествление”, а не “отношение”. Несмотря на то, что мое личное предрасположение, подкрепленное академическим образованием, естественно привело бы меня к использованию относительной и ограничивающей формы выражения, я однако абсолютно принужден реальностью Сознания, вызванного внутренним Познанием, пользоваться языком, выражающим Тожество. Кроме того, когда я пользуюсь словом “удовлетворение”, то не имею в виду просто какую-то абстракцию, наподобие какого-то состояния удовлетворенности, но, скорее, субстанциальную реальность. Это не есть удовлетворение как состояние, извлеченное из какого-то конкретного и внешнего опыта. Напротив, его следует считать некой чистой самосущностью, чем-то таким, что может быть даровано как благо в объективном и конкретном опыте, но не извлечено из него. Кто объят этим Удовлетворением, не нуждается более ни в чем. Удовлетворение, которое я осознал, есть априорная и субстанциальная Сущность.

Я экспериментировал с этим Удовлетворением и обнаружил, что мог даже физически им насыщаться, а затем чувствовал, особенно в желудке, состояние удовлетворения, напоминающее ощущение сытости без употребления материальной пищи. Я никогда не пробовал никакой плотной материальной пищи, которая могла бы хоть приблизительно дать такое ощущение питательности, как

эта чистая Сущность Удовлетворения. Но эта питательность была лишь незначительным аспектом полного Удовлетворения. Оно было в то же время самой сутью эстетического, эмоционального, морального и интеллектуального удовлетворения. Не требовалось больше ничего, что хотелось бы для себя, ибо в то время я располагал всей ценностью всего, что можно было бы пожелать. Это можно назвать кульминацией, высшим моментом, до которого может дойти индивидуальное желание. В одном лишь отношении обнаружил я желание, которое могло бы вывести меня из этого Состояния, и это было желание передать эту новую ценность другим. Память о других, еще остававшихся вне этого, была единственным неудовлетворительным моментом. Этого оказалось достаточно, чтобы возникло стремление выйти и оставаться, сколько понадобится вне непосредственного осуществления этого Состояния. Должен сознаться, что не знаю никаких иных соображений, способных пробудить волю отказаться от этого Высшего Удовлетворения, когда индивидуум познал Его непосредственное Присутствие.

На протяжении всего этого переживания и последующего, более глубокого Состояния, эгоистическое, субъектно-объектное сознание активно присутствовало, но лишь как сторонний свидетель, тогда как повсюду вокруг простиралось безмерно большее Сознание. Мог ли я утвердить эгоистическую волю и выйти из этого Состояния? На этот вопрос я не в состоянии дать никакого определенного ответа. У меня явно не было никакого желания попробовать сделать это. Бigger Сознание было сильнее эгоистической энергии, но, с другой стороны, я не ощущал в нем воли, которая бы противилась моей индивидуальной воле выйти из этого Состояния. Высшее Сознание как бы все время господствовало над индивидуальными энергиями с моего личного позволения. Конечно, я был более чем рад допустить такое позволение, но я полагаю, что мог бы выйти, если бы этого захотел. Только в одном смысле можно сказать о моем личном контроле в присутствии этого Высшего Сознания — я бы мог, если бы захотел, предаться Ему навсегда и всецело. Не предаваться Ему было просто своего рода аскезой.

Благодаря постоянному присутствию эгоистического сознания многое из ценностей этого Состояния оказалось возможным перенести в мое обычное рефлексивное мышление. Помимо всего прочего это позволило выразить то, что пишется здесь. Благодаря наличию этих ценностей в относительном сознании я не только увидел и в выражении некоторых других писателей отражение подобных же форм Познания, но и смог понять скрытый там смысл. Далее, я постоянно сохраняю в своем личном сознании память и понимание, относящиеся к этому Высшему Состоянию, что является чем-то гораздо большим, чем просто зачаточное ощущение Того. Тот, кто вошел бы в это Высшее состояние с абсолютно парализованным относительным сознанием, не смог бы вернуться, а если бы и смог, то сумел бы перенести в свое внешнее сознание лишь смутное представление о чем-то Ином. Не знаю, сколько длилось это состояние полного Удовлетворения, знаю лишь, что в масштабах объективного сознания оно затянулось надолго. Но когда время истекло, это Удовлетворение стало постепенно затуманиваться, растворяться или окутываться иным, значительно более глубоким Состоянием. Единственное наименование, которое сравнительно удачно выражает это более высокое Состояние, — “Высокая Беспристрастность”. Наряду с ним было чувство просто страшной власти. Это была власть столь потрясающего величия, что сводила власть всех кесарей до уровня насекомого. Кесари могут уничтожить культуру и целые народы, но они абсолютно бессильны перед Внутренними Источниками Сознания, и в сферах на том берегу Стикса они столь же беспомощны, как и большинство людей. Но власть Высокой Беспристрастности — высшая Власть над всем этим, а равно и Сила, ненадолго позволяющая этим кесарям играть их маленькую роль в этом мире. Кесари, как и многие, кто позначительнее их, способны достичь лишь какой-то цели, вполне в пределах Удовлетворения. Они, несомненно, не знают Сил за пределами индивидуального желания. Но есть такая сфера власти, которая выше всего, что под нею, и это — Высокая Беспристрастность.

В этом Состоянии я не был объят Удовлетворением, но не было в связи с этим фактом и ощущения потери чего-то. Я буквально не нуждался в Удовлетворении, это состояние или качество осталось как бы ниже меня, и я мог бы вызвать его, если бы захотел. Но важно отметить, что на уровне Высокой Беспристрастности нет никакой нужды в каком-то комфорте или Блаженстве в смысле явной радости или счастья. Если говорить о Блаженстве в связи с Высокой Беспристрастностью, это было бы верно лишь в том смысле, что там нет ни несчастья, ни страдания. Однако в сравнении с этим Состоянием даже самое приятное наслаждение есть несчастье. Я вполне сознаю, что здесь мы имеем Состояние Сознания, которое целиком и полностью находится вне сферы обычного человеческого воображения. До сих пор я сам никак не был способен реально представить себе состояние настолько великолепное, что оно поистине является более чем желательным. Под словом “более” я здесь подразумеваю самый высокий смысл. В пределах своих собственных прежних побуждений не было ничего, чего я жаждал бы как этого, и я не нахожу ничего в человеке как человеке, что сделало бы возможным подобное желание. Но теперь глубоко внутри себя я чувствую, что оказался на Уровне, с которого я смотрю сверху вниз на объекты всех возможных человеческих желаний, даже самых возвышенных. Это странное, почти сверхъестественное Сознание с точки зрения перспектив относительных уровней. Но на его собственном уровне это Состояние, которое поистине полно, то есть отвечает всем требованиям. Что там еще может быть выше, я не знаю, но это Состояние поглощает все прочие, проблеск которых я когда-либо имел.

Слово “Беспристрастность” не вполне удовлетворительно, но я не знаю более уместного. Это вовсе не безразличие в негативном или тамасическом смысле — тупое, пассивное и инертное качество, близкое к отупению настоящей смерти. Высокая Беспристрастность употребляется в смысле предельной Полноты, которая превосходит даже простую бесконечность. Пользуясь языком математики, это бесконечность какого-то более высокого порядка, то есть бесконечность, объемлющая меньшие бесконечности.

Что же приводит на этот уровень? Как я уже показал, это определенно не желание, кроме того, это Состояние явно за пределами человеческого воображения. Здесь мы в присутствии подлинной Тайны. Нирвана ли это? Есть достаточно веские причины полагать, что это нечто большее, чем Нирвана в ее наиболее простом смысле. Давайте обсудим это.

В обычном смысле Нирвана не так уж превосходит наше воображение, как обычно считают. Конечно. Сознание Нирваны невозможно выразить на субъектно-объектном языке, и к Ней можно приблизиться главным образом через негативное определение. Но Она отличается некоторыми признаками, которые отчасти можно понять. Это Состояние, в какой-то мере определяемое выражениями: угасание, блаженство, покой. Скорее всего, это желанная Цель для того, кто устал от бремени эгоизма и скудости мирского сознания. Существует этап духовного прогресса, на котором вхождение в сознание Нирваны, в конечном счете, является своего рода искушением. Я не хочу сказать, что всякий, достигший момента, когда он может войти в это Состояние, в сравнительно окончательном смысле непременно все теряет, входя в него. У некоторых душевная усталость столь велика, что никакой иной выход невозможен. Так что нечего обвинять тех, кто входит в него. Но некоторые достигают этого момента с таким резервом сил, что могут выбрать иной путь, и существуют разные пути высшего достоинства. Даже для них Сознание Нирваны, естественно, чрезвычайно привлекательно. Но если они уйдут в Нирвану, то не смогут больше помочь страдающему человечеству, тогда как, следуя каким-то иным путем, они смогут принести очень большую пользу. Именно в этом смысле Нирвана и является для них искушением. Все это подразумевает, что здесь мы все еще находимся в сфере постигаемого желания. Какой бы путь ни выбрали, желание в некотором смысле остается активным, даже если это возвышенное желание, порожденное чистым Состраданием.

Такой выбор, вызванный соображениями чистого Сострадания, во всей известной мне литературе изображается как крайнее Отречение, и ничего не говорится относительно какого-либо возвышающего вознаграждения. Какое-то время я подозревал тут обман, ибо закон Равновесия универсален по своему охвату. Таким образом, не может быть никаких исключений в деле вознаграждения даже на Высших Уровнях, где различие (дифференцирование) в каком-то смысле еще сохраняется. А дифференцирование, несомненно, существует до тех пор, пока можно говорить о Нирманакайях во множественном числе, воплощениях тех, кто совершил великое Отречение. Каково же тогда это Высшее Вознаграждение?

Ответ на предшествующий вопрос, наконец, ясен. Нирвана есть полное удовлетворение и наивысший возможный аспект наслаждения, за исключением того чисто самоотверженного Желания, которое возбуждено Состраданием. Поскольку природа истинной человеческой мысли такова, что желание в некотором смысле абсолютно необходимо должно иметь определенную цель, то невозможно поставить перед человеком какую-либо Цель стремления выше, чем самоотверженное Сострадание. Кроме того, только самые лучшие из людей в нравственном или духовном смысле способны пробудиться к желанию сравняться с Сострадающими. Поэтому немногие слова, написанные по этому поводу, посвящены немногим. Сострадание — самое последнее слово человеческой доброты; в сущности, это уже нечто вроде божественной доброты. Нет ничего выше, что человек мог бы представить себе желательным или достойным подражания. Дальше этого Мудрецы хранят молчание.

Но сейчас мы скажем дальше!

(Заметьте эти слова. Они пришли с той страшной властью, из которой я говорю. С ними по спине вверх прошел покалывающий озноб наподобие электричества. В такие моменты я отказываюсь говорить сверх своего личного разума с глубоким Знанием, что это оправдано. Именно здесь кроется одна из Тайн Внутреннего Сознания).

Кто до крайнего предела может отвратиться от индивидуального желания, тот входит в течение Потока Сознания абсолютно вне действия или руководства желания. Человеческие словари не дают слов, которые символизировали бы то, что направляет или ведет к движению или преобразению Здесь. Но выше великого Отречения — Вознаграждение, которое возводит Человека туда, где Он — господин даже над первой Нирваной. Оно возносит его на уровень, который выше Покоя, равно как и выше Деятельности; выше Бесформенности, равно как и выше Формы, и это — Высокая Беспристрастность. Кто пребывает на плане Высокой Беспристрастности, может перейти к покою или действию по своей воле, но остается по существу выше и того и другого, поскольку и то, и другое берется с того Уровня. Есть некая Полнота, выше Полноты Удовлетворения, при которой Удовлетворение может служить лишь инструментом, а не просто полагается как некая конечная цель. Так что Покой может быть соединен с действием, и равновесие остается ненарушенным. Но Высокая Беспристрастность объединяет гораздо больше, так как в ней соединены сразу все свойства, все противоречия. Это Конец и Начало и все, что между ними. Оно физическое, равно как и выше физического; это форма и бесформенность; оно простирается через все и за все, не исключая времени и пространства. Это желание и осуществленное желание в данный момент и вовеки. Оно превосходит всякое Отречение, даже самое высшее. Таким образом, уравнивающее вознаграждение осуществлено. Здесь Знание и Бытие одно и то же одновременно. Буквально, здесь — предельная полнота превыше всякого воображения.

* * *

Не знаю, сколько я пробыл в состоянии Высокой Беспристрастности. Я долго бодрствовал этой ночью, далеко за полночь, а состояние продолжало углубляться. Все это время относительное сознание присутствовало как свидетель. Личное сознание как бы сократилось до чего-то незначительного, вроде точки. “Я” распростерлось неограниченно, подобно пространству, объемля и проникая все формы. Насколько могла достигнуть мысль, никаких пределов не было. Мне было совершенно все равно, перейдет ли тело в состояние, обычно называемое смертью, или останется жить. И уход был в равной мере не важен. Все зло, раздоры, трагедии и проблемы этого мира предстали столь незначительными, что это было поистине удивительно. Я увидел, что все человеческие катастрофы, даже самые страшные, были сравнительно лишь “бурей в стакане воды”. Как будто не было и никакой особой нужды в Сострадании. Но с другой стороны абсолютно не было причины, почему бы не предпочесть деятельность среди людей и для людей. С точки зрения этого состояния казалось совершенно невозможным выбрать путь, который был бы ошибочен, или путь, который был бы лучше другого. Не было основания предпочесть продолжение жизни в физическом смысле, но точно так же и не было особого смысла в предпочтении оставить тело. Состояние это было слишком безотносительно и слишком абсолютно, чтобы конкретный выбор имел какое-то значение. Так что в субъектно-объектном смысле я был абсолютно свободен делать выбор, который мне представлялся подходящим. Я предпочел продолжать внешнюю деятельность, но с точки зрения Высокой Беспристрастности в этом не было ни достоинства, ни недостатка. Ибо Там и неверное и верное, равно как и все двойственности, абсолютно растворились в безотносительном.

Я перешел в Пространство, которое было ничто иное, как Я, и обнаружил, что Я объято чистой божественностью даже на физическом уровне. Было ощущение, что Бог есть физическое Присутствие, равно как и метафизическое. Но это присутствие есть всюду и есть все, и в то же самое время оно есть отрицание всего этого. К тому же там не было ни Бога, ни Меня, а одно лишь Бытие. Я исчез, и объект сознания исчез и в самом высоком, и в самом простом смысле. Меня больше не было, и Бога больше не было, но только Вечное, что поддерживает всех богов и все “Я”.

Удивительно ли, что обычным ответом на вопрос: “Что такое Высокая Беспристрастность?” является молчание.

53. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВЫСШЕГО ПОЗНАНИЯ

10 сентября

Много лет я трудился в надежде, что можно найти нечто большее, чем просто предположение подлинности Высшего Сознания, то есть, — чтобы всякий достаточно живой ум в пределах субъектно-объектной сферы был удовлетворен точно так же, как убеждает математическое доказательство. Я вынужден допустить, что, по крайней мере, до сих пор никакого подобного решающего доказательства предоставлено не было. Например, не возникает сомнения в широте кругозора или остроте ума Бертрانا Рассела. Рассел — искусный логик, и, тем не менее, как обнаруживается из его философских сочинений, он не убежден в реальности Высшего Сознания. Тот факт, что это так и для него, и для многих других подобных ему в этом отношении, весьма убедительно свидетельствует, что принудительное доказательство подлинности Высшего Сознания не было сформулировано, по крайней мере, в доступной нам литературе. Приходится признать, что даже Шанкаре, при всей его скрупулезности и, без сомнения, огромной силе интеллекта, не удалось представить доказательство в этом смысле. Подчас он даже впадает в то, что сейчас мы бы сочли явными логическими ошибками, такими, как неклассифицированная посылка. Еще явственнее в этой попытке доказательства неудача Платона. В нашей современной культуре мы являемся

свидетельствами наиболее значительного из всех систематических усилий, а именно — разработки, начавшейся с Иммануила Канта, достигшей вершины у Гегеля и детально довершенной руками учеников Гегеля. Но опять-таки я должен сказать, хотя и с сожалением, что это усилие, так же как и другие, не увенчалось успехом в плане одной лишь логики. Очевидность этой неудачи видимо доказывают два соображения. В первую очередь гегельянцы стремились доказать принципиальную нереальность субъектно-объектного сознания, показав, что оно непременно заключает в себе противоречие. Но со времен Гегеля благодаря анализу основ математики понимание логики безгранично возросло. Вскоре обнаружилось, что принципы строгой дедукции несводимы к Аристотелевой логике тождества. Существуют иные принципы, используемые в логике относительного, которые по своим результатам являются не менее решающими. Так что сегодня под общим наименованием символической логики мы имеем значительно более мощный логический инструмент. В свете этой возросшей мощи кажется ясным, что те явные противоречия, которые считали обнаруженными и Кант, и Гегель, можно снять. Сам по себе этот факт во многом упраздняет принудительную силу философии Гегеля, хотя никоим образом не подвергает сомнению обоснованность его принципиального понимания. Второе соображение дал Маркс. На основе диалектической логики Гегеля Маркс создал философию, которая, по существу, в корне противоречит гегелевскому пониманию. Это опять-таки обнаруживает, что в смысле одной лишь логики Гегель не достиг своей основной цели.

Но является ли эта неудача всех существующих попыток дать убедительное доказательство лишь следствием недостаточного умения, или же она обнаруживает принципиальную неадекватность формальной логики самой по себе? Почти до сего дня я придерживался первой точки зрения, но теперь я не вижу иного выхода, кроме как допустить, что логике, взятой в чисто формальном смысле, эта задача неподвластна. Тут, несомненно, чистая математика предлагает подлинный путь к Познанию, но это не та математика, которая остается после того, как с ней покончили своим определением ее такие люди, как Бертран Рассел. Математика в этом смысле становится лишь формальным определением возможности, но она лишена всякой духовной действительности. Математика является духовной силой благодаря именно тому в ней элементу, который проигнорирован у Рассела в его “Принципах математики”. Мыслители такого типа не видят этого из-за того, что как бы ни были велики их интеллектуальные способности, они, тем не менее, слепы в одном своем измерении. Они видят скелет математики, но не понимают ее душу. Именно в этом и кроется ключ к пониманию неудачи формального подхода. Без признания в некотором смысле души за математикой или логикой формальное доказательство обнаруживает лишь возможность, или гипотетический императив, но никогда не доходит до категорического императива. Категорично единственное Знание, которое может Освободить человека, — это некое Знание Реальности, а не одной лишь возможности. Познание превращает гипотетическое знание в категорическое, и является единственной силой, которая может это сделать. Опыт не может совершить этого, так как опыт может дать лишь материальное наполнение субъектно-объектного знания, но никогда сам по себе не в состоянии поднять индивидуума из этой сферы. Кроме того, опыт никогда не дает категорической определенности, так как всякое слишком очевидное развитие искусства наблюдения меняет определение того, что было испытано. Познание не есть ни опыт, ни доказательство в формальном смысле. В результате ключ к Высшему Знанию пребывает в познании такого рода, которое не укладывается в субъектно-объектную сферу. Таким образом, доказательство Высшего Знания посредством языка, который с необходимостью ограничен пределами субъектно-объектной сферы, невозможно. Следовательно, последнее слово по этому поводу должно остаться за абсолютным агностицизмом для чисто субъектно-объектного сознания, как это давным-давно ясно показал Дэвид Юм.

Заключительное слово чисто субъектно-объектного сознания к тем, кто жаждет или болеет душой, будет следующим: “Нет никакой надежды. Если человек хочет облегчить свою глубокую боль, пусть

поиграет в триктрак, как это делал Юм, и от сосредоточения на деталях этого занятия забудет боль”. И сейчас есть немало таких, кто поступает именно так, хотя “игра в триктрак” принимает все более многообразные формы. Это может быть сосредоточение на делах, на профессии, спорте, политике, армии, на разных искусствах и науках, и т.д. и т.п. Некоторые кончают жизнь самоубийством, и логически они, быть может, наиболее последовательны, хотя и ужасно неразумны. Ибо это факт, что чисто субъектно-объектное сознание абсолютно лишено всякой подлинной или укрепляющей душу Ценности, и, в конце концов, оно так же бесполезно и бесцельно, как механический аппарат, который не действует. Это несчастная жизнь без всякой реальной надежды. Обычный врач или психиатр-материалист считают такую жизнь эталоном нормы. Мы же считаем ее верхом безумия.

Несомненно, Кант открыл Путь для избежания агностицизма ума и распахнул дверь, чтобы душа могла, по крайней мере, надеяться и не отчаиваться. Но глубоко в мысли Канта сокрыто Познание, так что именно здесь магический Пробный камень.

У того, кто проникнет глубоко в основание самой логики, может пробудиться Познание. Оно кроется в тех самых логических константах, от которых зависит обоснованность всей логики, но которые сами ни в коем случае не могут быть доказаны помощью логики. Кажется, таких констант немного, от силы десять-двенадцать, но от их признания зависит вся настоящая сила логики. Почти все люди, которые поняли, что такое эти константы, сочтут невозможным не верить им, но никто не сможет их доказать, поскольку они составляют основание, на котором покоится всякое доказательство. Тогда откуда же исходит уверенность, что эти константы непременно верны? Опыт дает в лучшем случае лишь вероятное знание, но ни в коем случае не безусловную уверенность; так что источник — не в чистом опыте. Ответ мне совершенно ясен. Сила этих констант в том факте, что они составляют скрытое Знание, которое человечество никогда не утрачивало полностью, и они, возможно, являются главным фактором, сохранившим человечество от полного безумия. Пусть человек раскроет это Знание и сделает его непосредственно и сознательно своим собственным, и тогда он найдет в логике силу, которая, если следовать ей с открытым сердцем, приведет его к Высшему Сознанию. Дав однажды это изначальное Познание, логика приведет к неопровержимому доказательству, и таким образом пробьется через замкнутый круг субъектно-объектного сознания.

Итак, в конечном счете, я должен заключить, что единственная надежда для человека кроется в процессе Пробуждения, которое вместе с некоторыми другими я назвал “Познанием” (Признанием). Это не чистый опыт и не чисто формальное доказательство, но совершенно иной род Знания. Я назвал его также “Знанием Путем Тождества”. Это Интуиция в высшем смысле, но слово “интуиция” включает и другие значения, так что первый термин менее сомнителен. Подлинное Знание Путем Тождества несомненно и абсолютно. Оно прочно, а не относительно. Оно не просто значит нечто иное, чем Оно Само, но абсолютно является Своим собственным Смыслом. Знание Путем Тождества не принадлежит никакому “Я”, но есть “Я”. Это не “знание о чем-то”, даже не “о Боге” в каком-то смысле, но это Сама Божественность. Так, мы имеем шесть первичных предложений, которые, когда они возвышены до Познания, недвусмысленно возвещают человеку:

1. Я — ничто иное, как Бог.
2. Бог — ничто иное, как Я.
3. Я — ничто иное, как Знание.
4. Знание — ничто иное, как Я.
5. Бог — ничто иное, как Знание.
6. Знание — ничто иное, как Бог.

Пусть человек повторяет эти утверждения, но не как простые предложения. Пусть добавит к этим повторениям некоторую степень того неопределимого свойства, которое Мы зовем “Признанием”, и

они сразу станут магическими факторами с определенной мерой мощи, простирающейся от неясного зарождения одного лишь ощущения Запредельного до Силы, столь значительной, что вся вселенная как бы сдвигается с места. Я знаю, что это правда, но как передать эту уверенность?

* * *

Но если решающее доказательство Запредельного невозможно, — разве что оно возможно для тех, кому уже в какой-то степени знакомы Его проблески, тем не менее, есть много косвенных доказательств в пользу предположения, что есть нечто иное за пределами одного лишь субъектно-объектного сознания. Это предположение можно укрепить, и Мы не перестанем прилагать усилия к этому. Но Мы просим, даже требуем, чтобы очевидность превозмогла предубеждение (что, кстати, и является секретом величия науки) и чтобы такое доказательство, которое вызывает предположение о реальности Запредельного, получило высокую оценку и доброе отношение, которого оно заслуживает. Мы просим не более того, чтобы человек решился на проверку предположения о существовании Высшей Цели, которая, несомненно, гораздо значительнее тех, что заставляют людей пускаться в гораздо менее ценные предприятия. Теперь давайте исследуем факты в пользу этого предположения.

Прежде всего, существует доказательство, вытекающее из жизни и трудов всех подлинных Мистиков, или Людей, Познавших Бога. Во всякой великой и древней религии можно найти таких Людей. Так, есть Будда, Кришна, Шанкара, Лао-Цзы, Моисей, Христос, Св. Павел, Магомет и др. Если судить об этих людях по их огромному влиянию на сотни миллионов человеческих существ, простирающемуся на периоды порядка многих столетий и даже тысячелетий, и если помнить, что это влияние бьет в самое сердце человеческих побуждений, то неизбежным кажется вывод, что с этими Людьми мы находимся в присутствии какой-то таинственной и грозной Силы. Тогда, проникнув за поверхностные отличия, мы дойдем до сути Учений этих Людей и Их общего отношения к жизни и обнаружим принципиальное сходство. Во всех случаях Они относят Источник Своих Провозвестий и Силы к чему-то, чего нельзя достичь, оставаясь исключительно в пределах сферы субъектно-объектной множественности. Они и им подобные, несомненно, являются величайшей моральной силой в мире. Но Они — не только моральная сила. Некоторые из названных здесь, как и другие, находятся на наивысшем уровне интеллектуального влияния. Есть, конечно, люди огромной интеллектуальной силы, которые не достигли Познания, но чем сильнее и продолжительней какой-либо интеллектуальный ток, тем больше вероятность, что у его истоков следует искать Людей Познания. Это заметный факт в индийской философии, но это также и выдающийся факт в греческой философии и науке. Признаки Познания очень сильны среди предшественников Сократа. Из великого триумvirата греков — Сократ, Платон и Аристотель — двое обладали Им. У первоисточника нашей собственной науки и философии стоят такие люди, как Фрэнсис Бэкон, Декарт и Спиноза. Жизнь и сочинения двух из них — Бэкона и Спинозы — обнаруживают безошибочные свидетельства Познания, если не самого высокого, то, по крайней мере, весьма значительного порядка. А каковы слова Декарта, которыми он начал свое творческое размышление и в то же время возвестил начало современного периода мысли? Это знаменитое: “Cogito ergo sum” — “Я мыслю, следовательно, я существую”. Эти слова есть лишь новое обращение к основному мистическому Познанию. Декарт, по-видимому, не проник в Него полностью, но у него мистическая форма дает начало потоку современной мысли. У самого Ньютона определенно была мистическая сторона, к большому неудовольствию некоторых ученых, которые в этом отношении воображали себя стойкими. Говорят, что его первоначальное вдохновение пришло от намеков в неясных писаниях Якова Беме, истинного человека Познания. А во всей нашей науке нет большего светила, чем именно сей сэр Исаак Ньютон. А Парацельс, занимающий важное место в истории химии? Определенно, он Человек, Источник которого в Высшем, и обладающий истинной Мудростью, хотя он и затемнил Ее варварством алхимического выражения. А Кеплер? А Густав Теодор Фехнер,

великий в науке физики и рассматриваемый многими как основатель экспериментальной психологии? Этот человек обладал многими признаками подлинного мистика, как явствует из его менее известных сочинений, и в то же время он был просто потрясающей силой в науке. Но пойдём дальше. Мы не можем претендовать на завершение этого перечня. Так что давайте, обратимся к литературе. Возьмем таких людей, как Платон, Данте, “Шекспир”, Бальзак, Эмерсон. Каждый из этих людей хотя бы в некоторой степени носит знаки Познания. К счастью, у одного из них мы можем проследить разницу между человеком до Познания — и Человеком после. Это Бальзак. До Осознания он неустанно создавал литературу весьма низкого свойства, которая вообще никогда не обрела жизни, но после он поднялся до литературного уровня, сравнимого с уровнем “Шекспира”. Тот же феномен можно видеть и у другого человека, на этот раз в нашей стране. Я говорю об Уолте Уитмене. До своего Познания он также писал всякую чухню, которая не обрела жизни, но впоследствии сумел наполнить жизнью необычайно тонкую рапсодию.

Наконец я хочу привлечь внимание к событию почти наших дней. Скажем о “Тайной Доктрине” Е. П. Блаватской, просто хотя бы как о феномене. Пусть читатель изучит эту книгу, игнорируя, если сможет, заключенную в ней силу мысли, и обратит внимание просто на феномен эрудиции автора. На одни сноски вполне могло бы потребоваться полжизни поисков, а жизнь автора, достаточно хорошо известная, не раскрывает ничего похожего на ученые труды. Существует компетентное свидетельство, что когда она писала, ее книжные ресурсы были очень ограничены. Вдобавок она была практически больной женщиной в течение всего продуктивного периода своей жизни. Лишь в ее работе мы имеем особое, настоящее свидетельство какой-то Силы вне сферы субъектно-объектного сознания.

Я мог бы продолжить этот перечень. По этому поводу можно написать целый том. Но читатель, если пожелает, может сам дополнить. Следует отметить важный момент, что все эти люди вносят нечто, исходящее от Высшего. Многие из Них заявляли о Запредельности как о Своем Источнике, но в той или иной форме все Они обладали отличительными знаками. Кроме того, все они владели Силами высочайшего порядка в сфере морали, интеллектуальной или в сфере искусства. Воспитание и образование еще не создают их. Они могут вспыхнуть на скудной основе воспитания, равно как и на лучшей, какую только это воспитание может предложить. Дети Их, если у Них есть дети, не проявляют тех же способностей, и таким образом ясно, что особые способности не являются следствием особых видоизменений генов. У некоторых из Них, благодаря достаточно полным биографическим сведениям, мы видим коренное различие между человеком до и Человеком после Познания. В общем, мы имеем веские доводы, показывающие, что в этом есть что-то вне сферы разумения и власти чисто субъектно-объектного сознания. Теперь посмотрим, чем обязаны этим Людям те, кто пребывает в сфере субъектно-объектной. Просто представим себе этот мир, каким бы он был без их влияния, прямого или косвенного. От религии остался бы не больше, чем простой анимизм, если бы вообще что-нибудь осталось. Философия и наука потеряли бы своих величайших классиков. А как ужасно обеднели бы литература и искусство! Это очень сильный довод, если рассмотреть его беспристрастно.

Обратимся теперь к иным линиям доказательств, которые, по общему признанию, заметно ниже уровнем, но гораздо более распространены. В обсуждаемых случаях проявилось высшее превосходство моральных, интеллектуальных и художественных ценностей. Но есть большое число других случаев менее сильных проявлений, где Солнце Познания не совсем взошло и, следовательно, имеется лишь сумеречный Свет Великого Сознания, — или же, если Солнце и взошло, оно появлялось ненадолго или затуманивалось тучами. Сюда мы можем отнести менее значительных мистиков и, по крайней мере, многих гениев. В этих случаях мы опять-таки находим то, что не объясняется ни образованием, ни воспитанием. Тут — какой-то Тайный Источник поменьше, из которого текут избранные ценности, обогащая жизнь людей.

Ниже всего этого есть другие сферы, где некоторые из ценностей превосходны и даже возвышенны, тогда как другие качества доходят до самых глубин безобразия в каком-то низком мире. Однако все они важны для нас как обнаруживающие одну общую черту, а именно — вид сознания, которое не входит в обычные рамки субъектно-объектного множества. Таким образом, все они отличаются мистическим свойством или видом сознания, совершенно чуждым для распространенной и преобладающей формы сознания, которой мы обучаем в наших школах и которая одна лишь во власти наших педагогических методов. Все эти случаи, от самых низких и inferнальных вплоть до Христа и Будды, отличаются тем фактом, что, прежде чем будет постигнута новая сфера сознания, нужно пробить какую-то “скорлупу”. Никакая сумма развития в пределах этой “скорлупы” не может этого достигнуть. Наблюдение в пределах “скорлупы” может отметить некоторые феномены, сопутствующие “прорыву”, и уловить некоторые сходные черты, которыми отличается такой “прорыв”, равно как и некоторые расхождения. Наблюдатели могут с несомненностью обнаружить, что подобные феномены противоречат нормам обычного поведения. Но наблюдатель, заключенный в эту “скорлупу”, абсолютно неспособен оценить реальность за ее пределами. Он может в какой-то степени оценить плоды Высшего, отраженные в “скорлупе”, но он не знает, не может знать самой их сути. У него нет никакого логического основания заключить, что то, что противоречит норме, является низшим. Кое-что, конечно, является низшим, но многое из этого бесконечно выше. Но прежде чем он может обрести подлинную компетентность в таком различии он сам должен пробиться за “скорлупу”. Очень важен факт, с которым согласуется вся эта масса доказательств, будь они с одной стороны благородны, полезны и прекрасны, или же нисходят с того уровня через все более и более низкие формы, пока мы не доходим до чего-то далеко не восхитительного — а именно факт, что есть сознание иного рода или иных видов, которое не соответствует формам, управляющим обычным субъектно-объектным сознанием.

Я вкратце остановлюсь на весьма обширной, хотя и невысокого уровня сфере очевидности. На эту тему написано немало трудов для тех, кто этим интересуется и достаточно квалифицирован. Есть масса свидетельств, заимствованных из анализа действия токсических веществ, таких как распространенные анестезирующие средства, алкоголь, наркотики и гипнотические средства. Немногие из этих временных раскрытий высокого порядка, большинство же значительно ниже, а некоторые очень низкого. “Прорыв” такого рода не дает никакого сознательного владения новым уровнем, на который вышли, а способность перекрестного перевода на объективный уровень очень несовершенна. Но эти сообщения обнаруживают присутствие сознания, по природе своей совершенно отличного от того, которое является типичным в пределах “скорлупы”. Здесь мы определенно имеем какое-то насилие извне, которое вызывает нечто вроде “прорыва”. Этот метод никоим образом нельзя рекомендовать; он почти неминуемо окажется роковым препятствием к подлинному Пробуждению, так как последнее влечет за собой способность осознания. Но поскольку метод наркотиков существует реально и производит определенные результаты, он имеет некоторую ценность как доказательство.

Некоторые феномены, связанные с болезнью, представляют еще одно доказательство. Изможденность, вызываемая определенными болезнями и процессом умирания, когда он приостановлен прежде полного завершения и ток жизни восстановлен вновь, дает много случаев “прорыва” разной ценности. Тут существует немало свидетельств, обнаруживающих какое-то сознание или вид сознания, совершенно чуждый форме обычного сознания. Имеется также обширное поле медиумизма и особых йогических упражнений, но их я не буду касаться, поскольку по этому поводу имеется обширная литература. К тому же в более обычной и нормальной сфере есть некоторые намеки на иное, которые все же значительны, хотя и менее поразительны. Я имею в виду воздействия, которые проистекают зачастую от сильных эмоций. В их числе часто бывают “прорывы” к истинным ценностям, которые фактически указывают на Высшее.

Если мы теперь рассмотрим всю сферу очевидности, вкратце суммированную выше, то создается впечатление, что за скорлупой обычного субъектно-объектного сознания есть иной вид или иные виды сознания. Далее, ясно, что в этой иной сфере, или в некоторых из этих сфер, есть уровни Разумности и Радости, которые далеко превосходят все, что люди в состоянии найти в пределах этой скорлупы. Вопрос истины, касающийся этой иной сферы или сфер, каковы бы ни были связанные с ними ценности, представляет, во всяком случае, значительный научный или эпистемологический интерес. Ибо пока этот иной вид или виды сознания не поняты, мы никак не сможем верно оценить более привычные формы осознания. Если есть Сфера, где можно обрести неиссякаемое Блаженство и некое Знание, способное разрешить все проблемы, приносящие в этом мире страдания человеческой душе, тогда что же может быть важнее того, чтобы люди нашли Путь достижения этой Сферы? И не является ли долгом, а равно и привилегией тех, чья смелость не слишком слаба, пройти этот Путь от исходного предположения до непосредственного личного Осознания?

* * *

Многое из того, что я здесь написал, дано в форме интимного личного свидетельства. Другие разделы даны в форме обсуждений или — в том или ином виде — мистических композиций, которые, во всяком случае, являются большей частью плодом того переключения уровня сознания, который я лично испытал. Моей целью было не просто удовлетворить импульс к самовыражению — на самом деле я не чувствовал такого побуждения; — но возвестить и по мере возможности показать факт, который лично для меня имеет огромное значение и который может иметь то же значение для других. Благодаря полученному образованию мне кое-что известно о значении и методах интроспективного наблюдения. Я не пренебрегал наблюдением за личным преобразованием во время этого процесса с целью дать сколь возможно объективное описание. При записи я решил не умалчивать о каких-либо неприятных или отрицательных моментах, если таковые возникнут. На деле же я обнаружил, что эти неприятные моменты весьма незначительны и кратковременны. Я бы сказал, что всякое достижение в области спорта сопровождается более значительным телесным и эмоциональным неудобством, чем я испытал за весь период с седьмого числа прошлого месяца, только я еще и познал Радость обретения Мира несравненно более просторного. Я просто хочу, чтобы и другие могли обрести этот мир, или, по крайней мере, благодаря тому, через что я уже прошел, помочь им в более глубоком уяснении Пути.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что первоначальное Преобразование не произошло как что-то, неожиданно свалившееся на голову. Есть несколько описаний таких спонтанных Пробуждений, и хотя существует рациональное объяснение подобных случаев, которое показывает, что они не так уж спонтанны, как кажется, я здесь не буду входить в обсуждение этого вопроса. На самом деле я стремился к этому Пробуждению несколько лет. В том, что по всей вероятности такое событие или что-то в этом роде существует, я убедился на метафизических семинарах в Гарварде в 1912—1913 академическом году. Помнится, я сразу понял, что если бы такое Знание существовало на самом деле, оно было бы несравненно важнее любых интеллектуальных достижений в пределах субъектно-объектной сферы. Представление о Цели было у меня в то время очень несовершенным, но я, во всяком случае, не сомневался, что наиболее глубокое знание о ней можно найти в Индии. Я решил предпринять поиск и заплатить требуемую цену. В последующие годы я не раз падал духом, позволяя сторонним желаниям увести себя в сторону. Но я всегда возвращался к поиску. Я испробовал множество разных путей, и в каждом из них находил свои недостатки и преимущества, пока, наконец, соединив все лучшее, что может предложить Индия в сфере метафизики, с лучшим в западной науке и философии и, добавив к этому некоторые собственные открытия, нашел Путь, который оказался успешным. В настоящее время — года два с половиной после написания этих строк — я могу предложить новый вклад в связи с творческим усилием, осуществляемым самим человеком. Я проделал множество экспериментов с медитативной и йогической техниками, приводимыми

разными авторитетами. Ни разу у меня не было таких результатов, которые стоили бы затраченных усилий, пока я не привносил что-нибудь свое. Очевидно, такое видоизменение подсказывается интуитивно. Нередко я достигал результатов, прибегая к методам диаметрально противоположным тому, который рекомендовался данным авторитетом. Насколько я могу судить по своему опыту, эффективный метод всегда должен быть в какой-то мере найден собственными усилиями. Я подозреваю здесь присутствие какого-то универсального принципа, но в настоящее время не в состоянии вывести обобщающее оперативное заключение. Несмотря на то, что временами бывали частичные преобразования и постижения, потребовалось двадцать четыре года поисков, прежде чем я достиг кульминационного момента. Все предпринимаемые мною шаги в пределах субъектно-объектной сферы были сознательными, благодаря чему я мог их сформулировать и оцедить. К тому же я сознаю трансцендентный фактор и понимаю его значение. Если бы я с самого начала знал все, что здесь, под обложкой одной книги собрано впервые, можно было бы сберечь многие годы. Быть может, для кого-то другого эта книга будет иметь такое же значение, — но с точки зрения очевидности Запредельного я хотел бы отметить, что в данном случае изначальное убеждение автора в необходимости поиска и в том, что он оправдан, подтверждалось в ходе семинаров, которые были частью учебной программы в одном из ведущих западных университетов. В усилиях найти этот путь автор подчас следовал другим, но, в конце концов, нашел собственный, причем, не отказываясь от достижений западного мышления. Что сделал один, могут сделать и другие.

Мое последнее слово по этому поводу будет следующим: я стремился к Цели, существование которой было, по моему убеждению, весьма вероятным. Я преуспел в обретении этой Цели, и теперь я Знаю и могу сказать и другим — она, безусловно, стоит любых усилий к ее достижению, и бесконечно большего.

54. ПОЭТИЧЕСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

11 сентября

Я человек, но я и Бог.
Ибо я То, что объемлет и богов, и людей.
Я хожу среди людей в форме человека,
Подверженный ошибкам, более или менее добрый,
Как и все.
Но я также сияю с Богами во Славе.
Я сжимаю себя в минерале,
Инертном и долготерпеливом.
Непрестанно расту я в растении.
Направляюсь желанием в животном.
Я во всем, но всегда
Превыше всего.
Я Пламя, которое неугасимо;
Я пожираю все.

* * *

Я сижу и пишу на асфальтированной площадке.
Рядом растет дерево, корни его мягкие и хрупкие под этой площадкой.
Непрерывно, медленно, но неизбежно распространяются эти корни.

Асфальт дает дорогу, сопротивление его бессильно.
Так и я ширюсь, неизбежно, неумолимо в этом мире.
Передо Мной не устоит никакая кристаллизация формы.
В конце концов, все иные силы терпят неудачу;
Мое же вновь возвращается ко Мне.

* * *

Что значит здоровье, болезнь или смерть,
Преходящие формы в Бесконечном Потоке Жизни?
В здоровьи иду я вперед,
Быть может, к забвению;
В болезни я обращаюсь вовнутрь, и вспоминаю.
В чем же большее благо? Я не знаю.
Люди стремятся к здоровью, Я не стремлюсь вообще.
Я даю здоровье и приемлю благословение болезни.
Но за всем этим есть Я — Несвязанный.

* * *

Ищу ли я ошибок в людях? Тогда я точно найду их:
Нечестность, вожделение, алчность и ненависть —
Все это является с безмерной плодовитостью.
Ищу ли я хорошего?
Тогда что за славный образец человек!
Благородный, добрый и честный.
Какой же из них настоящий?
Никакой и оба.
Человек отражает именно то, что Я ищу.

55. РЕАЛЬНОЕ И НЕРЕАЛЬНОЕ

11 сентября

На данном этапе мы, наконец, в состоянии приблизиться к пониманию того, что означает “сансара” буддистов, “майя” Веданты, или “иллюзорная природа феноменального мира” гегельянцев. Состояние Высокой Беспристрастности абсолютно Реально и менее всего какая-то воздушная абстракция. Однако Оно может казаться такой абстракцией с точки зрения относительного сознания. Нелепо воображать, что когда человек Пробудился к подлинному Сознанию, то объективная вселенная исчезает в фотографическом смысле. В Высшем Сознании внутреннее и внешнее слиты воедино, как и все прочие двойственности. Так что неверно считать внешнее нереальным, утверждая в то же время реальность внутреннего. Ни одна часть какой бы то ни было двойственности сама по себе не реальна. Именно разграничивающее выделение той или иной фазы взаимосвязанных двойственностей дает мнимую отвлеченность, то есть такую абстракцию, которая в свою очередь порождает иллюзию или Майю. Субъектно-объектное сознание произвело разделение неделимого, и это стало великой творческой причиной нереальности. Когда Шанкара говорит о вселенной, а буддист о сансаре, оба имеют в виду субъектно-объектную множественность. Именно вследствие иллюзорной разделённости, существующей в этой множественности, жизнь здесь, внизу, и является

бедствием. Для индивидуального сознания смысл Пробуждения — в реинтеграции того, что изначально было нераздельным. Итак, Пробуждение действительно уничтожает вселенную в смысле ее власти над Пробужденным Человеком. После Пробуждения такой Человек может сосредоточить внимание на относительной вселенной и действовать в ней по своей воле, но смысл всего этого будет в точности таков, как погружение в сон и сознательная попытка играть в нем какую-то роль.

Для Познавшего сансара, или иллюзорная вселенная, не имеет никакой цены, и такой Человек в значительной степени игнорирует блага, которые еще кажутся важными для непробужденного. Это очень трудно понять эгоистическому человеку, и поэтому он легко может усомниться в ценности Пробуждения. Замечая явное отсутствие честолюбия и желаний у Пробужденного, он находит его весьма таинственным. Так, к примеру, мирской человек создает кумира из того, что он называет прогрессом и трудовым свершением; но он видит, что человек Озаренный если и не презирает эти вещи, то, по крайней мере, смотрит на них с некоторой беспристрастной отчужденностью. Вполне естественно, это вызывает у него возмущение, хотя он и бывает вынужден проявить уважение, когда обнаруживает, что Пробужденный, действуя в сфере относительной множественности, являет необычайное и непревзойденное искусство. Но, с другой стороны, Человек Познавший может предпочесть не действовать в явном смысле, и тогда жизнь Его часто считается потерянной как для Него, так и для общества. Но тут эгоистический человек и вовсе заблуждается. Фактически он так же заблуждается в этом отношении, как заблуждалось бы какое-нибудь животное, если бы оно было способно к суждению, при виде презрения культурного человека по отношению к принципиально животной сфере интересов. Культурный человек знает превосходство своих интересов в сравнении со всем, что возможно для чисто животного сознания. Гораздо более ясно Пробужденный человек Знает превосходство Бесконечного по сравнению со всем в конечной вселенной. Это превосходство неизмеримо в конечных терминах, более того оно бесконечно выше. Жизнь в Бесконечном есть жизнь во всем, и, таким образом, конечное не может ничего к этому добавить. Познание — это кульминационная точка всей субъектно-объектной сферы. Пробужденный, который возвращается, делает это не для того, чтобы учиться еще, но чтобы помогать тем, кто еще спит. Максимально возможное развитие в этом мире — это развитие **в сторону пробуждения к бесконечному**. Для того, кто Пробудился к Бесконечному, вся реальная Жизнь есть **жизнь в бесконечном**.

Невозможно переоценить факт реальности и подлинности Состояния Высокой Беспристрастности. Ничто здесь, внизу, не ощущается так непосредственно, цельно и с такой предельной полнотой. Ничто здесь так не основательно, так не независимо по своей сути. Высшая Реальность просто кажется абстрактной для относительного сознания. На самом деле то, что мы называем конкретным здесь, является абстрактным в подлинном и плохом смысле. Чем выше мы поднимаемся к тому, что зовем абстракцией, тем ближе мы подходим к подлинной реальности. Отсюда следует, что если человек может пробудить в себе чувство, будто видимые абстракции нашего языка в действительности отражают подлинную реальность, то он будет готовить себя к Пробуждению. (Из этого, впрочем, не следует, будто этот путь — единственный. Ни один метод не является исключительно действенным. Метод, успешный для одного, может быть неудачным для другого. Можно выделить какой-то эффективный путь, но нельзя сказать, что только этим путем все и могут достигнуть Высшего).

56. ИНТЕГРАЦИЯ

13 сентября

Большую часть вчерашнего дня я провел в городе. Я лучше справлялся с проблемой вождения машины в уличном движении, чем несколько недель назад, и лучше переносил сознание толпы, чем когда-либо со времени Перехода. Однако это требует столь значительного усилия воли, что скоро наступает утомление. К концу дня мой контроль заметно ослабел, и я перешел на более бедные уровни личного сознания. Ясно, что проблема состоит в обретении контроля нового вида. Совершенно очевидно, что его можно осуществить, но за это нужно платить. Здесь опыт подтверждает теорию относительно того принципа, что нельзя избежать Закона Компенсации на этом внешнем плане жизни. Это приводит к следующему практическому вопросу: в какой сфере в данное время и при данных обстоятельствах наша деятельность наиболее полезна с точки зрения Закона Компенсации? Это не просто вопрос о том, что можно делать. В дополнение к этому нужно уделить внимание возможной ценности какого-то усилия в сравнении с его стоимостью. Яснее становится, что именно нужно для обретения контроля, необходимого для соприкосновения с современными условиями города. Усилием воли следует окружить себя сильным экраном интеграции. Чтобы это осуществить, требуется помощь определенного ритма. Я нахожу необходимым следовать мысленно и физически в довольно медленном и величественном ритме и отказываюсь принимать впечатления, которые меня не устраивают. Но лихорадка уличного движения всегда грозит сломать этот ритм, хотя вчера обстоятельства, казалось, складывались в мою пользу. К концу дня интеграция до некоторой степени ослабела, и тогда мешающие токи стали прорываться в мое сознание, и мне приходилось напрягаться, чтобы обеспечить простую физическую безопасность. Оказывается, деятельность субъектно-объектного сознания определеннее, острее и сильнее, когда дополняется Высшим Сознанием, но когда эта связь прерывается, личный контроль менее эффективен, чем в прежние дни.

Смысл, который я стараюсь передать словом “интеграция”, можно и на этот раз проиллюстрировать феноменом магнетизма. Когда кусок стали намагничен, то говорится, что определенная сила в молекулах или атомах в какой-то степени поляризована, и в результате один конец магнита положителен, а другой — отрицателен. В не намагниченном куске эта сила существует, но действует во всех направлениях, так что имеется мало или вовсе не имеется остаточной магнетической энергии, которая действовала бы вне самого магнита. В результате такой не намагниченный кусок является определенным нейтральным или закрытым полем, хотя в нем столько же силы, как и в намагниченном куске. Так вот, субъектно-объектное сознание можно считать не намагниченным куском, который образует закрытое поле внутри себя. Таким образом, Высшее — отключено, но человек “намагниченный” в состоянии проникнуть за эту скорлупу или это закрытое поле индивидуального сознания, и пока он сохраняет эту намагниченность, то остается в связи с Высшим. Аналогичным образом в той степени, в какой этот магнетизм утрачен, он имеет тенденцию вновь опускаться в сферу лишь субъектно-объектного сознания. Намагниченный кусок стали может очень легко утратить свой магнетизм, если он приходит в соприкосновение с находящимися в обычном употреблении не намагниченными кусками железа. Тот же феномен происходит, когда индивидуум с “намагниченным” сознанием находится в сфере обычного сознания. Это приводит к чему-то вроде размагничивания. Но это размагниченное состояние можно потом восполнить действием Тока (Потока). Точно так же электрический ток может служить для перемагничивания слабого магнита. Но все это требует сил, времени и нужных условий. Верно, что пока этот Поток активен, человек “намагниченный” может преодолевать размагничивающее влияние среды, и к тому же будет иметь тенденцию намагничивать последнюю. Однако нелегко сохранить Ток в условиях, навязываемых современным городом.

Для эффективного сохранения “намагниченного” состояния необходима “изоляция”, причем физическое уединение среди дикой природы, и в особенности на высоких вершинах, представляет наиболее благоприятные условия, хотя это и не самое главное. Это несколько уяснит для нас смысл отшельнической жизни столь многих Мудрецов, а также причину — почему Состояния Озарения так

спорадичны и временны у большинства из тех, кто пребывает в обычном обществе, особенно на Западе. Это проясняет также смысл монастырской жизни или жизни в шраме. Обычно в подобных случаях мы имеем общину, образованную из тех, кто достиг определенной степени Познания, вместе с другими, которые стремятся к этому Состоянию. Жизнь в такой общине есть великая помощь для стремящихся и не слишком тяжелое бремя для достигших. Помимо ашрама наиболее благоприятна жизнь среди простой природы в малонаселенных местах. Напротив, самые неблагоприятные условия предоставляет современный мегаполис, так как в нем доминирует лихорадочное и “джазовое” сознание, сильно сосредоточенное на поверхности вещей.

Контрапунктом вышеприведенного факта является то, что именно в мегаполисе наиболее велика потребность людей в Человеке, Осознавшем Бога. Рядовой обитатель города сталкивается с величайшим голодом и душевным увечьем. Городская жизнь дает бесчисленное множество примеров убийств, безумия и патологических радикальных движений, а равно и сильную тенденцию к бесплодию. Все это симптомы весьма ненормальной и нездоровой жизни. Так что город больше всего нуждается в Осознавших, но точно также именно в городе больше всего опасность задохнуться для такого Сознания. Как разрешить эту проблему? Это определено требует самого высокого искусства.

57. ЗОЛОТОЙ ПРИИСК

14 сентября

В эти дни я столкнулся с затруднительной проблемой богачей. У меня есть как бы какой-то особый золотой прииск. Когда тележка для доставки руды каждое утро выходит наверх, она приносит ношу Золотых самородков — Идей, богатых способностью проявления и соотнесения. И всегда я не в состоянии собрать их все и сберечь до завершения дня. Оставшееся уходит в насыпь скрытых тайников ума, где, хотя и не теряется вовсе, тем не менее, закрывается другим материалом, и необходимо время, чтобы его отыскать. Кроме того, у меня есть огород — дело чисто практическое и временное — и в этом огороде растут сорняки. Я в достаточной мере фермер, чтобы проявлять беспокойство по поводу этих сорняков, но если я уделяю внимание прополке, самородки продолжают сыпаться на насыпь. И выходит, что я в достаточной мере добытчик этого прииска, чтобы ценить Стоимость Самородков. Ибо Золото стоит всех меньших ценностей, символизируемых вещами, тогда как последние не стоят золота.

Я предпочитаю Золото прежде всего.

58. ОЗАРЕННОСТЬ

В последние несколько дней я взялся за Уитмена. С точки зрения Сознания, которое я назвал “Удовлетворением” и “Высокой Беспристрастностью”, Уитмен стал мне особенно понятен. Большая часть того, что оставалось неясным в его сочинениях, проясняется благодаря передаче его языка в более явном и простом смысле. Предполагая в его работе какой-то запутанный смысл, как у меня это бывало прежде, я находил его сбивающим с толку, но когда я принял его слова как передающие более простой и прямой смысл, то обнаружил, что ясность возросла необычайно. Уитмен соединяет Озарение с какой-то заметной объективной простотой. Именно Озарение делает Уитмена великим. Есть люди, которые столь велики на уровне одного лишь относительного сознания, что являются

действенной силой в мире в течение веков или даже тысячелетий. Выдающийся пример такого величия — Аристотель. Ничего подобного я не нахожу у Уитмена. Если бы он отличался высокими способностями в чисто относительном смысле, то едва ли можно было бы понять, отчего великий, Озаренный Уитмен не мог дать жизнь своим более ранним произведениям, написанным до Озарения. Фактически только его Озаренные труды имеют силу, но, несомненно, великую силу. Однако этот факт просто повышает ценность Уитмена как примера того, что значит Озарение. С другой стороны, люди, подобные Данте и Фрэнсису Бэкону, — не столь хорошие примеры для изучения Озарения, так как они, в особенности Бэкон, были людьми способными и образованными в сфере относительного. Очень может быть, что Бэкон занял бы определенное место в истории, даже если бы и не достиг Космического Сознания. Поэтому контраст между Озаренным и просто эгоистическим Бэконом не отличается такой остротой, как в случае Уитмена. Трудно представить, чтобы без Озарения Уитмен был когда-нибудь известен за пределами своего круга.

Как же велика тогда сила Озарения? Уитмен и Бальзак — видные в наше время примеры, которые показывают нам заметный контраст между способностями этих людей до Озарения и тем, чем они стали впоследствии. Западная история дает нам еще два бросающихся в глаза примера. Это Иисус и Якоб Беме, один — плотник, другой — сапожник. Оба они были людьми с прекрасным личным характером, но ни один из них не был достаточно велик в чисто эгоистическом смысле, чтобы оставить какой-то след в истории. Нет нужды отмечать значение, которое они приобрели, достигнув Высшего Осознания. Без сомнения, есть и другие люди такого рода, особенно в Индии, но некоторые из них жили и умерли в уединении, или жили, доступные для немногих, но под обетом молчания. Поэтому они не представляют признанной силы в истории и не живут для внешней регистрации. Другие же, отличающиеся выдающимися способностями в смысле эгоистического сознания, не являются хорошими примерами, так как контраст между этими уровнями не так заметен. Разницу между этими двумя типами можно проиллюстрировать следующим образом: почти каждый может заметить, когда какая-нибудь довольно обыкновенная горка вырастает до величия высокой горы, как бы от внезапного действия геологических сил. С другой стороны, если уже высокая гора, вершина которой теряется за облаками, вырастает до еще большей высоты, лишь немногие способны были бы оценить этот факт. В конце концов, лишь те, кто обитают за облаками, могут измерить сравнительную высоту возвышенных пиков с достаточной точностью. Так и с великими Озаренными.

Озарение — это одно, а форма, которую принимает его частное выражение в субъектно-объектной сфере, — нечто совсем иное. Все Озаренные образуют одну Общину. Они суть одно Братство, основывающееся на взаимном понимании и принципиальном согласии. С другой стороны, способ их выражения на языке относительного столь же изменчив, сколь различно развитие личности. В принципе, любой способ выражения, существующий в этом мире, является возможным способом передачи Озаренного сознания. Говоря формально, не все эти способы согласуются друг с другом. Они даже могут быть далеко не корректны в научном смысле. Но все они передают Реальность в большей или меньшей степени; под Реальностью понимается то, что можно познать лишь путем Пробуждения к другому измерению Сознания. Следовательно, все эти способы выражения Высшего имеют высочайшую ценность для людей, ибо бриллиант — это всегда бриллиант, торчащий ли в земле или промытый, грубый ли камень или ограненный и шлифованный. На одной стороне шкалы Озаренные вручают нам бриллианты, заметно вымазанные в грязи, а с другой — они снабжают нас бриллиантами вполне очищенными, ограненными математически выверенными углами, которые более совершенно отражают содержащийся в них Свет, и шлифованными до крайней степени чистоты. Последний дар, несомненно, более заверченный, но в одном все равны, так как бриллиант есть бриллиант. Так и все проявления Реализованного Сознания равны в том, что все они из Источника, корнящегося в Высшем или Бесконечном.

Со своей стороны я больше предпочту полировку Платона грубому обтёсыванию Уитмена. Но несомненно, что Уитмен является открытой дверью для тех, для кого Платон — дверь за семью печатями. И все пути, в которых люди нуждаются, приемлемы для Меня в более широком смысле. Но путь грубого и простого человека не в меньшей степени Божественен, чем тот, который соответствует нуждам культурного и аристократического духа. И действительно, при более пристальном рассмотрении настоящие “снобы” в этом мире часто оказываются вовсе не такими уж высокоразвитыми аристократами, а какой-то не вполне законченной группой людей, которые питают собственную гордость, прославляя жестокость, да еще и настаивают на том, что жестокий способ — самый лучший. Озаренный человек сделает все, что нужно, чтобы встретить Своих людей, и если им потребуется грубость, Он будет проявляться через грубость, но это не значит, что Он презирает завершённое и отшлифованное искусство, или тех, кто предпочитает, чтобы истина преподносилась в прекрасном обрамлении.

59. ВЫРАЖЕНИЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Фигуральные высказывания или аналогии, кажется, абсолютно необходимы для отражения Глубинных Реальностей. Прямой смысл языка не выражает подлинности Высшего Сознания. Можно сказать, что эта Подлинность объемлет выражение, но не заключается в нем непосредственно. Так что читатель должен не слишком стремиться понимать формальный смысл, содержащийся в этих писаниях, но должен стараться произвести какой-то поворот в своем сознании в сторону той Матрицы, которая окружает это выражение. Он должен сосредоточиться на слабых движениях в своем сознании, которые он не в состоянии по-настоящему выразить даже для самого себя. Они составляют определенные “дополнения” к формальному смыслу, формальный смысл служит как бы некоей фокусной точкой, которая нагружена тонкой дополнительной ценностью. Очень трудно добраться до последней без помощи этой фокусной точки, пока не достигнут довольно высокий уровень развития. Отсюда можно пользоваться разными средствами выражения. Но если выражение берется в чересчур определенном смысле, подлинный и более глубокий Смысл утрачивается. Поэтому слова Озаренного человека ни в коем случае нельзя понимать буквально, когда он дает перекрестный перевод с Высшего. Так вот, это “дополнительное качество” сначала почти неотличимо от ничто или пустоты. Оно подобно дуновению, которое тут же ускользает; мгновенный проблеск, уловленный краем глаза и пропадающий, когда на него обращен весь фокус зрения. Его следует обретать очень осторожно, как завоевывают доверие какого-нибудь беззащитного и боязливого дикого зверька. До него нужно добираться, как бы, не стремясь вообще.

Придет время, и То, что так тонко, обратится в некое Присутствие, более осязаемое и твердое, чем самый крепкий гранит. Оно будет проявлять Силу столь великую, что Она развеет не только непосредственную среду, но и всю вселенную. Но эта Великая Сила редко бывает с самого начала явно преобладающей, и Ее следует усваивать очень осторожно, или она пропадет на первых этапах. Вначале может казаться, что ходишь по канату над бездонной пропастью, и чрезвычайно трудно удержать нужное равновесие. По завершении же канат становится Простором, Высшей поддержкой всех вселенных, не нуждающимся ни в какой поддержке. Зримый человек, в таком случае, преобразился и стал вседержущей Матрицей. Тогда он больше не борется за сохранение равновесия на канате, но находит Себя повсюду, и, следовательно, — Неуязвимым.

60. СИМВОЛ ЧЕТВЕРТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Есть очень красивая и часто используемая аналогия, заимствованная из математики. Это аналогия четвертого измерения. Некоторые перекрестные соотнесения между субъектно-объектным сознанием и Трансцендентным Сознанием становятся значительно яснее благодаря рассмотрению некоторых свойств трехмерного и четырехмерного пространства. Хотя и верно, что этот символ может быть истолкован в некотором превратном смысле, тем не менее, эту ошибку можно устранить, отделив понятие “измерения” от метрических свойств, которые, строго говоря, существенны лишь в прикладной математике. В данном обсуждении я следовал именно этому пути.

Субъектно-объектное сознание можно уподобить трехмерному пространству. Эта связь станет ясней, если понять, что этот вид сознания имеет три, а не только два аспекта. Ради краткости я назвал его субъектно-объектным сознанием, но в действительности оно состоит из трех следующих аспектов:

1. Я, или субъективный момент сознания, который сознает содержимое сознания.
2. Объект сознания, который образует внешний мир в плотном или тонком смысле.
3. Само осознание, которое занимает промежуточное положение и имеет лишь психическое существование.

Далее, субъектно-объектное сознание проявляется трех видах или трех способах, которые я обозначил перечислив следующим образом:

1. **ОЩУЩЕНИЕ.** Я воспользовался этим термином, чтобы включить в него все, что прямо связано с чувственным восприятием. Таким образом, сюда входит не только непосредственное ощущение, но также “восприятия” и “представления”. Этот вид сознания ниже уровня понятий и, следовательно, предшествует этапу, на котором возникает язык. Главная черта этого вида сознания — пассивное восприятие. Всякое состояние сознания, заключающее в себе сознательную реакцию или мышление, подразумевает присутствие чего-то большего, чем одно лишь ощущение.

2. **АФФЕКТЫ.** Этим термином я пользуюсь в том смысле, который ему придается в психологии и этике. Таким образом, сюда входят все эмоции — доброжелательные или недоброжелательные — все страсти и все иные импульсы к действию: любовь, ненависть, гнев, желание, страх, чувство справедливости и чувство прекрасного. Аффекты — основа морального чувства, поскольку делают возможным сознательное действие и реакцию во всей сфере, общей для людей и животных. Познание оказывает влияние на аффекты, но его воздействие на ощущения незначительно.

3. **ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ.** Этот термин относится к сфере концептуальной жизни, то есть к самому пониманию. Именно благодаря этой способности возможны мысль и речь. В математическом мышлении она проявляется почти в чистом виде, доминирует в философском и научном мышлении. Это — важнейшая отличительная черта, отделяющая человека от животного, тогда как аффекты и ощущения простираются и на более низкие сферы. Неотъемлемой характеристикой познавательной способности является способность к абстракции.

Эти три аспекта охватывают всю субъектно-объектную сферу в пределах обычного человеческого сознания, но едва ли когда-нибудь проявляются изолированно в данном конкретном состоянии, хотя тот или иной, как правило, преобладает. Познавательная способность обычно сопряжена с определенным усилием, в особенности на более высоких уровнях мышления. Но ощущения и аффекты настолько привычны, что на своем уровне проявляются почти автоматически, но их дальнейшее развитие также требует усилий. Дегенеративные тенденции, проявляемые в безумии, показывают, что познавательная способность и высшие аффекты утрачиваются в первую очередь, тогда как способность ощущения сохраняется почти до конца.

Легко заметить, что, учитывая эти три аспекта, мы можем говорить о человеческом сознании как о трехмерном. В противоположность этому мы можем назвать сознание животного двумерным. Напрашивается естественная аналогия Высшего Сознания с четвертым и даже более высокими измерениями. Этим достигается значительно большая ясность понимания.

В обычном смысле слова “измерение” включает в себя понятия “протяженности” и “величины”, но в более строгом смысле чистой математики эти понятия упраздняются. Здесь “измерение” начинает означать “степень свободы”. Именно в этом смысле понятие “измерение” представляет ценность для данного обсуждения. Но поскольку такое его употребление не является общеизвестным, то необходимы некоторые пояснения. Например, если точка ограничена всеми возможными положениями на линии, то говорится, что она обладает одной степенью свободы. Она может занимать бесконечное число положений, но лишь в ограниченной сфере или области, обозначаемой линией. Далее, если позволить точке занимать то или иное положение на плоскости или искривленной поверхности, то она получает вторую степень свободы. Таким образом, если мы начнем с прямой линии на плоскости, то из каждой точки на этой линии мы можем провести другую линию под прямым углом к ней. Количество возможных положений на этой второй линии будет так же бесконечно, и, следовательно, для каждого единственного положения на первоначальной линии мы добавили бесконечное множество новых положений. Следовательно, двумерный мир бесконечно богаче, чем одномерный. В нем — двойная бесконечность возможных положений. Повторив этот процесс, мы получим обычное пространство, или мир трехмерной свободы, то есть мир с бесконечно большими возможностями, чем в двумерном мире. Этот процесс можно продолжать до бесконечности, так что мы имеем не только три измерения, но фактически неограниченное их количество, так как не существует никакого логического предела. Однако для наших целей мы не пойдем дальше добавления четвертого измерения, т. е. пространства или мира, отличающегося четвертой степенью свободы.

Следует отметить очень важный момент, что хотя все отношения, выраженные “степенью свободы”, можно связать с точкой, тем не менее, протяженность не является существенной для этой цели. Те же отношения можно выразить одними лишь абстрактными числами, не придавая числам значение измеримости вообще. Таким образом, мы имеем дело с понятиями гораздо более фундаментальными, чем понятия протяженного пространства-времени.

Как и в случае любого символа, формальные отношения, заключенные в вышеупомянутых понятиях, приобретают свое значение в результате придания им соответствующей интерпретации. Тогда обсудим, что мы будем подразумевать под “степенью свободы” и под фразой “бесконечно большая свобода”.

“Степень свободы” здесь будет означать разработку всех возможных состояний данного вида сознания, скажем — ощущения. Всякое возможное ощущение или комбинация ощущений образуют одно измерение или степень свободы в сознании. Поскольку мы не можем наложить ограничений на эти разработки в их собственном направлении, мы рассматриваем их общую возможность как единую бесконечность. Ощущения вместе с аффектами дадут двоякую бесконечность, а ощущения, аффекты и познавательная способность — тройную.

Выражение “бесконечно большая свобода” означает, что подобные разработки на уровне более высокого измерения невозможно выразить в терминах низших измерений. Следовательно, каждый шаг от одной группы измерений к другой, большей, включает в себя превосхождение (трансценденцию) первой, то есть равносильно вступлению в бесконечно больший мир.

Однако в некотором смысле возможно перекрестное соотнесение мира высшей степени свободы с низшим миром, и это аналогично тому, что в математике называется “проекцией”. Так, трехмерную конфигурацию — мост или некое здание — можно спроецировать на двумерную сферу (скажем, на лист чертежной бумаги) таким образом, что инженер может представить себе это здание по чертежу и обозначить виды всех его материалов прежде, чем сделан хотя бы единый штрих физической работы. Но есть некоторые важные вещи, которые можно проделать с действительно построенным объектом, мостом, например, какие невозможно сделать с одним лишь его планом. Так, автомобиль может пройти по настоящему мосту, но не может пройти по двумерному чертежу. Это означает, что трехмерная реальность отличается чем-то, что никак нельзя уловить в пределах двумерного изображения, как бы полно последнее не разработали.

Это приводит нас к возможности применить наш символ. Здесь Четвертое измерение олицетворяет Высшее Сознание, под каким бы именем мы его ни знали — Космическое Сознание, Мастерство, Сознание Христа, Трансцендентное Сознание или Нирвана. Можно назвать это измерение “глубиной”. Так вот, реальность глубины можно осознать лишь благодаря пробуждению в направлении этого четвертого измерения. Ее можно “спроецировать” в трехмерную сферу ощущений, аффектов и познавательной способности, но эта проекция есть не большая реальность этой глубины, чем описательный план моста есть сам мост.

Но так же, как инженер с помощью своего специального знания может воспользоваться таким планом для постройки настоящего моста, так и благодаря большему или меньшему Пробуждению Сознания Глубины человек может воспользоваться каким-то спроецированным выражением из Четвертого измерения, чтобы извлечь пользу Высшего Сознания. Даже скрытое Сознание Глубины можно пробудить к жизни.

Общая сумма всякого возможного Высшего Сознания вполне может заключать в себе многие измерения, быть может, неограниченное их количество, но для человечества в целом следующая ступень вполне отражена Четвертым Измерением.

Важно, что рождение из более узкой измеримости в высшую не обусловлено полным исчерпанием всех возможностей на низшем уровне. Человек раскрывается в измерениях ощущений и аффектов больше, чем любое животное, но многое в этой сфере стало возмодным для него именно вследствие пробуждения познавательной способности. Так, эстетическое восприятие помимо способности чувственного восприятия требует значительного развития аффектов и познавательной способности. Любое из этих трех измерений может быть очень высоко развито в человеке, но главным его отличием от животного все же является познавательная способность, которая среди прочего делает возможными разумную мысль и язык. В плане одних лишь аффектов человек еще не отличается от животного, ибо животные, как и люди, могут любить, быть преданными, испытывать страсть или гнев, и знают эти чувства. Но, соединив аффекты с познавательной способностью, человек безгранично увеличил возможности аффектов по сравнению с любым животным. Фактически не так уж много людей, чье наивысшее превосходство заключается в чисто познавательном измерении, тогда как большинство выделяется в измерениях аффектов и ощущений. Важный момент состоит в том, что то меньшее пробуждение, которое отделяет человека от животного, и более значительное Пробуждение, которое отделяет или отличает Богочеловека от обыкновенного человека, заключается в пробуждении какой-то совершенно новой способности. Степень развития в терминах этой новой способности является делом эволюции на более высоком уровне, но основное различие между животным, человеком и Богочеловеком не в степени развития, а в пробуждении к новому измерению сознания.

И точно так же, как пробуждение познавательной способности бесконечно обогащает развитие в сфере ощущений и аффектов, так и Пробуждение к Высшему Сознанию колоссально увеличивает способности в уже отчасти раскрытых низших измерениях. В результате большая часть того, что есть лучшего в религии, искусстве, философии и науке, вышло из рук или из уст тех Людей, которые хотя бы в какой-то степени отличались высшим Пробуждением. Вот результат, который человек, ограниченный тремя измерениями сознания, может в какой-то мере оценить, хотя Главная Сила и остается пока выше его понимания. Фактически, два отличительных признака Озаренного Человека представлены возрастанием, иной раз доходящим почти до революции, в функциях или измерениях интеллекта и аффектов. Так, животное вполне может признать, что человек как-то превзошел его в его же сфере, что обнаруживается, например, в том факте, что человек гораздо более опасный убийца, чем самый хищный зверь. Однако это животное ничего не знает о ключе, который дает человеку эту особую силу. Аналогичным образом обыкновенный человек субъектно-объектного сознания, как бы высоко он ни оценивал превосходство Человека Познания в своей собственной сфере, абсолютно слеп относительно того ключа, которым открывается сила. Как уже неоднократно повторялось, единственный способ понять это — Пробудиться самому. С помощью аналогии или символа можно лишь на что-то намекнуть, но не более. Я хочу вновь обратить внимание на тот факт, что в настоящем обсуждении понятие “измерения” употребляется в смысле, характерном для чистой математики. Измерение понимается как “степень свободы”; оно включает в себе понятие “множественности”, но вовсе не обязательно также и понятие измеримости или метрических свойств. Строго говоря, измеримость относится лишь к прикладной математике, где уместна протяженность, поскольку это свойство физической материи. Таким образом, первые три измерения, равно как и четвертое, логически не вводят понятия протяженности. Множественность как таковая поддается чисто количественной интерпретации, и таким образом устраняется затруднение, связанное с тем, что мы наделяем четвертое измерение протяженностью. Именно понятие множественности важно и первично. Без него не могло бы быть ни эволюции, ни дифференцирования, в каком бы то ни было смысле и на любом уровне. В самом деле, мы могли бы считать все пространство в смысле протяженности простой иллюзией, и, тем не менее, придерживаться чистой математики со всем богатством ее разнообразия, оставшегося незатронутым. Поистине, если читатель сумеет разрушить то влияние, которое имеет на его ум понятие протяженности, он далеко уйдет по пути приготовления себя к Пробуждению.

61. ПРИРОДА ВЕСОМОЙ МАТЕРИИ

15 сентября

За пару недель до 7 августа мне на ум пришло окончательное соотнесение одной идеи относительно природы феноменального мира, которое прояснило для меня столь многое, что оказалось решающим для снятия остававшихся интеллектуальных барьеров к Познанию. Поскольку эта идея имела такое большое значение для меня, то она может оказаться столь же важной и для других. В связи с этим я попытаюсь дать ей четкую формулировку.

Какова же природа феноменального мира? Некритичный натуралист скажет, что мир и есть самое “вещь”, существующая вполне независимо от воспринимающего субъекта. Он идет далее и заявляет, что мир не только независим от наблюдателя, но и является по существу таким, каким представляется наблюдателю. Но вся философия, достигшая хоть какой-то степени критического смысла, а равно и современная наука, соглашаются, что факты заставляют изменить эту наивную точку зрения. Подлинные философы согласны в утверждении, что чем бы ни был реальный мир, он, во всяком случае, искажается нашими чувствами, и поэтому то, что человек воспринимает, есть нечто

иное, чем сама “вещь”. Кроме того, для физика 20-го века осязаемая материя, т. е. материя и форма, данная через чувства, определенно не является подлинной физической реальностью. С точки зрения физики истинное основание материи — это волновые системы, по существу той же природы, что электромагнитные волны или свет. К тому же эти системы не поддаются адекватному представлению в форме какой-либо чувственной модели. Лишь математическое уравнение в состоянии отразить реальность, какова бы она ни была, таким способом, который согласуется с наблюдаемыми феноменами.

В тесной связи с современной наукой и математикой развивалась школа философии, известная как неореализм, согласно которой мир понимается как состоящий из вполне реальных сущностей, но эти сущности считаются иными, чем их чувственная видимость. Эта философия высокотехнична и строго логична, и таким образом в основном находится вне сферы понимания всякого читателя, который не вполне сведущ в современном знании основ математики. Но здесь для нас решающее значение имеет лишь один момент, определяющий наше отношение к этой школе. Эта школа находится в согласии с натурализмом, считая сознание не имеющим никакого отношения к реальности. Вещи считаются тем, что они есть, независимо от какого-либо наблюдателя или мыслителя.

Если бы натуралистическая или неореалистическая точка зрения была верна, то не было бы никакого смысла в таких словах, как “Познание”, “Высшее Сознание”, “Пробуждение”, “Я, поддерживающее вселенную”, “Космическое сознание” и т. д., кроме как в чисто психологическом смысле. Неореализм, как и натурализм, отрицает, будто существует такая вещь как Метафизическая Реальность, во всяком случае, в онтологическом смысле. Наша собственная точка зрения неизбежно расходится с обеими вышеназванными школами. Хотя мы признаем, что неореализм представляет во многом несомненную ценность как частное извлечение из общей суммы всех возможностей сознания, тем не менее, мы вынуждены оспаривать его как систему, претендующую на исключительную обоснованность.

Сейчас нашей целью не является попытка систематической критики неореализма, но оспаривание этой философии подразумевается практически всем, что содержится в этой книге. Мы можем впоследствии взяться за общую критику неореализма и других философий, которые занимают позиции, несовместимые с нашей, но такая критическая работа неизбежно является скорее технической и, следовательно, сюда не относится. В настоящее время, признавая существование этой критической проблемы, мы хотим лишь разъяснить для читателя нашу собственную философскую позицию.

И в Индии, и на Западе существуют системы философии, согласно которым конечная Реальность считается чистым Сознанием. Очевидно, что инертная и безжизненная материя рассматривается тогда как лишь помраченное Сознание. Таким образом, если мы рассматриваем какую-то часть изначально однородного Сознания как отчасти подавленную или нейтрализованную другой Его частью, то результатом будет относительное не-сознание какой-то степени. Эта относительная бессознательность есть объективный мир, или, иными словами, основание всей вселенной как она воспринимается через чувства. В пользу этой точки зрения можно привести многое из области философии и науки, но и это не является сейчас нашей целью. Я просто хочу подчеркнуть наиболее важные онтологические черты этого подхода. Далее, решающее следствие такой позиции в том, что воспринимаемая вселенная, включая весомую материю и форму, является, по существу, скорее некой абстракцией от первоначальной Непроявленной Реальности, чем ее дополнением. С точки зрения первичного и вечно не-относительного Сознания, которое объемлет время и пространство, равно как и все прочее, ничего нельзя утверждать о Целом, что неизбежно предполагает господство времени, как, например — “процесс” или “развитие”. Целое, поскольку Оно объемлет пространство и время,

не обусловлено ими. В конце концов, мы найдем, что никакое относительное понятие — а все понятия относительны — нельзя утверждать о Целом, даже Бытие. На самом деле Оно есть то, что не есть ни Бытие, ни Небытие, и таким образом остается, по существу, немыслимым, хотя и может быть Осознано через Пробуждение к Признанию Его.

Итак, можно сказать, что вселенная порождена процессом, который мы можем назвать частичным ослеплением, и что обратный процесс, то есть процесс Прозрения или Пробуждения, уничтожает вселенную как раз в той мере, до которой дошло это Пробуждение. Отсюда становится ясной обоснованность утверждения того Мистика, который говорит: “Я поддерживаю эту вселенную, и могу произвести или разрушить ее по своей воле”. Когда Шанкара говорит об уничтожении вселенной, он имеет в виду не физический катаклизм, а такой Переход в Сознании, благодаря которому воспринимающий Субъект сознает Себя как Господа вселенной, вместо того, чтобы быть ее жертвой. Индивидуальная душа, которая достигла этого положения, может избрать себе продолжение познания вселенной, но принципиальная власть последней над первой уничтожена недвусмысленно.

Если теперь мы заменим выражение “относительная бессознательность” другим, которое в основе своей ему эквивалентно, а именно — “весомая (осязаемая) материя и форма”, мы можем придать вышеизложенной философии новый вид, который больше подходит к терминологии современной науки. Предположим, что весомая материя и форма представляет собой состояние относительной пустоты или ничто по сути своей. Интересно отметить, что теперь мы недалеко от позиции, сформулированной молодым английским физиком Дираком, хотя он и пришел к этой точке зрения совершенно другим путем. В этой точке зрения нет ничего, что говорило бы против относительной верности любого научного положения. Единственное изменение лишь в метафизической интерпретации того, что эти положения означают. Здесь нет никакого вызова ученому, пока он ограничивает свои выводы пределами, логически обозначенными его методологией. Он остается нашим лучшим авторитетом в определении объективного факта, как этот факт видится с принятой им точки зрения. Если он выходит за эти пределы, мы нуждаемся не более чем в его собственной логике, чтобы выдвинуть контраргумент. Эта логика, если ей следовать строго, не может пойти дальше агностицизма относительно метафизической реальности, и Мы согласны, что как ученый-физик он здесь остановится. Но Мы не согласны, что как человек он должен застрять на этом положении, ибо оно лишено стойких Ценностей.

Приведем пример того, как наша точка зрения повлияла бы на интерпретацию какого-нибудь принципиально важного закона физики. Давно уже наша наука дошла до принципиального понимания того, что большая часть ощутимых эффектов, связанных с материей, не представляет необходимых детерминант материи. Как сейчас понимают, “материя” определяется “массой”, а она в свою очередь проявляется через свойство, называемое “инерцией”. Таким образом, там, где материя, там и инерция, а где инерция, там материя. Ньютон дал закон инерции в следующей формулировке: всякое тело стойко сохраняет свое состояние покоя или однообразного движения по прямой линии, исключая тот случай, когда оно вынуждается к изменению этого состояния прилагаемыми силами. Механика Эйнштейна придает этому закону иную форму, но не меняет его основную характеристику. Теперь, инерция подразумевает отсутствие внутреннего или самопроизвольного движения, а отсюда это также подразумевает и принципиальную мертвость. Напротив, основная отличительная черта сознания — способность самопроизвольного движения. Именно поэтому Универсальное Сознание часто передается символом “непрерывное движение”. Но с этой точки зрения состояние относительного движения, равно как и состояние покоя в материальном теле, есть попросту отсутствие реального движения. Когда Сознание полно, то нет никакой инерции. Только абсолютное отсутствие Сознания — состояние подлинного ничто — было бы абсолютно инертным. Таким образом, мы сказали бы, что физик прав, делая инерцию первичным признаком того, что он изучает,

но он ошибается, если принимается утверждать вещественную реальность своего объекта изучения. В действительности он изучает относительное ничто. Этот факт нисколько не умаляет практической ценности его изучения, но просто значит, что он имеет дело с “лицевой стороной” метафизической реальности. Далее, если понятно, что он открывает законы, управляющие лицевой стороной реальности, его знание может служить Путем к Познанию этой Реальности. Я вижу, как наша теперешняя наука физика раскрывается как специфически прекрасный Путь к Богу. Так что у меня нет никакого повода к вражде с физической наукой как таковой. На самом деле у меня совсем иные чувства.

В наши дни физики нашли, что, по крайней мере, многое в силе не является внешним для материи. В радиоактивности есть элемент непредсказуемой спонтанности, который определенно выглядит наподобие того, что мы подразумеваем под самопроизвольным движением, или энергией, возникающей изнутри. В результате материя ныне рассматривается как не вполне инертная, и все это просто широко раскрывает Врата для Нас.

Теперь давайте примем точку зрения, что весомую материю, или воспринимаемый чувствами мир, следует рассматривать как относительную пустоту, так что абсолютная материя в этом смысле была бы абсолютным вакуумом. Тогда мы увидим, что относительный мир, или эта временная вселенная произведена каким-то отрицанием, а, следовательно, с точки зрения метафизической философии ее следовало бы рассматривать как Майю, иллюзию. Из этого не следует делать вывод, что вселенная не имеет никакой ценности. Но это подразумевает, что если человек не поставит на свое место утверждение “Реальности”, то он будет захвачен иллюзией в том смысле, который вызывает зависимость (рабство), тем не менее, было бы все-таки верно, что если он избежит этой ошибки, он может через эту вселенную найти реальное. В большинстве своем человечество впало в эту ошибку, которая является причиной всякого страдания. Но саму причину этого заблуждения можно использовать как средство к Познанию. Чтобы достигнуть этого, необходим определенный коперниковский переворот в индивидуальном сознании. Таким образом, вместо того, чтобы считать главным явственным для чувств, следует перевернуть эту точку зрения. Тогда мы увидим, что пустота пространства, кажущаяся сравнительным отсутствием физической материи, на самом деле является более вещественной (субстанциальной), чем любая весома материя. Мы сказали бы так: “Возрастание весомости подразумевает снижение субстанциальности, и наоборот”. Следовательно, в некотором смысле законы, правящие весомым, становятся обратными законами, правящими субстанциальным.

Вышеприведенное рассуждение дает нам новый угол понимания смысла метода, предназначенного для Пробуждения Познания систематическим отрицанием всего того, что весомо или мыслимо. Завершение этого метода — приход к **кажущемуся** ничто, т. е. чистому сознанию без объекта. Эта платформа плюс отождествление своего “я” с этим **кажущимся** ничто сразу вызывает Познание. Но в этот момент Ничто становится совершенной Полнотой и абсолютной Субстанциальностью. Тогда Осознавший Человек может обратиться к миру и заявить универсально: “Я есмь все”, но теперь он говорит о лицевой стороне весомой вселенной. Мы можем рассматривать эту сторону как нечто вроде матрицы. Такая матрица есть некий континуум, тогда как весома множественность дискретна. Насколько мы видим, это разрешает затруднения в примирении между множеством и Единством в логическом отношении. Для меня эта точка зрения была последней эффективной помощью в Познании, которая сделала возможным Переход в сознании.

* * *

Я убежден, что в вышеизложенном я открыл новое развитие метода Пробуждения Познания. Он не требует радикального умолкания мыслительного процесса. Однако что касается меня, я

воспользовался умолканием совсем в ином смысле, а именно — нейтрализацией аффектов, так что в решающий момент был высокий уровень покоя. Познавательная активность имела, но она была почти до такой степени чисто познавательной, что была совершенно бесстрашна. Действие познания было исключительно остро различающим, но его нужно было удерживать на внешней стороне лишь очень ненадолго, пока что-то глубокое и сильное устанавливалось изнутри, и с этого времени активность, сосредоточенная в личном сознании, переставала отличаться какой-либо действительно эффективной помрачающей силой. словно вся сложная природа организованного человека была вдруг перенесена с этого момента за правящую Силу, которая с тех пор преобладала. В результате я как будто не испытывал беспокойства от оставшихся привычек личного человека, которые выросли из прошлого. Есть нечто более или менее автоматическое во все большем и большем их преобразовании.

62. ПОДЛИННОЕ РАВЕНСТВО

Теперь мы в состоянии придать четкий смысл идее равенства. Совершенно ясно, что в относительном или феноменальном мире нет двух вещей, лиц или созданий, равных друг другу. Практически из всех миллиардов конкретных состояний сознания нет двух аутентичных копий, а, следовательно, и равных. Понятия о равенстве и неравенстве включают в себя в каком-то смысле и измерение, и таким образом равенство подразумевает, что измеримые аспекты одной вещи в точности те же, что и другой или других. Мы находим такое равенство в математике, но не в чувственном мире. Кроме того, понятие равенства несовместимо с понятиями развития и свободы. Ибо если есть такая вещь, как развитие, и если самоопределение оказывает на него какое-то влияние, тогда не все сущности развивались бы одним и тем же путем или до одной и той же степени, если бы даже на начальном этапе и было абсолютное равенство. Но если мы обратимся от феноменального мира к матрице всех относительных вещей, существ, людей и т. п., то сразу станет ясно, что Матрица травяной былинки равна Матрице человека или планеты. Ибо Матрица эта, если взять ее в самом сокровенном смысле есть всеобщая Полнота. Но даже здесь, с точки зрения строгой логики, мы не должны утверждать равенства, а скорее должны отрицать неравенство, поскольку в Великой Протяженности размеры неуместны.

Тут же следует вывод, что подлинная демократия существует только для Людей, Осознавших Бога. Все иные, будучи еще привязаны к относительному или субъектно-объектному миру, в действительности стоят на ступенчатой лестнице, отмечая разные стадии обретенного развития. Теперь мы поймем, как прав был Карпендер, назвав одно из своих стихотворений: “К демократии”. Другими словами, это просто значит: “К Познанию”. Следовательно, эта Демократия не имеет ничего общего с тем, что возможно здесь и сейчас в деле правления, когда люди остаются такими, как они есть теперь. Так что тот, кто хотел бы принести в мир подлинную демократию вместо ложной, которая только и известна в истории, должен трудиться ради распространения Познания среди людей.

Можно сказать, что люди рождены равными лишь в двух отношениях. Во-первых, все люди, а также все объекты, от атома до звезды, равны в том смысле, что в сердце — всего один неизменный и нераздельный Дух. Во-вторых, все люди равны уже благодаря тому факту, что для того, чтобы стать человеком, существо должно пробудиться к сознанию на уровне познавательной способности. Но по степени сравнительного развития способностей в любом отношении нет двух равных людей. Кроме того, нет двух людей, которые раскрыли бы в течение жизни свои первоначальные возможности в абсолютно равной степени. Таким образом, в относительном смысле не может быть никакого равенства между людьми.

Принципиальный факт эмпирического неравенства людей имеет большое значение в проблеме поиска наиболее эффективной организации общества. Учреждения, основанные на ложной предпосылке, не в состоянии удержаться и не могут функционировать эффективно. Никакое формулирование закона, сделанное человеком, не может изменить этот факт. Природа есть то, что есть, а пропаганда, напротив, может лишь создать иллюзию. Видимый человек есть то, что он есть, а не то, что идеалист может вообразить о нем и пожелать, чтобы он был таким. В конечном счете, здравое правление должно ориентироваться на действительность, сколь бы много ни трудились официальные лица во имя идеала.

63. КАТЕГОРИЯ БУДДЫ

16 сентября

Я обращаюсь к проповеди Будды и нахожу такие слова: “Он — мирской человек — назовет отречением то, что для Озаренного есть чистейшая радость. Он увидит уничтожение там, где Совершенный находит Бессмертие. Он будет считать смертью то, что Победитель знает как Жизнь Вечную”.

Согласно записи, это было сказано вскоре после того, как Гаутама достиг Озарения под деревом Боддхи. Сначала Татхагата имел искушение хранить молчание, ибо казалось бесполезным проповедовать провозвестие Освобождения, которое определено не поняло бы большинство людей. В конце концов, Будда решил дать это Провозвестие на пользу тем, кто может понять. Но проблема, с которой он столкнулся, весьма принципиальна, поскольку очень трудно человеку, привязанному к субъектно-объектному сознанию, постигнуть иную Жизнь, где эгоизм исчезает. Обыкновенный человек может представить себе небеса и ад, построенные на субъектно-объектных образцах, где жизнь более интенсивна в приятном или мучительном смысле, но истинно Освобожденная жизнь выше его понимания. Христианский мир истолковывал Царствие Божие просто как возвышенную субъектно-объектную сферу, и так совсем утратил подлинный смысл учения Иисуса. Христос принес Провозвестие Освобождения, точно так же, как и Будда, и его смысл был в точности тот же, хотя и выраженный в форме, соответствующей сознанию иных людей. Поистине немногие из христианского мира когда-нибудь верно понимали его смысл. Субъектно-объектный мир, воспринимаемый после физической смерти как весьма блаженное состояние, не есть Освобождение. Он, по существу, не отличается от этого теперешнего здешнего мира. Следовательно, такой мир можно передать в терминах концептуального языка как он есть. Но совсем иное дело, если это касается Нирваны, или Царствия Божия.

Невозможность действительно сформулировать и передать другим, что такое Освобожденное Состояние, это не просто трудность, вызванная попыткой выразить какое-то необычное переживание. В последнем случае проблема может быть трудна, но не является в принципе неразрешимой. Это лишь вопрос нахождения соответствующих понятий и словесных знаков, что могут сделать люди, достаточно искусные. Но вид сознания, которое выходит за рамки субъектно-объектной сферы, более чем трудно выразить в относительных терминах. Абсолютно невозможно. Это не просто вопрос нашего еще не достаточно развитого умения. Это — принципиальная невозможность выразить Трансцендентное на языке субъектно-объектных связей. Царствие Божие и Нирвана — лишь наименования, указывающие на Бессмертную Реальность. Но Реальность эта — всегда нечто иное, чем все, что можно понять в относительных терминах. Отсюда — это отрицание всего, что мы знаем в субъектно-объектном смысле. Таким образом, Она не зла и не добра, не велика и не мала, не окрашена и не бесцветна, и так по всем парам противоположностей. Это означает, что с точки зрения

логики Ее не найти в “дискурсивной” вселенной. Естественно, субъектно-объектному сознанию это должно казаться уничтожением.

Тем не менее, фактически это — Бесконечная Жизнь. Это чистая Радость, предельно удовлетворяющее богатство, это абсолютно определенное Знание. Но его можно познать только через Тожество. Если его познали хотя бы на миг, тогда Его осознают как единственно верное разрешение человеческих бедствий. Только на основе этого Знания и возможно адекватное решение конечных проблем философии и науки. Объединенное свидетельство Тех, кто достиг Познания, вполне дает доказательство реальности Трансцендентного Мира, и что-то глубоко в сердце каждого шепчет: “Да, это так”. Если бы только люди прислушивались к этому слабенькому, тихому Голосу!

Но человек должен родиться вновь, прежде чем он сможет Узнать. И тот, кто родился вновь, пребывает Там, остается ли он связанным с воплощением в относительном мире или нет. Родившись вновь, он умер для субъектно-объектного сознания в принципиальном смысле, даже если и продолжает функционировать в этой сфере. Он умер в гораздо более принципиальном смысле, чем мирской человек, который лишь отделяется от физического тела. Смерть — это переход, который не ведет за пределы субъектно-объектной сферы. Но Великий Переход настолько же уводит нас за обычные небеса и ад, насколько смерть — за пределы этого мира.

Но что человек окончательно превосходит при Великом переходе, так это эгоизм, что бесконечно больше по сравнению с утратой лишь тела как инструмента действия в какой-то частной зоне относительного сознания.

64. МИР АДЕПТА

Возникает очень редко обсуждаемый вопрос: “Когда все единицы человечества в конце концов Пробудятся, откажутся ли они тогда от всех без исключения ценностей субъектно-объектного сознания?” Теоретически это возможно, но вовсе не обязательно. Между субъектно-объектным миром и Нирваной, или Царством Божиим, существует сфера творчески порожденная, в которой обитает уникальное Сообщество Освобожденных Душ. Здесь Истинный Человек пребывает в Трансцендентном, и, тем не менее, он действует в субъектно-объектном смысле. Члены этого Сообщества отчасти работают ради всё еще спящего человечества, но даже если предположить, что этот труд Любви завершится, — а когда-нибудь это произойдет, — Они, тем не менее, будут продолжать работать, преследуя большую и более отдаленную цель. Это Великая Сфера подлинного творчества. Здесь обитает Иерархия подлинно проявленной жизни, которая простирается в своем величии с меньших уровней до форм Высочайшего Сознания, столь широко, что превосходит понимание даже величайших адептов.

По сравнению с чисто Освобожденным Состоянием этот вид Жизни в большей степени доступен воображению и оценке субъектно-объектного человека. Существует посвящение, при котором человек может сделать выбор между этой Жизнью и Чистым Освобождением. Жизнь такого рода сохраняет основные ценности субъектно-объектного сознания, хотя и коренится в Трансцендентном. Выше есть множество миров и множество возможностей, большинство из которых абсолютно непредставимы для человечества наших дней. Но Освобождение есть ключ к этим Мирам, и поэтому говорится, что Освобождение — не конец, а начало Подлинной Жизни. Освобождение — это Цель для единожды-рожденного субъектно-объектного человека, но после достижения этого Состояния он становится Дважды-рожденным и тогда сталкивается со взаимоисключающими возможностями, одна

из которых — продолжение Жизни, которая реальна в объективном смысле, хотя и кажется чем-то совсем иным в сравнении с жизнью в обычной субъектно-объектной сфере.

Здесь мы сделали шаг за обычное восточное понимание Нирманакайи. Нирманакайя — это Люди, которые достигли Нирваны или Царства Божия и отказались совсем “уйти в нее”. Они остаются воплощенными, хотя и в некотором слишком высоком для обычного понимания смысле. Подобный выбор обычно изображается как подлинное Отречение — следствие сострадания к оставшемуся позади человечеству. Но это лишь одна сторона вопроса. С другой стороны, отказ от Нирваны открывает путь к восходящей Иерархии Строителей Мира — Иерархии, которая восходит к звездам и системам звезд. В каком-то смысле это Жизнь и в Нирване, и вне Нее. Она коренится в Божественной Беспристрастности, Состоянии, которое является столь же проявленным, как и непроявленным.

65. ПРОЯВЛЕНИЕ БЕЗ ЗЛА

Любое действие в субъектно-объектном смысле предполагает двойственность или полярность, однако вовсе не обязательно, чтобы все возможные двойственности непременно проявлялись в каждом конкретно проявленном мире. Даже и в этом мире, прогрессируя в своем познании, мы обнаруживаем — а быть может, и создаем — новые двойственности, которые не проявлялись в прежних культурах. Весьма вероятно, что существует неограниченная возможность такого дуалистического выражения, так что другие миры могут иметь дуалистические формы, совершенно неведомые нам, а мы, в свою очередь, — формы, неведомые им. Это значит, что в настоящее время могут существовать или появиться миры, в которых двойственность добра и зла просто не существует. Говорят, что это так. Человек может оставить зло навсегда, продолжая активно действовать в объективном смысле. Это открывает некоторые интересные возможности и показывает, как возможна объективная жизнь, которая в то же самое время остается жизнью постоянного счастья.

66. ЕДИНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

То, что существует лишь один Элемент, становится абсолютно ясным, как только получаешь проблеск Сознания, которое я назвал Высокой Беспристрастностью. Дух, в принципе, неотделим от материи в каком бы то ни было смысле. Это просто истина, касающаяся субъекта и объекта, выраженная другими словами. В состоянии Высокой Беспристрастности Я осознаю Себя тождественным со всем пространством и всеми объектами, и поэтому нет, и не может быть никакого разделения между каким-то “Я” и какими-то “не-я”. Это равносильно утверждению, что есть лишь один Элемент, чего, однако, нельзя сказать о взаимоотношениях внутри скорлупы субъектно-объектного сознания. Ибо на этом уровне существует видимость субъекта как чего-то отличного от объекта, и подобным же образом дух и материя кажутся как бы разделенными, а не едиными. Таким образом, в некотором отношении дуализм Санкхьи обоснован, ибо в пределах этой скорлупы его действительно невозможно преодолеть. Не удивительно, что понятие единого Элемента сбивает с толку того, кто еще не вырвался за эту скорлупу, а также почему “дух” как будто требует ограничивающего определения типа: “Дух — это нечто иное, чем материя”. Неверно заявить, будто дух становится материей, и наоборот, в пределах субъектно-объектной множественности.

67. ПОТОК НЕИСЧИСЛИМЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Передо мной течет Великий поток неисчислимых измерений.
Это Высокая Беспристрастность Всего во всем.
Творящая, поддерживающая, истребляющая.
Абсолютная и вечная Полнота, Конец, Начало и Середина.
В этом Потоке сливаются водовороты, омуты и большие течения.
Это миры, звезды и системы, множественные, однако постоянные.
Среди них некоторые завихрения, крепко спаянные, кажутся отделенными.
В них сознание связано разделенностью и бедствиями.
Есть также этот мир бедных сирот, больной и утомительный;
Западня Мары, который, торжествуя некоторое время,
Заставляет нереальное казаться реальным, запутывая в сети.
Но настанет Время, и скорлупа треснет,
Растворится в вечных вращениях;
Скорбь станет Радостью, а Неведение обратится в Мудрость.

68. О ДОЛГЕ

17 сентября

Обычному эгоистическому человеку долг кажется в некотором смысле каким-то внешним принуждением. Это характер поведения, определяемый гражданским законом, религиозным авторитетом, социальным организмом, членом которого этот человек является, или же его собственным разумным решением. Побуждения, возникающие из различных аспектов человеческой природы, часто расходятся с требованиями такого долга. Результат — борьба в человеке между чем-то, что он зовет низшим, и чем-то иным, что он ощущает как высшее. Долг выступает как некая принудительная дисциплина и подразумевает большее или меньшее испытание. В общем, плодом честно исполненного долга является чувство, что “поступили хорошо”, которое обычно вполне вознаграждает за такое испытание. Но бесспорно, что стремление к свободе, присущее многим, приводит к своеволию в отношении требований долга, которые зачастую противоречивы, так что если человек поступает в искреннем согласии с каким-то данным обязательством, он в то же самое время нарушает другое, причем это может касаться даже тех обязательств, которые сам индивидуум признает бесспорно верными. Таким образом, нельзя сказать, что жизнь, направляемая долгом, непременно свободна от противоречий. Для Пробужденного Человека понятие “долга” претерпевает коренное изменение. Долг перестает или, точнее, все более перестает быть чем-то внешне налагаемым, даже в том смысле, в котором является “внешним” собственное теоретическое суждение о верном и неверном. На этом высшем уровне долг становится спонтанным побуждением, которое проистекает от Озаренного Сознания.

Так что здесь противоречие между долгом и побуждением исчезает. С точки зрения Озарения то, что хочется сделать, и есть то, что нужно делать. Как следствие этого Озаренный Человек, когда он действует или принимает решение в потоке Озарения, в сущности, стоит выше долга. Но это верно лишь до тех пор, пока мы придаем долгу значение чего-то налагаемого извне.

В некоторых случаях “долг” понимается в гораздо более широком смысле слова и служит, в сущности, переводом санскритского термина “Дхарма”. Но для этого термина адекватного английского эквивалента попросту не существует, хотя слово “долг” и передает какую-то часть его значения. Неадекватность такого перевода становится ясной в следующем примере. Будет совершенно правильно сказать: “Дхарма огня — жечь”. Но если мы заменим слово “Дхарма” словом “Долг”, и скажем: “Долг огня — жечь”, то результат будет совершенно ложным по отношению к первоначальному смыслу, который мы придаем слову “долг”. Аналогичным образом совершенно верно, что именно Дхарма Человека, Сознющего Бога, действовать в согласии с возникающим у него Божественным побуждением. Ясно, что Дхарма никоим образом не является внешним принуждением. Такой человек счастлив, действуя в согласии с Дхармой, и не иначе. Если теперь мы условимся придать слову “долг” в точности тот же смысл, что связан со словом “Дхарма”, тогда остается верным, что человек Озаренный не преступает долг. Просто в этом случае долг перестает означать какое-то внешнее принуждение.

Проблема, связанная со словом “долг”, — скорее психологическая и эмоциональная, чем рациональная. В плане интеллекта мы можем сказать: “Пусть слово “долг” имеет значение “дхармы”, а затем пользоваться им в этом измененном смысле. Я так и поступал какое-то время, и не находил никаких трудностей в понятии долга. Единственной трудностью было определить — что же именно является долгом в данном случае, в данной сложной ситуации, где разные правила действия вступают в противоречие. Когда возникала какая-то ясная определенность, я всегда чувствовал себя счастливым, но такое случалось довольно-таки редко. Однако я нахожу, что многие не в состоянии преодолеть определенный негативный эмоциональный комплекс, связанный со словом “долг”. Так что я предлагаю перенести в наш язык термин “Дхарма”, так же, как мы уже усвоили много латинских и греческих слов, и пользоваться им для передачи смысла, для которого слово “долг” является по общему признанию неадекватным. От электрона до какого-нибудь бога нет творения вне Дхармы, но существует уровень, где долг оказывается превзойденным с точки зрения обычного понимания.

Было бы заблуждением полагать, что Дхарма даже человека с Божественным Сознанием лишена проблем. Как у человека Божественного Сознания, его побуждение является его Дхармой, и таким образом нет никакого эмоционального конфликта. Но совсем другое дело — что значит эта Дхарма в практическом действии? Не существует абсолютных решений относительных проблем вне математики. Высшее Сознание надежно на своем собственном уровне; оно способствует необычайному прояснению проблем на субъектно-объектном уровне; оно также всегда склонно влиять на благо всему; но во все дела, связанные с человеческими существами, входят неизвестные величины, даже с точки зрения высоких Адептов. В результате Озарение ни в коей мере не подразумевает безошибочного действия в субъектно-объектной сфере. Так что всегда остается практическая проблема, которую мы можем выразить в форме вопроса: “Какой способ действия лучше всего отражает внутренние признаки Дхармы?” Естественно, для решения этой проблемы человек Озаренный, который в дополнение к своему Озарению имеет глубокое и разумное понимание этики, также и наилучшим образом оснащен для того, чтобы проявить в форме мудрого действия свое высокое намерение.

Не следует забывать еще один важный момент, что едва ли, если вообще возможно, чтобы личность человека Божественного Сознания во всякое время воплощала полный Свет Высокого Сознания. Обычно такой период непродолжителен, иной раз это всего лишь миг, и во многих случаях случается лишь раз в жизни. Большую же часть времени даже у людей, которые узнали Озарение высокого порядка, сознание более или менее погружается в субъектно-объектную сферу с соответствующим помрачением понимания. Побуждения меньшего порядка, которые коренятся в субъектно-объектном человеке, не преобразуются мгновенно, хотя и очищаются с течением времени. Поэтому остается

практическая необходимость в различении всего комплекса возникающих импульсов. Тот, у кого был хотя бы миг Озарения, располагает определенным Критерием для такого различения, и это дает ему решительное преимущество перед другими. Тем не менее, и Он не преодолел необходимости различения в практическом действии.

69. ФИЛОСОФСКИЕ ПРИМИРЕНИЯ

Одна из наиболее поразительных перемен в моем сознании — необычайно возросшая толерантность в отношении идей, которые обычно кажутся абсолютно несовместимыми. Ныне я вижу значительную долю истины во всех известных мне философских позициях, разве что за исключением наивного натурализма. И в то же время мне не кажется, что хоть одна из философий сумела сказать последнее слово. Если перевести Познание в слова, то получится, что оно принимает форму в основном идеалистическую: взгляд на целое, отдающий первенство Сознанию. Я не знаю ни одного сообщения с уровня Мистического Сознания, которое не согласуется с этой точкой зрения, так что, в общем и целом, мистицизм бросает вызов всем материалистическим школам в онтологическом смысле. В то же время нельзя отрицать, что даже материалистическая точка зрения отличается определенной относительной ценностью.

Но в этой идеалистической группе мое собственное спонтанное выражение гораздо более согласуется с рациональным монизмом, нежели с дуалистическими и волюнтаристскими системами идеализма. В плане выражения больше нет согласия между теми, кто достиг мистического откровения, хотя преобладающее выражение в некотором смысле тяготеет к монизму. Дело в том, что форма, которую принимает реализация в субъектно-объектном мире, обусловлена склонностями индивидуального человека, которые существовали до момента этого свершения. Познание добавляет нечто общее во всех случаях, но поскольку никакая индивидуальная личность не является сама по себе универсальной, всякое выражение в лучшем случае есть лишь некая грань, отражающая истину сколь возможно приближенно. Было бы только разумным признать этот факт, и тогда быть верным себе, как в личном, так и в Высшем смысле.

Как человек, который по своему темпераменту и естественным склонностям близок к рациональному (объективному) идеализму, я неминуемо должен был в прошлом вступить в конфликт с основными тезисами прагматистов, которые, прежде всего, оспаривали обоснованность именно объективного идеализма. Вильям Джеймс, в качестве одного из первых постулатов прагматизма, дает следующий принцип: “Нет расхождения в истине, которое не давало бы расхождения в факте где-либо”. Этим критерием то и дело пользовались для оспаривания точки зрения рационального идеализма. Я смею утверждать, что мое собственное Познание является случаем, который опровергает этот принцип. Я поднялся до момента Перехода в рамках рационального идеализма, а критический шаг зависел от изолирования чисто апперцептивного аспекта сознания. Таким образом, Истина, как она понимается рациональным идеализмом монистического типа, вызвала для меня “расхождение в факте”. Это “Расхождение в факте” — какое-то новое отношение к субъектно-объектному сознанию и состояние гораздо более значительного мира и счастья, чем я знал прежде. Но причина была не в каком-то опыте, а в достижении “Знания Путем Тождества”, которое, как я уже отметил, не является ни опытом, ни формальным знанием, но знанием третьего рода.

Из вышеизложенного как бы следует частичное примирение. Прагматисты правы, утверждая, что формального знания недостаточно для определения действительной или конечной Истины, но они ошибаются, утверждая, что такая Истина или знание ее, должны зависеть от опыта. С другой стороны, рациональные идеалисты правы, утверждая, что действительная истина должна быть

абсолютна и, следовательно, не может быть извлечена из опыта, который непременно будет конечным. Но они ошибаются, поскольку заявляют о возможности установить эту Истину одной лишь формальной демонстрацией. Действительное установление этой Истины требует “Знания путем Тождества”, т. е. прямого Познания на Уровне Бесконечности, которое ни в коей мере не достигается никаким расширением одного лишь опыта.

70. ПОЗНАНИЕ — АКТ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

Я не устану подчеркивать тот факт, что Познание не является результатом простого развития или расширения в субъектно-объектной сфере. Это — акт Трансцендирования, благодаря которому человек Пробуждается, чтобы обнаружить, что вместо того, чтобы быть конечным, он — Бесконечная Сущность, всегда был таковым и всегда будет. На время его сознание было помрачено и казалось, будто он конечное существо, но однажды конечный мир рухнул в принципиальном смысле. В принципе, он может Пробудиться, невзирая на то, был ли его опыт в конечном мире велик или мал, и был ли он высоко или несовершенно развит в субъектно-объектном смысле. Как правило, определенное превосходство в индивидуальном развитии является предварительным условием успеха. Но это так лишь потому, что оно дает силу для сопротивления гипнотическому влиянию субъектно-объектной сферы. Однако это правило не является неизменным. Несомненно, Пробужденный Человек с высшим индивидуальным развитием после Перехода может дать своим товарищам, которые остаются связанными в пределах относительного мира, гораздо больше, чем это возможно для человека с меньшими способностями. Но все это относится к выражению, а не к принципиальной природе Познания как такового.

Пробуждение с точки зрения относительного означает “рождение”, а рождение есть “умирание” для предшествующего состояния. Бесплезно уворачиваться от этого факта. Это просто издревле выраженный и вновь формулируемый закон: “я” материи и “Я” Духа не могут сойтись. Я уже объяснил, как Дважды-рожденный умирает для обычной жизни, и, тем не менее, продолжает действовать через форму воплощенного сознания совсем в ином смысле, чем до Перехода. Так вот, предварительное условие для Пробуждения к тому — умереть для этого в мистическом смысле. Это — разумное основание подлинного аскетизма. Аскетизм может быть сознательной и добровольной дисциплиной, или же его ценность можно извлечь из приятия с покорностью того, что приносит жизнь. Но для того, чтобы как то, так и другое было действенным, должно быть обращение к Высшей жизни, иными словами — Устремленность. Далее, после того, как аскетическая дисциплина сыграла свою роль и новое Рождение свершилось, старые правила уже перестают быть уместными. Новая Жизнь Свободна, и путь действия в субъектно-объектном мире избирается самим Собой.

* * *

Примечание: Мое внимание привлекло то, что идея предварительной смерти, предшествующей второму рождению, многими понимается неверно, а для многих является чем-то отталкивающим. Быть может, эту идею можно пояснить, отметив, что мистическая смерть — это умирание для того, что уже и так является состоянием смерти с метафизической или вечной точки зрения. Это как раз тот случай, когда второе отрицание дает утверждение, позитив. Мистическая смерть не является ни смертью тела, ни разрушением какого-либо принципа или функции в составе человеческого сознания, хотя именно после нее и начинается все большее одухотворение этих принципов. В некотором смысле это смерть для привязанности к материи или к миру как объекту. В более глубоком смысле это смерть личного эгоизма. Совершенно бесполезно к этому придирааться, ибо мы имеем дело с законом Высшей Природы, который проявляется, по меньшей мере, со времен Гаутамы

Будды. Какая-либо маскировка этого закона в качестве уступки психологическим предубеждениям не меняет факта его подлинности. Если человек намерен стать сознательно бессмертным, он должен умереть для всего, что смертно. Плодом этого будет постоянная Радость и Жизнь Вечная.

71. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

С течением времени происходит перестройка и закрепление жизни вокруг нового центра. Трепет Пробуждения, которое вначале так сильно влияет на личное сознание, постепенно становится тонким равновесием на уровне глубочайшей уверенности.

Не могу сказать, что я испытываю сожаление о прежней жизни. Как будто ничто не удерживает меня от погружения в любую фазу прежнего опыта, если бы я пожелал это сделать или нашел нужным, но я не чувствую никакого особого стремления к внешней деятельности или каким-то творческим свершениям. Не то чтобы я больше не испытываю радости от общения с природой, просто польза такого общения кажется мне уже не столь важной. И все же я охотно приемлю ласку диких мест, когда предоставляется случай. Итак, внешние интересы в целом утихомирились в присутствии нового и всеобъемлющего интереса.

Никогда я не ставил себе никаких искусственных запретов, но большинство обычных занятий, в которых люди вообще находят удовольствие, либо никогда не привлекали меня, либо давно перестали привлекать.

Может быть, даже целесообразным было бы придумать какое-нибудь развлечение, в котором могла бы участвовать физическая личность, но она вроде бы на этом и настаивает. Дело в том, что личность разделяет Высшее Сознание, а не является какой-то жертвой.

Смысл жертвы относится только к предшествующим этапам; потом есть лишь Радость, в которой принимает участие вся наша природа. Конечно, и тут более значительной цели должно отдаваться предпочтение перед меньшими интересами, но внутренняя гармония столь велика, что в таком выборе нет никакого конфликта.

Помимо общения с близкими мне людьми у меня как всегда богатое общение с Теми, кто воплотил себя в книгах, только со временем я все острее чувствую Их живое Присутствие. Более того, имеется осязаемое внутреннее Общение, и это нечто очень ценное. Если в настоящее время я и разделяю некую объективную ответственность, то выбираю ее свободно и, следовательно, поступаю именно так, как хочу. Наконец, я знаю, что если даже в течение какого-то времени и возвращаюсь в ограниченной сфере внешнего мира, то все же Высокая Беспристрастность недалеко. Фактически, Она присутствует всюду и во всякое время.

Всегда есть определенный интригующий момент нового открытия, которое, быть может, ожидает меня прямо за углом. Даже То, что я уже Знаю в смысле Глубокой Абстракции, вновь со временем приходит ко мне в виде конкретного открытия, иногда облекаясь в форму непосредственно во время письма. Я узнаю Его также в словах людей, достигших Познания, которые открывают мне еще и новые грани Меня, несвойственные моему личному сознанию. Эта жизнь приносит огромное удовлетворение, братья мои, и оно бесконечно больше всего, что только может предложить жизнь, ограниченная "скорлупой". Если внешняя форма жизни, которую выбрал я, и не свойственна Вам,

читатель, то воздержитесь от мысли, что Вам следует переменить свою жизнь на мой лад. Вспомните, что Уолт Уитмен жил совсем иначе, чем Джон Джипе, но оба они были Людьми Высокого Познания, и оба испытывали глубокое счастье. Жизнь совершенно свободна в глубинах своих, и Свобода эта в удивительной степени отражается во внешней жизни.

72. ПРОБЛЕМА ПРАВЛЕНИЯ

18 сентября

В наши дни, когда столь распространена “ликвидация” старых форм правления и замена их новыми — крайней нетерпимости и жестокости, тот, кто интересуется человеческим благополучием, едва ли может быть равнодушен к проблеме правления. Совершенно ясно, что до сих пор все наши попытки управлять в большом масштабе не увенчались успехом. Иначе не было бы так много перемен и такой потребности в переменах.

Для того, чтобы правление было успешным, в социальной структуре необходимо в высокой степени сохранить три принципа: Свободу, Справедливость и Действенность. (Я не упоминаю среди них Порядок, ибо кажется, что порядок сам по себе является скорее средством, нежели целью. Ясно, что порядок важен для наилучшего осуществления свободы, справедливости и действенности, и, следовательно, он важен в прагматическом смысле). Далее, ни одна из форм правления, которую мы испытали до сих пор, не давала устойчивого успеха во всех трех отношениях. Власть царей и аристократии иногда действовала вполне сносно, но и в современной, и в древней истории мы ясно видели, как неудачна бывает эта форма, когда происходит упадок нравов и снижается компетенция правящих классов.

При определенных условиях демократия действует довольно удовлетворительно. Эти условия как будто таковы:

1. Чтобы единица правления не была столь велика, чтобы быть выше подлинного понимания среднего избирателя.
2. Чтобы разум и чувство ответственности в делах правления у среднего избирателя были значительно выше, чем это бывает обычно.
3. Чтобы проблемы правления были достаточно просты.

У современных огромных наций с их крайне сложной цивилизацией, и особенно в странах с многонациональным населением, эти условия далеки от осуществления. Признаки развала демократической формы, связанной со всеобщим избирательным правом, ныне очевидны до болезненности. Демократия стала в опасной степени неэффективной, и таким образом форма эта замещается во все большей степени диктаторскими формами власти, при которых эффективность в некоторых направлениях достигается ценой радикальной потери свободы и справедливости.

Ясно, что даже великолепная конституция не является гарантией хорошего правления. Ибо правительство становится тем, чем его делает правящий класс, в некоторых пределах обусловленный темпераментом и характером управляемого народа. В управлении таким государством, как США, этим правящим классом в действительности является вовсе не народ, как это предполагается в теории. Практически это класс профессиональных политиков, которые в свою очередь назначаются, поддерживаются, а иной раз и контролируются другим классом, главная сила которого — экономическая. Ныне профессиональные политики — это типичные представители человечества,

которые могут располагать голосами средних избирателей. Обычно это люди, которые явно стоят на низком интеллектуальном и моральном уровне, хотя и бывают некоторые блестящие исключения. И в результате, хотя управление Америкой основывается на восхитительно задуманной форме, ныне оно проявляет признаки серьезной болезни, которая может быть фатальной. Если бы можно было найти подходящих людей в достаточном количестве на авторитетные и существенные посты, этого бы не произошло. Но поскольку разумность и моральный уровень среднего избирателя остается тем, что он есть, а общий знаменатель в целом становится еще более низким, чрезвычайно трудно надеяться на то, что посты эти когда-либо будут заняты достаточным числом людей с необходимыми способностями и характером. У нас нет недостатка в людях с такими качествами, но по большей части они не являются популярными или известными среднему избирателю. Отсюда их услуги, когда они доступны целям правления, гораздо чаще соответствуют постам, замещаемым по назначению, чем по выборам. Но окончательные решения в вопросах политики остаются за теми, кто обладает реальной властью.

Вполне возможно, что беспристрастное изучение истории американского правления покажет, что назначение и контроль над политиками со стороны сильных мира сего, которые держат в руках экономическую власть, было, скорее, фактором, служащим целям стабильности и прочности в правлении, а не наоборот. Подобное положение объясняется двумя следующими факторами. Во-первых, единственно важной сферой на американской арене действия, где могли найти применение своим способностям люди с административным талантом, был бизнес и мир финансов. В целом в Америке больше людей в сфере бизнеса, которые проявляют умение в управлении государством в подлинном смысле слова, чем на политической арене. Во-вторых, экономические запросы в итоге требуют от людей, удерживающих экономическую власть, развития особого рода мышления, в какой-то мере свойственного инженерам и ученым. Это — вид мышления, основанный больше на фактах в объективном смысле, чем на каких-то психологических предубеждениях. Типичное же влияние политиков, напротив, психологическое, и таким образом можно сказать, что в целом они извлекают выгоду из предубеждений, предрассудков, и т. п. как инструментов обращения к народу. Нередко они приобретают голоса, обещая нечто противное законам физики, и уже один факт, что они решаются выставлять подобные неосуществимые обещания, обнаруживает у них опасный дефект характера. В результате то, что вполне могло оказаться ограничивающим влиянием со стороны бизнесменов и специалистов высокого уровня, оказалось в целом самым полезным влиянием на практическое американское правление.

Кажется, достаточно ясно показано, что высокое качество системы — гораздо менее важный фактор в хорошем управлении, чем наличие мудрых людей на постах власти. Настоящая проблема правления — это не проблема механическая, но проблема мудрости. Таким образом, действенный ключ к разрешению всеобщего хаотического состояния мира сегодня — найти людей достаточно мудрых, и дать им власть. Это попросту означает, что суть проблемы здравого правления заключается в том, чтобы найти и поставить мудрых в центре влияния. Истинный Мудрец — это Человек Познания и, следовательно, тот, кто превзошел соблазны, которые может предложить ему мир. (Мы вовсе не полагаем, будто все Мудрецы непременно мудры в специфической сфере управления. Бывает мудрость разного рода, и едва ли какой-то один индивидуум достигает полноты мудрости во всех отношениях в одном воплощении. Мудрецы, пригодные для правления — это те, кто раскрыл здравый смысл для искусства правления в особой степени). В то же время они приносят в проблемы мира более чем мирскую мудрость. Есть Мудрецы, которые, подобно Будде, отличаются точным пониманием правления. Человечество должно обеспечить лидерство таким людям. Но человечество должно призвать Их и признать их авторитет, когда они ответят.

А тем временем я не вижу никакой реальной надежды в сфере правления. Могут быть лишь кратковременные облегчения, но не исцеление от основной болезни. Может статься, что состояние

будет все ухудшаться и, что массы попытаются — чего не было прежде — добиться решения проблем, которые безнадежно выше их понимания и что когда они потерпят полную неудачу, как и должно быть, и попадут в невероятную ловушку своего собственного построения, тогда в истинном смирении они воззовут к помощи Тех, кто только и может оказать эту помощь. В тот день, но не ранее, проблема правления может быть решена. Ибо бесспорно, что проблема практического правления слишком сложна для одного лишь субъектно-объектного сознания, как бы высоко оно ни было развито. Перспектива более высокого Сознания является абсолютной необходимостью.

73. СОСТРАДАНИЕ

21 сентября

О Сострадание!

Ты больше, чем высшая любовь человеческая;
меньше, чем Высокая Беспристрастность.

Ты спокойно зриаешь и ожидаешь: годы, века, тысячелетия.

Принимаешь на себя страдание всего и преобразуешь в радость.

Обуздываешь Мрак Светом, а зло — добром.

Отказываешься от покоя, пока другие связаны; смягчаешь разногласия.

Приемлешь нечистоту, даешь чистоту.

Не связано Ты ни с каким законом, но покорно сносишь связанность.

Ты доступно для всех, как свет солнца, но не принуждаешь никого против воли.

Ни в чем не нуждаешься для себя, хотя и удовлетворяешь все нужды.

Ты — основание всякой надежды столь низкого человечества нашего.

Чистое божественное сияние.

Сладостно. Ты, несказанно сладостно, расплавляешь во мне всю жестокость.

Ты заставляешь принимать низкое за высокое, злое за доброе,

слабое за сильное, нечистое за чистое, оскорбительное за чуткое, никого не оставляешь.

Ты пробуждаешь новое разумение и терпение сверх всякого времени.

Вызывает забвение мелкого в величественном размахе великодушия.

Ты выравниваешь отношение, но возвышаешь истинно ценное.

Ты выше всех противоречий. Тебя воспеваю я, славный Дух;

величайший из богов, кого только может знать человечество.

74. СИМВОЛ БАБОЧКИ

25 сентября

Жизненный цикл от яйца через гусеницу и от куколки к бабочке представляет один из лучших символов, даруемых природой в связи с развитием человеческой души от рождения в этом мире, а затем, через раскрытие субъектно-объектного сознания, до кульминационного Перехода к Трансцендентному Сознанию посредством Второго Рождения. Поскольку наш интерес сосредоточен на Втором Рождении, то в первую очередь мы коснемся перехода от гусеницы к бабочке, а не рождения куколки. Гусеница олицетворяет собой жизнь на уровне субъектно-объектного сознания, жизнь, коренящуюся в эгоизме. Бабочка символизирует Космическое или Трансцендентное

Сознание, тогда как куколка — хороший символ “испытания” перехода, известного в христианском мире как Страсти, достигающие своего предела в Распятии.

Жизнь гусеницы связана с ползанием по поверхности и, можно сказать, представляет нечто вроде двумерного сознания. Первая забота такой жизни — питание, и это осознание ничего не в состоянии постичь иначе, как на языке грубой утилитарности. Следовательно, типичная философия гусеницы, если предположить на миг у гусеницы самосознание, достаточное для развития философии, должна быть такой, которая утверждала бы реальность и ценность лишь того, что воздействует на ощущения, особенно в связи с питанием. Таким образом, идеи имели бы значение лишь постольку, поскольку они служат средством, которое способствует более полной чувственной жизни и снабжают эту тварь питанием.

Напротив, в жизнь бабочки входит свободный полет по воздуху, и потому она вполне символизирует трехмерное сознание в противоположность двумерной жизни гусеницы. Первая забота в жизни бабочки — это воспроизведение потомства, а питание сведено к явно подчиненному положению. Более того, типичное питание бабочки связано с нектаром, так что оно в корне противоречит грубой пище гусеницы. Можно сказать, что жизнь и философия бабочки сосредоточены вокруг творчества и радости, и таким образом самоцелью является красота вместо грубой утилитарности. Следовательно, реальное и ценное для бабочки имеет не только совсем иной смысл, чем для гусеницы, но смысл этот и вовсе выше понимания последней.

Куколка представляет этап, когда гусеница умирает как гусеница. Для сознания гусеницы это должно казаться уничтожением или “угасанием”, как и Нирвана — неозаренному субъектно-объектному сознанию. Но если взглянуть как бы с другой стороны, куколка — это открытая дверь к вольной жизни бабочки.

Сознание бабочки имеет некоторые очень важные преимущества. Бабочка в сравнении с гусеницей вращается в мире бесконечно более широкого понимания. Она обитает в пространстве, не утрачивая способности вернуться к поверхностям. Так что она вполне в состоянии понять поверхностные отношения, всю сферу гусеницы, но знает еще и бесконечно более богатый мир, который совершенно неведом гусенице. Далее, она знает поверхность в связи с глубиной и, таким образом, может справиться с проблемами, связанными с поверхностью, далеко превосходящими возможности гусеницы.

Символ этот особенно красив. Ограничения жизни гусеницы очень хорошо представляют ограничения субъектно-объектного сознания. С перспективы субъектно-объектного сознания конечные проблемы философии остаются без всякого удовлетворения и часто заключают в себе непримиримые противоречия. Эти решения достигаются и противоречия примиряются теми, кто пробудился к Трансцендентным Уровням, ибо Они обладают большим кругозором, символизируемым бабочкой, и могут охватить субъектно-объектный или поверхностный мир в высшем единстве пространства, представленного здесь Высшим Сознанием. Но точно так же, как мир бабочки непостижим для гусеницы, так и это единство (интеграция) Человека Божественного Сознания бессмысленно для тех, кто не имеет проблеска Реальности более высокой, чем субъектно-объектная сфера. Так, без определенной степени Познания философия таких Людей, как Платон и Гегель, кажется чем-то чисто абстрактным и нереальным. Эти, по общему признанию, высшие философии большей частью не

интересуются созданием одних лишь чувственных и опытных ценностей и определенно уделяют весьма подчиненное место питанию и удобствам, в каком бы то ни было смысле. Но когда эти философии рассматриваются с того уровня Сознания, на котором они были созданы, оказывается, что

они самым настоящим образом имеют дело с субстанциальными реальностями. Они написаны с точки зрения подлинного Бодрствующего Сознания.

Философии типа неореализма, прагматизма и натурализма задуманы с точки зрения поверхностного сознания, символизируемого гусеницей. По крайней мере, эта последняя форма сознания преобладает. Если мы теперь ограничим себя субъектно-объектной точкой зрения или точкой зрения гусеницы, то сторонники этих философий будут отличаться лучшими аргументами. По существу же они понимают лишь индуктивную или “ползучую” логику гусеницы. Их окончательное авторитетное основание — это либо показатели органов чувств, либо данные, извлеченные непосредственно путем ощущений. Их окончательный тезис — реально лишь то, что объективно. На их собственной почве они, очевидно, неопровержимы, но всякий, кто Пробудился к “Знанию Путем тождества”, сразу видит, что они в ложном положении. Платон знает, вне всякого сомнения, что он прав в принципе, но он вполне может не быть в состоянии сделать что-либо большее для сознания типа гусеницы, чем намекнуть на Реальность выше уровня гусеницы. В результате логическое противоречие между этими двумя крупными школами философии в значительной степени является тратой времени, поскольку нет, и не может быть никакого согласия по основным понятиям. Со своей точки зрения каждый может считать свою позицию удовлетворительной, но в этом есть что-то вроде борьбы с собственной тенью и мало что дает в отношении убеждения противника. Пробужденный знает неадекватность понимания гусеницы, но он не может доказать этого человеку типа гусеницы. С другой стороны, последний не может охватить понимание Пробужденного, если сам не пробудится, и в результате — тупик, если человек-гусеница не имеет каких-то смутных представлений о Высшем.

Из всех людей, которые ограничены в своем сознании субъектно-объектной множественностью, те, кто видят первую проблему человечества в экономике, наиболее привязаны к уровню гусеницы. Жизнь для них сосредоточена на грубом питании и удобствах, а это как раз и есть главная характеристика настоящей гусеницы. Это ничтожно ограниченная точка зрения. Одно лишь увеличение питания может дать только более крупных гусениц. Оно ни в коем случае не сможет разрешить первопричину человеческих несчастий. Ибо человек, для того, чтобы узнать вечную Радость, должен преобразиться так, чтобы вступить в вольную жизнь, символизируемую бабочкой. Несомненно, некоторым человеческим гусеницам нужно стать пожирней, прежде чем они будут готовы вступить в стадию куколки и пройти через нее, но многие уже сейчас готовы для этого Перехода и лишь теряют время, превращаясь в переросших гусениц. Если последние думают, будто они служат человечеству, продолжая следовать своему теперешнему пути, они только обманывают себя. Когда они Пробудятся, и только тогда, смогут они компетентно служить человечеству, даже относительно проблем обобществления и экономической организации.

Первоначальный смысл куколки состоит в том, что вступить в свободное состояние жизни в пространстве возможно лишь через умирание к уровню гусеницы. Развитие лишь на уровне гусеницы производит гусениц больше и жирнее. Приходит время, когда человек должен отвратиться от всей формы жизни, символизируемой субъектно-объектным сознанием, если не хочет попасть в тупик напрасного и бесплодного существования. Конечно, с точки зрения низшего уровня это включает в себя на какой-то непродолжительный период времени необходимый аскетизм в той или иной форме. Но цель бесконечно богаче всего, что содержится в прежней жизни. Да и вообще — это все что угодно, кроме аскетизма. Привязанность к меньшим ценностям служит барьером к пониманию больших ценностей. Это хорошо знакомый принцип даже в пределах обыкновенной жизни. Он еще более применим в отношении достижения Высших ценностей. Тем не менее, многие человеческие существа привязываются к ценностям, которые сравнительно не более чем детские игрушки, и таким образом отказываются сделать шаг, который открывает Жизнь Прекрасную, Свободную, Могучую. Разве это не самое большое безумие?

75. ОБ АСКЕТИЗМЕ

1 октября

На протяжении всей истории религии аскетизм играл весьма важную роль и как предписанная дисциплина, и как добровольно принятая практика. Несколько причин кроется в основании подобной практики, и почти все они обсуждены Вильямом Джеймсом в его книге “Многообразие религиозного опыта”. Однако я должен добавить по этому поводу некоторые соображения, возникшие из моего личного опыта и размышления.

Я убежден, что для большинства, а может быть и для всех, некоторая степень аскетической практики необходима, если индивидуум намерен достичь своих высших возможностей. Но хотя это особенно верно в отношении уготовления Пути к Пробуждению, тем не менее, тот же принцип применим и в более прагматическом смысле; развитие способностей в любой сфере достигается лишь ценой соответствующих усилий, что неизбежно предполагает подавление рассеянной деятельности. Наряду с основным интересом в любое данное время большинство людей чувствует в себе противоположные интересы и желания, и если последним уступить, то первый будет принесен в жертву. Вот достаточное основание принципиально аскетической практики, которая может в крайних своих проявлениях отличаться всей ценностью “умерщвления плоти” в некоторых религиозных дисциплинах. Человек может пойти на это ради достижения успеха в науке, искусстве, бизнесе и т. п., точно так же, как и для целей, обычно классифицируемых как религиозные. Если основной интерес настолько всеобъемлющ, что вряд ли остаются какие-то противоречивые желания, вполне может быть, что на практике возникнут лишь незначительные неудобства. С другой стороны, важные конкурирующие интересы могут вызвать дисциплину, являющуюся настоящим тяжким испытанием. Но достижение мастерства в любой области, во всяком случае, требует подобной же дисциплины. В вышеприведенном примере аскетизма не существует вопроса принципиальной греховности плотской природы. Фактически, разумное объяснение аскетизма можно дать абсолютно независимо от вопроса греха. Греху отводилось слишком важное место в религиозных мысли и чувстве. Грех как он есть является большей частью случайным и результатом Неведения и, таким образом, в принципе есть заблуждение, а не действительность. Греху уделяется внимание, основанное на идее, будто он достаточно значителен, чтобы быть стоящим объектом войны. Вследствие этого он действительно наделяется жизнью и силой. Мы никогда не уничтожим чего-то, сражаясь против этого. Силу, с которой мы боролись, можно временно подавить, потому что в данное время мы располагаем большей силой. Но верно и то, что мы победили ценой определенного утомления, а тем временем противоположная сила восстанавливается в значительной степени от той же силы, которую мы израсходовали. Когда-нибудь она снова обрушится на нас, и в минуту слабости может нас одолеть. Никто не избежит действия этого закона тем лишь, что умрет физически прежде этой отдачи. Где-то он будет жить снова, и в следующей жизни может оказаться столь же солидарным со злом, как в предыдущей жизни мнил себя солидарным с добром.

Несомненно, сильную плотскую натуру следует обуздывать, а тем, кто не отличается достаточным равновесием мудрости, возможно, на время понадобится чрезвычайное усилие в обуздании. Но гораздо лучше рассматривать такую дисциплину разумно — просто как форму воспитания. Проблема в значительной степени упрощается, если человек, вместо того, чтобы занять позицию борьбы или подавления, примется преобразовывать энергию плоти. Любая форма энергии, какой бы злой она ни казалась, имеет свою высшую форму или аспект, в который ее можно преобразовать. Если усилие сосредоточить на этом преобразовании, то энергия высвобождается и становится положительной силой, и сделать это сравнительно легко.

Но после всего сказанного и сделанного аскетизм, связанный с плотской природой, принадлежит всего лишь к этапу детского сада в воспитании человека к Более Высокой Жизни. Более высокий и подлинно зрелый аскетизм — совсем иной. Так, когда человек научается быть непривязанным к своим излюбленным мнениям или идеям и готов принять заключения, прямо противоположные его предпочтениям, если очевидность или логика указывают этот путь, тогда он практикует аскетизм в более высоком и благородном смысле. Аскетизм такого рода проникает гораздо глубже в самую суть человека, чем любое обуздание, связанное с одной лишь плотской природой, и если человек сумеет преуспеть в этой высшей дисциплине, тогда все, оставшееся в низшей природе, требующее очищения — всего лишь деталь. В этой высшей дисциплине воля развивается так сильно, что плотская природа контролируется сравнительно легко, если прилагается соответствующее усилие.

Я свел бы всю проблему аскетизма к следующей простой формуле: **пусть человек сосредоточит свои усилия на том, чего он больше всего желает, и ограничит или преобразует несовместимые желания.** То, чего человек больше всего желает, может меняться с ростом в сторону зрелости. Тогда одним из значений этой формулировки будет — прекратить движение в направлении прежнего желания, когда его место занимает новое и более сильное желание. Конечно, нужно проводить различие между постоянным новым желанием и временным проникновением какого-то низшего желания. Правило это следует применять лишь как указано в предыдущем примере. Если постоянно следовать этому пути, он, в конце концов, приведет данного индивидуума к высшему благу, и рано или поздно это будет означать Пробужденное Сознание. Преимущество этой формы дисциплины заключается в том, что главный акцент делается на приобретении позитивной ценности, а не на негативном и препятствующем качестве. Это делает жизнь счастливее, что, в свою очередь, вызывает больше сил, а значит — успех приходит скорее, по крайней мере — как правило. Конечно, такая стратегия вполне может заключать в себе одну или больше радикальных перемен в жизни. Так, человек начинает свою зрелую жизнь с желанием достигнуть успеха в бизнесе, но после того, как он частично преуспел в этом, может оказаться, что на место этого желания пришло какое-то иное, большее. В таком случае он может отказаться от большого успеха в бизнесе, оставшись удовлетворенным лишь умеренным достижением в этой области, и направить основной фокус своей энергии в другую сторону. И хотя это повлечет за собой меньше успеха в этой узкой области, вся жизнь индивидуума будет успешнее в более широком смысле. Такой человек избежал бы трагедии столь многих бизнесменов в отставке, которые, оставив свое дело, оказываются совершенно беспомощными в бессмысленной и пустой жизни. С точки зрения Пробужденного Сознания вся жизнь здесь внизу имеет ценность лишь в смысле воспитания для Высшей Жизни, и решение относительно того, что составляет успех в субъектно-объектной сфере, принимается на совершенно ином основании, чем обычный мирской стандарт. Все здесь внизу есть инструмент, и только инструмент. Так, жизнь, заключающая в себе много, но частных успехов в субъектно-объектной сфере, может поистине дать больше прогресса в направлении Пробуждения, чем жизнь, чрезвычайно успешная в одной ограниченной области. С Высшей точки зрения эту низшую жизнь можно рассматривать так, как смотрит учитель музыки на своего ученика. Хотя учитель и содержит в уме некий совершенный образец, но на занятиях время почти всецело уделяется фрагментам, таким как: техническая передача фразы, отыскание качества звука и т. п. Наша жизнь здесь и есть такая музыкальная школа, и только так. Концертный же этап — это Космическое Сознание.

Когда человек пробудился к Высшему Сознанию, он может принять решение, которое требует высшей аскетической практики. Он знает окончательное превосходство Высшей Жизни в любом смысле, и если бы он считался только с собой, он, естественно, предпочел бы исключительно эту Высшую Жизнь. Но, считаясь с нуждами других, он может отказаться от этого и принять жизнь в миру, хотя в то же время это будет жизнь Не от мира сего. Согласно одной стороне своей работы он сможет довольно свободно возвращаться в сфере ощущений, чувств и т. д., и может показаться поверхностному наблюдателю даже потворствующим своим желаниям, хотя он все время будет

осуществлять аскетизм в самом суровом смысле уже тем, что живет подобным образом. Для него больше не стоит вопрос противления плотским искушениям, ибо Знание Высшей Радости вообще развенчало все это в прах. Он просто терпит то, что плотский человек воображает наслаждением.

С моей теперешней точки зрения вся проблема аскетизма кажется мне лишь проблемой разумного решения и мудрости. Она совершенно не связана с чем-то эмоционально неприятным, что обычно соединяют с нею. Это просто здравый смысл — выбрать большую ценность при любом конфликте ценностей. Зачем же считать это поводом к серьезным эмоциональным переживаниям?

76. БЕДНОСТЬ И ПОСЛУШАНИЕ

2 октября

Когда я читаю описания монастырских предписаний, мне все чаще кажется, что в таком образе жизни больше несоответствия, чем превосходства. Несомненно, что для некоторых особых натур наилучшие результаты достигаются в условиях монашеской жизни, а не в суматохе мирского существования. Так, ученый, в общем, может работать более эффективно, используя преимущества монашеской изоляции. Монастыри в мрачную эпоху средневековья были прибежищем образования. Ныне такую службу весьма полно осуществляют университеты, сохраняя в то же время некоторые из более важных достоинств монастырской жизни. Одним из достоинств монастыря в этом Высшем смысле является требование, чтобы объединившиеся члены общины отличались высшими духовными или интеллектуальными способностями. Кроме того, это должны быть люди соответствующего характера, не нуждающиеся в толчках мирской жизни для того, чтобы вывести их из состояния лени. Одним словом, это должны быть люди, способные передать человечеству Высшие Ценности, которые нельзя или невозможно в достаточной степени обрести среди мирских ощущений. Но в целом монастыри скорее служили местом приюта для слабых, чем университетами для воспитания особых качеств. Именно это более широкое использование монастырей я считаю несоответствующим первоначальной идее.

Обеты бедности и послушания весьма распространены в монашестве, и рациональную основу этих дисциплин легко понять. Основная идея монашества состоит в том воспитании, которое привело бы к полной отдаче своей личной воли, так чтобы в индивидуальном человеке не осталось места ни для чего иного, кроме Божественного Сознания. Этот метод, несомненно, бывает для некоторых успешным, но, тем не менее, я убежден, что буквальная интерпретация правил бедности и послушания основывается скорее на поверхностности, чем на глубине. Конечно, я не обсуждаю вопрос о необходимости послушания в связи с какими-то специальными программами воспитания или в случае выполнения какой-то организованной работы, где одни лишь руководители в состоянии принимать решения. Здесь послушание является практической необходимостью. Я просто имею в виду более общее монашеское представление о послушании, как оно проявилось, в частности, в христианской церкви. В этом смысле послушание предназначено для устранения способности действовать по своему усмотрению.

Разумеется верно, что и личная собственность, и личное своеволие коренятся в эгоизме, который, в свою очередь, является основанием чувства отдельности. В этом смысле дисциплина бедности является средством преодоления чувства исключительности, которым столь часто сопровождается владение личной собственностью. Аналогичным образом практика послушания предназначена для установления полного согласования с Божьей волей. Но субъективное изменение отношения к имуществу и воспитание личной воли может сочетать все достоинства буквальной практики

бедности и послушания. Фактически в этой более тонкой форме дисциплина может стать гораздо более совершенной и представлять лучшую защиту от западни духовной гордыни или самооправдания, чем при более буквальная практике.

Что касается собственности, то строгий анализ покажет, что на самом деле нет такой вещи, как частная собственность в абсолютном смысле. Так, никто не располагает никакой внешней частной собственностью сколь-нибудь более, чем дозволит Смерть. Поэтому, невзирая на общественную полицию, все объективные владения — лишь временное утешение. Далее, хотя и верно, что собственность предоставляет определенные возможности в смысле потворства своим желаниям и действиям, однако в ещё большей степени она включает в себя ответственность. Чем более человек духовен, тем более возрастает фактор ответственности, и таким образом принятие этой ответственности имеет ценность подлинного аскетизма. Вдобавок аскетизм этот проникает глубже в душу человека, чем любое испытание бедностью. Для простого обывателя пределы бедности, — это голод, жажда и отсутствие крыши над головой. И хотя это действительно может повлечь за собой физические страдания, но все же не слишком глубоко задевает человека, если он достаточно силен. Когда же, напротив, человек чувствует, что его положение делает его ответственным за благополучие сотен, тысяч, а возможно и миллионов человеческих существ, он живет в дисциплине такой строгости, которая даже личное страдание делает довольно тривиальным. Это гораздо более геройская жизнь, чем та, которая достигается одной лишь бедностью.

Тот же принцип относится к проявлению решимости. Желание уклониться от ответственности в этом отношении является признаком настоящей слабости, а не силы. Что касается человека, Божественная Воля проявляется через волю человеческую. Универсальная Воля весьма значительно преобразуется через ум человека, действующего в какой-то конкретной сфере. В объективном смысле эффективность достигается прагматически. Таким образом, высшая смелость, которая отличает действительно сильного человека, проявляется в готовности принять ответственность за любые, в том числе и неблагоприятные решения. Если бы верный путь в любой ситуации всегда был ясен, то в этом мире не было бы нужды в подлинной смелости. Принятие ответственности за решение в таком случае является более высоким и гораздо более суровым аскетизмом, чем беспорочное послушание.

Лично я рекомендовал бы принять за основу образ жизни домохозяина как основной инструмент дисциплины до того времени, пока индивидуум не будет готов для специального обучения. Далее, это специальное обучение имело бы чисто техническое значение, приводя к определенной конкретной цели. Основное моральное воспитание обеспечивалось бы сочетанием проблем, возникающих из реальной жизни наряду с культивированием определенного отношения к этим проблемам. Я убежден, что, в общем, это лучший способ развить высшее смирение, по крайней мере, для людей, обладающих западным темпераментом. Я посоветовал бы ученикам не избегать искушения, а смело встречать его лицом к лицу, пока оно не перестанет быть искушением. Я полагался бы на культивирование добросовестности в сочетании с непривязанностью. Аналогичным образом я настаивал бы на проявлении действия по своему усмотрению и считал бы того, кто рискует, хотя бы и неблагоприятно, лучше тех, кто слепо повинуются.

Добросовестность отличается моральным достоинством бедности. Точно так же непривязанность имеет ценность послушания. Буквальное послушание имеет значение в связи с особым методическим воспитанием по причинам, которые достаточно очевидны, но для морального дисциплинирования действие по своему усмотрению отличается гораздо большей эффективностью. Люди — вот все, что нам нужно, и чем сильнее они, тем лучше. Нам не нужны одни медиумы. Иногда сила, даже соединенная с пороками сильного, предпочтительнее слабой доброты. Во всех людях это главная ценность, которая является важной, если сама суть здорова.

77. ВЫСШЕЕ СОЗНАНИЕ И УМ

В мистической литературе часто утверждается, что активность ума является серьезным барьером к Реализации Высшего Сознания, тогда как чувственно-эмоциональная активность считается препятствием меньшего порядка. Причина того, что умственная активность рассматривается, заключается в том, что, во-первых, явная активность как таковая производит эффект, сравнимый со значительным шумом, который заглушает слабое звучание Голоса Безмолвия. Во-вторых, умственная активность является преобладающей причиной эгоизма, а последний есть основа чувства отдельности. И логика, и мой собственный опыт не противоречат утверждению, что в объективном смысле и активность, и эгоизм суть барьеры. Но с барьерами можно справиться, преодолевая или же устраняя их. Следовательно, совершенное смолкание всей активности и полное искоренение эгоизма не являются абсолютной необходимостью, от которой зависит Познание. Если бы это было так, то казалось бы невозможным достигнуть Познания иначе, как в полном трансе и, таким образом, ценности этого Познания никак нельзя было бы низвести в личное сознание. Как уже отмечалось в начале этой книги, во время Перехода в августе ум и чувства были активны; я осознавал себя, а это означает, что эгоизм был снят не полностью. Однако и интеллектуальное и чувственное сознание было в принципе подчинено, а иное — более Универсальное Сознание — заняло доминирующее положение. Далее, перед значительно большим раскрытием сознания вечером 8-го сентября ум был очень активен. Но в этом случае тот более высокий энергетический уровень был настолько велик, что любая преграда, возникающая от такой активности, легко была бы сметена. На самом деле если бы ум не был столь активен, то мало вероятно, чтобы субъектно-объектное сознание смогло оставаться хотя бы свидетелем, и неизвестно, смог ли бы я в таком случае вернуться к объективному функционированию.

Я думаю, что мистики нередко преувеличивали серьезность тех или иных препятствий. Вероятно, многие из них делали это преднамеренно, по причинам скорее психологическим, но во многих случаях это могло быть и следствием недостаточно острой способности к интроспекции. Мы знаем, что склонность к преувеличению является весьма характерной для Востока, хотя именно в этом регионе мы находим наибольшее число подлинных мистиков. Далее верно, что у мистиков как таковых психологическим факторам уделялось гораздо больше внимания, чем логической и фактической точности.

Этим, однако, объясняются еще не все затруднения. Вообще мистическое и оккультное употребление слова “ум” не передает того же значения, которое придает этому термину, к примеру, западная философия или психология. Если вместо слова “ум” использовать слово “манас”, то заявление мистиков сразу же станет вернее. “Манас” обычно переводится как “ум”, поскольку для него в европейских языках нет более подходящего эквивалента. Но каково бы ни было первоначальное этимологическое значение слова “ум”, смысл его, как он ныне определяется наиболее компетентным и авторитетным использованием, включает в себе гораздо больше, чем подразумевают индийские философы и мистики, когда говорят “манас”. Пока это тонкое различие остается непонятым, путаница почти неизбежна. Что касается меня, то эта путаница принесла мне несколько лет ненужных недоразумений. Все, что я читал, как будто противоречило тому, что я интуитивно ощущал как верное, в чем я и убедился впоследствии. Так что ошибались не философы-мистики, а переводчики и западные исследователи мистицизма и оккультизма.

Следует отметить и то, что в более глубокой и полной восточной философии “манас” имеет два аспекта: низший и высший. Так вот, низший аспект манаса называется еще и “разрушителем реального”, и, таким образом, именно этот аспект следует победить тому, кто хочет достигнуть

Высшего Знания. Низший манас соединен с желаниями, и потому является лишь главой органов чувств. Его даже зовут — “раджа чувств”. Иными словами, подчинить низший разум значит “подчинить чувства через раджу чувств”. Это явно важно, поскольку именно чувства составляют основу объективного опыта, порождая желание, направленное на объективное и, следовательно, — прочь от чисто Субъективного, на котором покоится вся объективная вселенная.

Далее, хотя смысл понятия “низший манас” отчасти входит в западное понимание слова “ум”, последнее значит гораздо больше. Обратимся к определениям, данным в хорошем словаре. Так, в “Словаре века” мы найдем следующие определения: “То, что чувствует, желает и мыслит; сознательный субъект; эго, душа”. Это гораздо ближе к подлинному значению “атмана”, или “Я есмь”, чем “манаса” и в низшем и в высшем смысле, за исключением того, что “эгоизм” тесно связан с “манасом”. Далее мы имеем следующее определение: “Интеллект, или познавательная способность, или часть души отличная от чувствования и воления; разумность”. Отчасти это близко значению термина “Чит”, а также передает в значительной степени смысл понятия “высший манас”, но не включает в себя как таковую связь с желанием, что является существенным аспектом низшего манаса. И третье: “Сфера сознания, созерцание, мысль, суждение”. Это объемлет широкий диапазон понятий, которые определено следует различать. В восточной философии есть для этого такие термины как Нирвана, Сансара, Самшайя и Мата. Лишь с последним значением — “суждение” — мы начинаем входить по-настоящему в сферу низшего манаса, ибо желание и ощущение, скорее всего, играют роль в формировании суждения. Философское использование этого термина определяет под словом “ум” и такие качества как “разум”, “понимание”, “распознавание”, “различение” и многое от “интуиции”. Кажется, нам следует заключить, что как бы ни было слово “ум” близко по своему филологическому основанию слову “манас”, это весьма дурной перевод слова “манас”, в особенности, когда последний употребляется в низшем смысле. Наши слова “ощущение” и “желание” гораздо ближе к значению низшего манаса, хотя и они не могут служить подлинно удовлетворительным переводом.

В широком смысле “Критика чистого разума” посвящена анализу способностей и функций человеческого ума. Наряду с рассмотрением функций восприятия, что вполне соответствует низшему манасу, в этой работе обсуждается также спонтанность понимания. Эта проблема касается сферы, обозначаемой в восточной философии словами “атман”, “буддхи” и “манас”, если брать последний в более высоком смысле. “Интеллект” Канта в весьма значительной мере совпадает с “Буддхи” Шанкары, но важно то, что Кант использует это понятие в гораздо более фундаментальном смысле, чем любой другой западный мыслитель.

В какой-то степени я занялся этим вопросом потому, что в моем прежнем представлении неверный перевод “низшего манаса” как будто требовал от меня подавления именно тех способностей, которые являются жизненно важными для самого Свершения, ибо в то время я исходил из западного понимания слова “ум”. С той же трудностью вполне могут столкнуться и другие — ведь сокрушить или подавить “ум” в западном смысле этого слова буквально означало бы сокрушить или подавить душу. Ни один подлинный мистик не имеет этого в виду, а если и говорит так, то лишь в силу недостаточного знакомства с английским термином.

В этих беседах я стараюсь передать принципиальный смысл Познания и выявить факторы, благоприятные для него. Как уже должно быть ясно для внимательного читателя, под “Познанием” в полном смысле этого слова я подразумеваю именно то, что Будда подразумевает под Озарением, Шанкара — под Освобождением, а Иисус — под Царствием Небесным. Преследуя эту цель и, в то же время, сохраняя, сколь возможно большую, точность, я разделил способы человеческого опознавания на три типа: ощущение, чувствование (аффекты) и познавательную способность. “Ощущение” объемлет всю сферу восприятия: собственно ощущение, перцепция и рецепция. “Аффекты”

включают такие качества, как любовь, доверие, желание, вера, радость и вообще все эмоциональные свойства, как позитивные, так и негативные. “Познавательная способность” должна включать чисто интеллектуальную деятельность, т. е. мысль, различение, разум и прочие.

Должно быть ясно, что чисто познавательной способности, как мы ее здесь понимаем, еще недостаточно для порождения эгоизма и что для этого она должна быть соединена с желанием, а быть может, и с другими фазами аффектов и ощущений. Действительно, у большинства людей познавательная способность связана с эгоизмом, но разделение этих двух понятий вполне возможно. В познавательном аспекте чистой математики мы обнаруживаем такое разделение в высшей степени, ибо здесь желание почти целиком направлено на Истину и Красоту с незначительной привязанностью или вообще без всякой привязанности к, какому бы то ни было, предвзятому мнению по поводу того, чем, в конечном счете, должна оказаться Истина. Познавательная активность такого рода совершенно определенно не является барьером для Познания и, если мой собственный опыт может быть каким-то критерием, вполне может оказаться одним из самых могучих средств для тех, кто сумеет ею воспользоваться. Во всяком случае, я должен заключить, что если под “умом” подразумевать познавательную способность, тогда тезис, что Познание достигается за счет усмирения ума, попросту неверен. Однако абсолютно верно, что познавательная активность должна оставаться в рамках высокого бесстрастия. Высшие аффекты — любовь, сострадание и вера, также совершенно явно являются поддержкой. Но на этом я не стану подробно останавливаться, так как здесь согласие среди мистиков кажется практически всеобщим. Кроме того, эта фаза предмета гораздо яснее преподнесена и лучше понята. Это Путь через Блаженство, путь, получивший наибольшее признание и наиболее общий для тех, кто достиг Богоосознания.

Посредством чистой познавательной способности можно Войти через разум (чит). Или, опять же, можно Войти через различные сочетания высших аффектов и чистой познавательной способности. Такой путь, естественно, самый синтетичный. Но вовсе не обязательно, чтобы равновесие между этими принципами было совершенным. Индивидуум может быть более развит в ту или иную сторону в момент Вхождения. Но если он утвердился в Высшем Сознании, то его природа естественным образом начнет раскрываться в сторону равновесия. Так что, в конечном счете, символом такого человека становится “священная птица” с двумя равновеликими крыльями, которые суть Сострадание и Разум.

* * *

Примечание: Уже после написания этих строк я уделил значительное внимание изучению современных трудов по анализу психологических типов, и это породило важные соображения, которые я в какой-то мере намерен обсудить в дальнейшем. В настоящее время я хочу сделать лишь следующее замечание: мышление любого неразвитого индивидуума, к какому бы психологическому типу он ни принадлежал, имеет склонность быть негативным или разрушительным, если оно направляется функцией, которая у данного индивидуума преобладает. У таких индивидуумов сила мысли легко может оказаться “разрушителем реального”, т. е. сатанинской. Это объясняет столь критическое отношение к уму со стороны мистиков. То, что они говорили в подобных случаях, несомненно, имеет силу относительно известного им и наиболее, быть может, распространенного вида мышления. Однако они ошибались, универсализируя то, что является не более чем общей особенностью некоторых психологических типов. Мышление вполне развитого индивидуума имеет совершенно иной характер, так как оно позитивно и конструктивно (созидательно). И мышление такого человека становится деструктивным лишь тогда, когда оно искусственно подавляется.

78. МУДРЕЦ АТЛАНТ

Ты Бог, но и человек, лучший из людей;
Зная ширь, и глубь, и слабость человека,
Ты всегда помнишь о Боге за этой маской;
Веруешь твердо в этого Бога,
Не слишком серьезно относясь к маске;
Часто скажешь слово ободрения и утешения,
Но не пренебрегаешь и нужным упреком;
Не боишься никакого наслаждения здесь внизу,
Тебя не трогает ничье забвение;
Живешь в непрерывной радости, уравновешенной
Рассудком мудреца;
Всегда мудрый учитель,
Никогда не перестающий учиться сам
Древний правитель людей, мудрый в путях людских,
Знающий их лучше, чем они сами;
Ты не презираешь удобства, но готов всегда
Отказаться от них, когда это нужно;
Ты нежен, касаясь, как женщина, унимающая боль,
И суров, сталкиваясь с возведенной на престол извращенностью;
Ты выше упадничества, уверенный в триумфе,
Свободен от тирании времени;
Всегда ожидаешь лучшего, приемля то, что Есть;
Несвязанный в безымянном величии;
Выше затруднений обычного человека;
Ты облегчаешь путь, как будто такой трудный;
Открываешь неожиданные облегчения трудности;
Господин Внутренних Сил, сплавивший мрак со Светом;
Обративший победы врага в поражение;
Ты Мастер высшей стратегии, мудрый командор
С Божественным жезлом;
Как велика любовь и уверенность в мудрой силе
Которые Ты пробуждаешь у тех, Кто приблизился к Тебе;
Насколько успешно удаляешь ты жало страшной суровости;
Вводя высшее в круг разумного достижения.
Я почитаю за высокую честь, что узнал Тебя;
И считаю самыми ценными дни нашего общения;
Всегда буду я помнить тот день на северной горе,
Увенчанной соснами, одетой в строгое белое
Покрывало зимы;
Глубоко пробивающиеся потоки под нами,
В домике, сохранившемся со времен аргонавтов;
Ныне скромном и разрушающемся, но богатом
Памятью о великом событии;
Я всегда буду помнить тот день,
Когда ты явился впервые.
Я узнал Тебя, не вполне понимая, как;

И признал авторитетность отмены старых решений.
Ты сказал: “В этот новый день в новой стране,
С новыми же обычаями и перспективами,
Старые Истины нужно одеть в новые одежды.
Наряду с силой и слабостью древности теперь
Есть иная сила и иная хрупкость.
И лишь дело мудрости приспособить усилие к ним.
В основании их неизменная истина,
Множественный путь к Познанию.
Не будь привязан к методу, но к Цели”.
С большими колебаниями я усвоил, наконец,
Если не обильный, то все же значительный запас,
Этой новой и в то же время старой Мудрости.
На твое общение полагался я и всегда находил Тебя верным.
Благословен Ты для этого человечества;
Никому не известный, кроме немногих.
Да будет воздвигнут Тебе монумент,
Не из бездушного камня, так легко оказывающегося
Жертвой непрерывного утомления времени.
Но из живых растущих людских сердец.
В Тебе — и присутствие Божие, и человек.

79. ПРЕГРАДЫ К ПОЗНАНИЮ

В своих лекциях в Джиффорде “Многообразие религиозного опыта” Вильям Джеймс стремился дать общее представление о психологическом основании религиозного поиска. В связи с этим он выделил два следующих наиболее общих принципа:

1. Тревогу вследствие ощущения, что с людьми как они есть что-то “не так” (неладно).
2. Некое решение, которое в каком-то смысле спасает людей от этого “не так”, устанавливая верное соотношение с высшими силами.

С точки зрения моего личного опыта в изучении религиозной мысли я не нахожу оснований сомневаться в верности вышеприведенных принципов. Без ощущения, что что-то в жизни, как проявляется она в этом мире, “не так”, не было бы никакого смысла в тех программах религиозных движений, которые мы видим. Так что можно сказать, что типично религиозные и религиозно-философские проблемы возникают от состояния, которое можно в широком смысле слова назвать патологическим. Следовательно, когда это состояние исцеляется у какого-либо индивидуума, последний перестает нуждаться в какой-то религии в том смысле, в котором слово “религия” понимается обычно. И в этом смысле люди, Осознавшие Бога, выше всякой религии. Хотя такие Люди и могут стать основателями религиозных движений, они больше не являются простыми последователями уже приведенных религиозных правил. Это вполне объясняет, почему так часто Они кажутся атеистами последователям разных установленных религий. Но это факт, что только Люди, Осознавшие Бога, действительно нашли решение и исцелились от обычного патологического состояния, которое объемлет всех людей.

Что же “не так” у человека, когда вместо того, чтобы Осознание Бога было обычным состоянием сознания, оно стало Достоянием лишь горстки Людей? Я вижу четыре фактора, которые, если и не

отражают всю проблему, определенно дают о ней достаточное представление, так что если совладать со всеми этими факторами, то основные преграды к Познанию будут устранены. Вполне вероятно, что эти четыре фактора настолько взаимосвязаны, что в конечном итоге их можно было бы свести к одному. Но в любом случае они представляют четыре подхода к этой принципиальной проблеме. Я перечислю их, в настоящее время не отдавая предпочтения ни одному из них.

Они таковы:

1. Эгоизм.
2. Сомнамбулическое сознание.
3. Чувственное желание.
4. Ложное утверждение. (Под этим подразумевается утверждение за субъектом качеств, которые справедливы лишь для объекта, и дополняющее ошибочное утверждение за объектом качеств, которые верны лишь для субъекта).

1. В эгоизме мы имеем “ахамкара” Ведантистов, Это негативный аспект индивидуальности, наименование для того состояния сознания, которое выражается чувством: “Я — это я и никто иной”. Следовательно, это причина чувства отдельности, раздоров индивидуумов, групп и народов, всей губительной конкуренции и вообще всяких небратских проявлений. Без эгоизма не было бы никакой гордости, самомнения, ревности и комплекса неполноценности или превосходства. Эгоизм имеет склонность кристаллизовать и сохранять микрокосм индивидуума. Совершенно очевидно, что он является барьером к Космическому Сознанию, ибо последнее есть Состояние Сознания, простирающееся на всю пространственную матрицу, которая содержит в себе все микрокосмы. Скорлупа микрокосма должна лопнуть или раствориться, чтобы индивидуальное сознание могло соединиться со Всеобщим Сознанием. Так вот, поскольку нужды микрокосма ни в коем случае не могут быть удовлетворены ресурсами одного лишь микрокосма, то индивидуум, скованный таким образом, рано или поздно должен понять, что что-то здесь “не так”. Именно пока индивидуум ищет решения этого “не так” в пределах эгоизма, он обречен на неудачу. Таким образом, он вынужден превозмочь эгоизм и, поступая так, расплавить скорлупу микрокосма. И тогда, но не раньше, он сознательно соединится с бесконечными ресурсами, которых достаточно для удовлетворения любых нужд.

Часто допускают ошибку, считая подчинение эгоизма равноценным уничтожению индивидуальности. Иными словами, Освобождения ищут как чистого Всеобщего Сознания без всякого элемента самосознания. Это можно сделать, но такой путь имеет результатом нечто меньшее, чем высшее предназначение человека. Индивидуальность — главное основание самосознания или способности знать, что ты знаешь, — можно сохранить в форме настолько свободной от мусора эгоизма, что она сливается со Всеобщим Сознанием. В таком случае микрокосм как бы растворяется, так что он не кристаллизован более, но остается флюидическим завихрением силы, неразрывной со всеобщей Силой, но в некотором смысле отличной от Нее. Это и есть Путь, который ведет к высшему Предназначению человека.

Как сильный интеллект, так и сильная личная воля или (страстное) желание имеют тенденцию порождать преобладание эгоизма. Так вот, как раз люди такого типа отличаются наибольшими способностями из всех тех, кто еще заключен в пределы субъектно-объектного множества. Из них выходит большинство вождей человечества, и они имеют огромное влияние в мире. Вследствие влияния и силы этих людей особенно важно, чтобы как можно большее их число достигло Высшего Сознания. Но из-за их значительно более развитого эгоизма им необыкновенно трудно пожертвовать своим индивидуальным микрокосмом.

В позитивном отношении они прилагают к решению этой проблемы значительно больше усилий, чем остальные, и если добьются успеха, то пойдут, в общем, дальше других.

2. В 49-ом разделе я уже упоминал о сомнамбулическом сознании, и не стану повторять здесь то, что сказал там. Сомнамбулизм — это преграда (барьер), но скорее от слабости, чем от чрезмерной силы в субъектно-объектной сфере. Часто не так уж трудно пробудить проблески Высшего Сознания в представителях этого класса, но, как правило, у них нет сил запечатлеть эти проблески в личном сознании так, чтобы они стали неизменной ценностью. В общем-то, эгоизм в них менее развит, но точно так же и сама индивидуальность. Поэтому, если они осуществят Переход, не усилив прежде свою индивидуальность, то именно они, скорее всего, и вольются во Всеобщее Сознание без сохранения самосознания. Так что они, прежде всего, нуждаются в укреплении способности к самостоятельному действию и мышлению. Если они смогут сделать это, сохранив в то же время свою естественную способность получать проблески Высшего Сознания посредством индукции, то они имеют определенные преимущества, будучи более других отзывчивы на помощь Тех, кто уже Пришел. Во всяком случае, способ их воспитания значительно отличается от способа, необходимого для тех, кто относится к первому типу.

3. Чувственность — противоположность духовности. Отсюда, желание, направленное в первую очередь на объекты чувств, имеет тенденцию уводить сознание вовне и в сторону от внутреннего, где только и можно найти универсальный Ключ. Следовать ощущениям — значит идти к весомым (осязаемым) объектам, а это означает движение к принципиальному ничто, к иллюзии. Первый посредник в этом движении — это чувственный ум, или, точнее — низший манас. Как уже было показано, именно в этом смысле слова Мудрецы и рассматривали обуздание ума как центральную проблему. Я уже объяснял, что подлинный смысл слова “ум” в этом отношении лучше передать на нашем языке фразой: “желание, направленное на ощущения”.

Совершенно верно, что ощущением можно воспользоваться как средством к достижению Познания. Но это удастся осуществить лишь при условии, что объекты ощущений рассматриваются скорее как символы, а не как существующие сами по себе. Именно тогда становится возможным использовать непосредственный объект ощущения в качестве инструмента Пробуждения сознания той Матрицы, которая есть Полнота, объемлющая или содержащая относительную пустоту весомых объектов.

Я весьма сомневаюсь, годится ли этот метод для сколько-нибудь широкого использования человечеству Запада в его теперешнем состоянии сознания. Существует предание, согласно которому одна из древних рас пользовалась этим методом как приемом, но у этой расы была гораздо более развита чистота чувств, чем у современного человека. Похоже, что для людей как они есть, метод работы с чрезмерно развитым чувственным желанием, должен, в итоге, сводиться к замещению чувственных объектов сверхчувственными. Тогда желание можно постепенно преобразовать или направить к подлинно духовным целям.

4. Эго можно назвать преградой, связанной с природой субъектно-объектного сознания как такового. Человек, сравнительно свободный от эгоизма (что справедливо в отношении многих ученых и философов), может отличаться высоким интеллектуальным развитием и быть мало вовлеченным или вовсе не вовлеченным в сомнамбулизм, может обладать контролем над чувственными желаниями, и, тем не менее — впадать в ошибку “ложного утверждения”. Для людей этого редкого типа проблема Познания становится преимущественно философской. По-моему, именно эта проблема и является решающей в связи с Освобождением от рабства человеческого сознания как такового.

Соответственно, я хотел бы подробнее обсудить универсальный характер этого барьера к Познанию.

Проблема ложного утверждения возникает следующим образом. “Я”, или чисто субъективный аспект сознания, есть первичная реальность субъектно-объектной множественности. Это Свет, Разум, или Сознание, от которого зависит само существование человека и вселенной. Оно едино и выше пространства, времени и причинности, а потому не подвластно условиям. Объективный мир, включая человеческое тело, а также и другие объекты, — зависим и связан в пределах пространства, времени и причинности, а потому подвластен условиям. Его видимая множественность является, однако, иллюзорной (в настоящее время я не стану приводить логическое обоснование этого положения, но его обоснованность вполне раскрывается в существующей философии и вдобавок имеет обильную поддержку в свидетельствах мистиков. Теперь же я попрошу читателя признать принципиальную верность сделанного выше заявления). Таким образом, он во всех отношениях по природе своей противоположен Субъекту и дополняет его.

Так вот, среди людей широко распространена привычка переворачивать вышеупомянутое положение и утверждать самосущность объектов сознания в явной или неявной форме. В результате объекты считаются первичными, и действительно возникает проблема: как же вошло в этот мир самосущее “Я”? Много хороших ученых ломали голову над этим совершенно неправильно поставленным вопросом. Дело в том, что принципиальным основанием всякой проблемы, связанной с внешним миром, является сознательное “Я”, которое и делает возможным восприятие этой проблемы как проблемы. Никакая научная или любая другая проблема никогда бы не возникла в одной лишь слепой и мертвой природе. Тогда первостепенное значение для понимания всего, что касается природы, имеет “Я” и его способ познания этой природы. Самый первичный факт из всех — это “Я”, которое мыслит и чувствует. Его Присутствие — единственная абсолютно непосредственная реальность, которую нельзя ни доказать логикой, ни обнаружить через опыт, ибо оно является абсолютно необходимым основанием для обеих этих форм сознания. И единственно только для этого “Я” мы и можем должным образом утверждать самосущность. Одно оно и есть то первоначальное несомненное “данное”, от которого зависит все прочее. Так что подлинная проблема такова: как пришла к существованию эта внешняя вселенная? Полным недоразумением является постановка этой проблемы в следующей форме: как было внедрено “Я” в эту вселенную?

Тогда “Я” — есть единственная реальность, в которой мы можем быть абсолютно уверены, ибо Оно предполагается настолько же в ложном, как и в истинном знании и скрывается как за сонным, так и за бодрственным состояниями. Итак, что же мы можем утверждать непосредственно об этом “Я” в дополнение к самосущности? Тут же приходит простой ответ: “Я” есть неизменная способность сознания, на которую не влияют ни виды, ни свойства содержания сознания. Таким образом, состояние объекта, в том числе и человеческого тела, не влияет на “Я”. К примеру, у человека может быть больное тело, но он сделает абсолютно ложное утверждение, если скажет: “Я болен”.

Переживание состояния болезни в теле есть факт, но утверждать эту болезнь как относящуюся к “Я”, значит создавать типичную сковывающую иллюзию, которая и держит человеческое сознание в рабстве. Аналогичным же образом ограничен и многосоставной инструмент человека — ум и тело. Но “Я” — не ограничено. Таким образом, сказать: “Я ограничен в таком-то и таком-то отношении” — значит создать иллюзию неведения. Однако было бы абсолютно верным утверждать эти ограничения по отношению к индивидуальным и личностным инструментам. Теперь применение этого принципа должно быть ясно.

В результате такого принципиально неверного подхода возникает состояние Неведения или Авидья. Вследствие этого на действительно данную вселенную проецируется нечто вроде вторичной или ложной вселенной, которая зачаровывает человеческое сознание. Именно эта вторичная вселенная и есть Иллюзия или Майя в дурном смысле. Проблемы, связанные с природой и Бытием, с точки зрения этой вторичной вселенной заключают в себе принципиально ложную перспективу, а потому для них невозможно найти эффективное решение. Напротив, попытка выработать какие-то решения

попросту ведет к все большей и большей запутанности. На самом же деле эта наложенная вселенная не более реальна, чем какой-нибудь сон. Так вот, вся сознательная сфера сна вместе со всеми ее проблемами разрушается в результате простого пробуждения. Это приводит нас к очень важному положению в метафизической логике. Как только мы примем какое-то состояние сознания за сон, мы в тот же миг обнаруживаем, что оно нереально или, иными словами, лишено самосущности. Человек страдает в обычном сне, потому что во время сна он считает это состояние реальным. Но это утверждение реальности сна вызвано наложением, которое породил сам спящий. Пробуждение равноценно устранению этого наложения. Состояние, которое прежде представлялось реальным и самосущим, признается всего лишь сном, что равноценно уничтожению этого особого мира сознания, или “Локи”. Теперь мы пришли к особенно важному моменту. Этот мир, или Лока, не просто уничтожен на будущее, но и в равной мере уничтожен в том смысле, что его никогда и не было. Это не значит, что в историческом смысле не является фактом, что в определенное время данный индивидуум пребывал в заблуждении, находясь в состоянии спящего. Это просто значит, что та самосущность или подлинность, которая казалась несомненной во сне, никогда не была действительным фактом. Тот же принцип верен относительно вторичной вселенной, в которой сомнамбулично живет большинство людей. Когда человек пробуждается к Высшему Сознанию, он уничтожает эту вселенную, как на будущее, так и в смысле понимания того, что ее никогда не было. Именно здесь мы сталкиваемся с одним из важнейших принципов высшей эпистемологии и логики, но также и менее всего понимаемым. Это не сфера субъектно-объектного сознания как таковая является Иллюзией или Майей в дурном смысле слова, а как раз — вторичная вселенная. Именно это имеет в виду Восточный Мудрец, когда говорит об уничтожении вселенной, но Ему просто не удается быть ясным для западного ума.

Есть значительная группа западных учеников, которые, вследствие несовершенного понимания восточной доктрины о Майе, создают философию, где “иллюзия” утверждается за всей сферой относительного сознания в смысле, обоснованном лишь для вторичной вселенной. В результате этого подхода они вместо разрушения иллюзии лишь преуспели в наложении нового вида иллюзии и вызвали у себя состояние самогипноза, которое порождает более глубокое состояние сомнамбулизма, чем у самого обычного индивидуума. В этом более глубоком состоянии сна с готовностью признается лишь та очевидность, которая как будто подтверждает предвзятые мнения, а принятие противоположной очевидности становится почти невозможным. Это состояние, в котором подлинное различие парализовано. Практически бесполезно пытаться помочь индивидууму, который находится в этом состоянии, пока сила самогипноза не истощится.

Вся доктрина Майи, если ее верно понимать, вполне совместима с идеей, что даже в пределах относительного или субъектно-объектного сознания может возникнуть верная точка зрения на вселенную. Но эта точка зрения верна постольку, поскольку она адекватно принимается по отношению к субъектно-объектному основанию. Критически мыслящие представители современной науки вполне сознают, что ее знание недействительно за пределами, ограниченными принятым основанием. С точки зрения Сознания нет нужды критиковать науку, построенную на основе такого критического понимания. Путаница возникает лишь тогда, когда обобщения заходят дальше теоретических пределов, обусловленных основанием данной системы. С перспективы Трансцендентного или Космического Сознания проблема природы и Бытия принимает совершенно иной вид. Но этот факт не ставит под сомнение относительную реальность основного свода знаний, добытого здравым методом в относительной сфере.

Если признать тот факт, что относительный мир или первичная вселенная является частью внутри Целого и относительно реальны, то проблема перекрестного перевода с уровня Космического Сознания на уровень субъектно-объектного сознания является весьма важной. Возможности такого перевода, по общему признанию, ограничены. Таким путем невозможно передать непосредственное

содержание Высшего Сознания, но некоторые Его формальные свойства можно, однако, отразить посредством системных символов. В определенном отношении это напоминает проблему оценки иррациональных чисел с помощью рациональных. Безусловное содержание иррациональных чисел нельзя передать в форме рациональных, тем не менее, в знаках радикалов мы имеем символы, представляющие принципиальное единство, связующее эти два вида чисел. Как только математики оставили усилия полностью свести иррациональные числа к рациональной форме, и приняли знак радикала как несократимый символ глубокого смысла, им удалось объединить (интегрировать) в своем сознании две совершенно по-разному организованные сферы реальности. Такое объединение означает, что эти две сферы оказались логически гармонизированными, хотя то, что мы могли бы назвать их "аффективным" содержанием, и осталось разделенным. Перекрестный перевод в этом отношении возможен также в связи с Космическим и субъектно-объектным сознанием. В самом деле, если в анализе сознания как такового понять эквиваленты сущностей и операций чистой математики, то можно обнаружить, что в этой великой науке и искусстве такой перекрестный перевод в некотором возвышенном смысле уже существует. Главный Источник чистой математики — Высшее, или Трансцендентное Сознание, и в этом причина, почему выводы всеобщего характера можно недвусмысленно передать на языке чистой математики. Большинство математиков не становятся Мудрецами или Людьями Познания, потому что их знание не уравновешено подлинной метафизической интуицией. Но они уже владеют одной половиной Царственного Знания. Вторую же половину этого Знания до сих пор можно было найти в основном на Востоке. Соединение их представляет синтез Востока и Запада в высшем смысле и является необходимым условием развития культуры, которая превзойдет все, что знал мир до сих пор. Ошибкой является рассматривать первичную вселенную как своего рода великое заблуждение. В этом вопросе некоторые из ведантистов-эзотериков не отличались ясным пониманием, ибо они заявляли, что вселенная является Божественной Ошибкой. В то же время с Трансцендентного уровня Высокой Беспристрастности является ошибкой давать вселенной теологическую интерпретацию. С субъектно-объектной точки зрения мы могли бы увидеть в этой Божественной Ошибке определенную преднамеренность. Пока мы ограничиваем наше утверждение субъектно-объектным основанием, его относительная ценность является подлинной. Принципиальная ошибка возникает тогда, когда эта определенная преднамеренность экстраполируется как предикатов Высокой Беспристрастности. В этом высшем смысле вселенная не является ни ошибкой, ни преднамеренной необходимостью, но она есть некий эмпирический факт, и дело мудрости — просто принять его. Подлинная первичная и эмпирическая вселенная не является онтологической необходимостью. Ее скорее можно считать существующей и творческой подлинностью в пределах онтологической возможности. В онтологическом смысле вселенная может быть иной, чем она является в действительности, но эмпирически она такова, какой мы ее находим. Чтобы понять принципиальный смысл вселенной, нужно подняться в Сознании на Уровень Творческого Воображения.

Состояние субъектно-объектного сознания в смысле первичной вселенной не следует считать патологическим. Однако действительно иллюзорная, вторичная вселенная заключает в себе патологический или гипнотический вид сознания. Это вселенная, которая порождается Неведением и соответственно уничтожается, когда уничтожено Неведение. Когда мы говорим об этом мире как о какой-то психиатрической больнице, мы имеем в виду основную массу земного человечества. Мы не относим сюда всех существ, которые действуют в сфере субъектно-объектной множественности. Состояние нашего человечества аномально и, следовательно, нетипично для иного человечества. Человечество наше из-за отсутствия различия смешало объект и субъект, вызвав этим ложное утверждение. К этому добавилась прирожденная способность к творчеству, унаследованная от Божественной Искры, пребывающей в сердце каждого человека. Сочетание их породило вторичную вселенную, которая есть не что иное, как иллюзия в дурном смысле слова. На самом деле, таким образом и был создан ад: с тех пор для большинства человеческих существ эта жизнь и есть самый худший ад, который они когда-нибудь узнают. Поистине, понадобилось бы в высшей степени

извращенное искусство, чтобы создать что-нибудь худшее. Единственная надежда для индивидуума и коллективного человечества кроется в совершенном уничтожении им же самим извращенным образом произведенной вторичной вселенной. Тогда и только тогда он вновь вступит на путь развития по линиям подлинной эволюции.

В философском смысле сущность проблемы действенного разрушения этой вторичной или наложенной вселенной заключается в пробуждении способности подлинного Различения. Это, по существу, акт строгого различения между “Я” и “не-я”, или, иными словами, — между свойствами, верными для объекта сознания, и свойствами, верными лишь для Субъекта. Практика этого различения отличается ценностью дегипнотирующей силы, и когда она заходит достаточно далеко, человек Пробуждается. Это Пробуждение равносильно выздоровлению и выписке из больницы.

Как уже отмечалось, методы, которые действительно вызывают такую дегипнотизацию, в значительной степени разнятся от человека к человеку. Но, в конечном счете, все методы, когда они доведены до степени эффективных результатов, ведут к подлинному Различению, и таким образом Различение остается окончательным действенным средством к Освобождению. Потому-то Познание есть более чем средство к Освобождению; в действительности Оно является Освобождением.

Религия, в той форме, в которой она обычно известна в этом мире, есть лишь средство, предназначенное для нужд больных душ. Подлинно здоровая душа не имеет никакой нужды в религии в этом смысле, так как такая душа не только Божественна, но к тому же признает этот факт. Человек этот тождествен с Целью религиозного поклонения. И то “не так”, которое ощущают почти все люди в этом мире, не есть нечто порожденное по первоначальному Божественному Плану, но есть порождение извращенной творческой способности со стороны самого человека уже отмеченным способом. Когда это “не так” исправлено, остается продолжение эволюции, как в относительном, так и в Космическом смысле, в котором развитие это нормально. Эта нормальная эволюция не имеет в своем устройении зла или несчастья как каких-то своих составляющих. Напротив, она происходит по каналам принципиального счастья и понимания. Таким образом, подлинная Жизнь начинается лишь после того, как человек Пробудился.

80. БЕЗЫМЯННОЕ

7 октября

Наверху, внизу, справа, слева, всеобъемлющее,
Прежде и после, и между ними,
Внутри и вовне, сразу всюду,
Меняющееся и в то же время неизменное
Беспричинное, хотя и породившее все причины,
Разумное и превыше всякого разумения,
Ты ни в чем не нуждаешься, но все предоставляешь.
Единое и Единственное, поддерживающее все многообразие,
Источник всех качеств, не имеющий атрибутов,
Вечно непрерывное, кажущееся прерывающимся,
Невыразимое основание всякого выражения,
Неисчислимое, делающее возможными все числа.
Включающее и любящего и возлюбленного,
Не делающее ничего и остающееся Полем всякого действия —

Деятель и действие в одном —
Беспристрастное в абсолютной завершенности,
Пронизывающее все пространство,
Но сосредоточенное в Точке,
Выше времени и содержащее все времена,
Безграничное, делающее возможными границы,
Не знающее изменений,
Непостигаемое. Через Него совершается
Всякое постижение,
Вечно безмянное
То — Я,
И таким образом — Ты.

81. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСИ

15 октября

В прошлое воскресенье по окончании вечерней трапезы произошло третье значительное событие из этой серии. Я сделал определенный внутренний запрос, но не предвидел характера ответа. Вскоре стало очевидным присутствие необычного энергетического поля, характер которого был уже мне знаком по прежнему опыту, но небывалой интенсивности. Все присутствующие сознавали его. Я почувствовал напряжение, которое привело к спонтанному распрямлению спины в вертикальное положение и к весьма активному напряжению воли. Все отметили чувство необычного покоя, а я ощутил Присутствие весьма Необычайной Силы. Я был вполне уверен, что узнал, что это было за Присутствие. Но оно должно остаться безмянным. Это состояние походило на то, в котором я отмечал продумывание крайне абстрактных мыслей, а также на то, которое объяло нас вечером 8-го сентября.

Одно из свойств подобных энергетических полей аналогично определенному физическому переживанию, с которым многие знакомы. Если умеренно чувствительного индивидуума поместить в электромагнитное поле мощного генератора, он почувствует какое-то странное напряжение, которое довольно трудно описать. Быть может, он найдет нужным очень активно настроить свою волю. Он может и не знать, зачем ему это, и волевой ответ кажется в основном спонтанным. Так вот, энергетическое Поле субъективного Присутствия похоже по ощущению, но более тонко и может быть гораздо более мощным. Все это подтверждает идею, что Сознание или Жизнь является в какой-то степени явлением электрическим. Однако эта Энергия может проявляться во множестве разных форм, из которых земное электричество есть лишь самая плотная. Феномен земного электричества представляет аналогию с некоторыми действиями или функциями Высшего Сознания, такими, например, как индукция.

Это присутствие в прошлое воскресенье длилось с убывающей интенсивностью весь день, и с тех пор всегда ощущалось где-то поблизости. Одним из непосредственных следствий этого было побуждение дополнить запись от 8-го сентября. Передача этого внутреннего Состояния представляла специфические трудности, и моя первая попытка была далеко не удовлетворительной. Новое описание, сделанное мною в прошлый вторник, было гораздо удачнее и является, по-моему, наиболее сложным из всего того, что я до сих пор пытался передать. Однако я написал его довольно легко, и мысль моя все время была на исключительно высоком уровне. Я очень спешил написать это и был необычайно нетерпелив ко всякой заминке, пока не закончил.

В последние два дня я начал сознавать какую-то особую перемену позиции со стороны моей личности. Эта новая позиция скорее имеет характер постепенного роста, чем резкого сдвига. До сих пор в моем личном сознании в той или иной форме присутствовала идея самопожертвования. Мне всегда казалось, что при мудром применении оно является необходимостью не только для развития в высшей нравственной жизни, но точно так же и для проявления просто приличествующего нравственного кодекса.

Мой отказ оставить мир, когда такая возможность появилась, таким образом, имел для меня как для личного человека ценность самопожертвования, а избранный образ действия казался единственно честным. В этом заключалось самое подлинное самоотречение.

Однако в настоящий момент я уже не чувствую, что любой путь, который я могу избрать, непременно будет заключать в себе самопожертвование. Изучив это со всей возможной объективностью, я должен признать, что это очень странное состояние. По общему признанию, некоторые пути действия остаются относительно неудобными или трудными по сравнению с другими. Но, несмотря на то, удобно ли мне это лично или неудобно, в этом как будто нет никакого самопожертвования. Оказалось, что теперь уже больше не возникает желания утверждать как достоинства, так и недостатки любого возможного для меня образа действия. Я скорее склонен рассудить — какое действие можно избрать как более или менее здоровое, или более или менее мудрое и т. п. Глупость кажется единственно возможной ошибкой. Заметьте, что я не предлагаю эту точку зрения в качестве некоего отправного тезиса, но просто привожу ее как анализ того состояния, в котором я пребываю. Надолго ли оно — покажет будущее.

Возможность такого отношения к идее самопожертвования приводит к размышлению о его значении. Я могу непосредственно проследить природу этого нового отношения как влияние моего пребывания в состоянии Высокой Беспристрастности. Безусловно, это переживание оказало устойчивое влияние, в корне меняющее теперь мое отношение к жизни. А теперь о логике, как я ее понимаю. В состоянии Высокой Беспристрастности “Я емь”, или “атман”, превращается, насколько я могу это выразить, из какой-то одной лишь точки чистой субъективности во все Пространство. В результате я не связан исключительно с тем, что происходит в любой отдельной точке этого Пространства, даже если эта точка и есть то личное самотождество, которое я зову “Я” с маленькой буквы. Какой-то плюс в одной точке этого пространства тут же уравновешивается минусом в другой. Однако поскольку я не ограничен никакой точкой, но объемлю все точки сразу, я не испытываю “умаления” или “возрастания”, каков бы ни был образ действия в любое время. Если самопожертвование можно считать в некотором смысле “умалением” в какой-то данной точке, оно в то же самое время является “возрастанием” в какой-то иной точке или точках. Я же, практически являясь всем Пространством, объемлю сразу оба следствия. Ясно, что с перспективы такого уровня самопожертвование невозможно. Буквально никакие условия не могут Меня ограничить, и в равной мере никакие обстоятельства не могут Меня возвысить, и это остается верным, если бы даже эта личность была сметена из существования с одной стороны, или же ей воздавались бы высшие почести — с другой. С точки зрения логики я не вижу никакого иного состояния чувств, которое было бы совместимо с подлинной Беспристрастностью.

Все последующее просто развивает далее свойство, которое я нашел характерным для тех Признаний (Познаний), которые у меня были. Они имеют склонность к интеграции всей нашей природы, и, таким образом, конфликт между аффектами и логическими требованиями мысли, — условие, столь распространенное у большинства людей в обычном состоянии, — все менее и менее возможен. Это истинное очищение, и оно вполне может быть более важным для искоренения горести, чем любой другой фактор.

Является ли это состояние принципиального беспристрастия, в котором я нахожусь, желательным? Я считаю, что да. Я не предпочел бы ничего иного, что мне известно, или о чем я слышал, Его Присутствию. Но до того, как мое индивидуальное сознание установило с Ним связь, никакое упоминание о беспристрастности, какое я когда-либо слышал или читал, не могло сделать для меня это состояние привлекательным. Как будто все основание этой оценки у человека претерпевает принципиальное изменение. Со стороны Состояние это выглядит как какое-то отрицание, но когда Его осуществляешь, то узнаешь, что Оно более полно, чем любое прежнее состояние. Но вполне может быть, что только Испытав Его, можно предпочесть Его всем иным. У меня не было ощущения, будто я был принужден к Нему против воли. Быть может, даже теперь я мог бы отделаться от действительной памяти о Нем, но этого я хотел бы меньше всего. Я не вижу причин, почему бы кому-то следовало его бояться. Есть Состояния подлинного Духовного Блаженства, при которых нет этой Высокой Беспристрастности, и люди могут узнать, что они бесконечно более ценны, чем все, что может предложить субъектно-объектное сознание. Я не знаю ничего, что вынудило бы людей покидать такие Состояния против воли. Если кто-то, когда придет Час, пожелает пойти дальше, к более обширному Сознанию, он всегда волен следовать так далеко, как он сможет. Это не дело внешнего принуждения. А тем временем позвольте мне добавить свое заверение: Состояние Высокой Беспристрастности неизмеримо ценно. Озабоченность — признак состояния, которое несовершенно. Когда совершенство осуществлено, озабоченность пропадает. Высокая Беспристрастность есть отличительный знак предельного совершенства (полноты). Действие или недеяние в Состоянии Высокой Беспристрастности не является следствием озабоченности. Озабоченность еще может быть основой мотивировки в личном сознании, но в то же время в своем более глубоком Сознании индивидуум вполне осознает неуместность озабоченности. Поскольку Высокая Беспристрастность не в большей степени является состоянием недеяния, чем действия, то относительное сознание, естественно, ставит вопрос: “Какова же причина действия на этом Уровне?” Но сама форма вопроса делает ответ невозможным, ибо модус поведения в относительном мире экстраполируется в состояние, к которому он не имеет никакого отношения. Быть может, в какой-то мере правильно было бы сказать, что всякое Движение в высшем смысле спонтанно и, следовательно, его нельзя объяснить на языке причинных связей. Каким-то образом Высшее и причинные миры являются одновременным фактом. Высшее есть, причинный мир как будто есть, и, тем не менее, его нет. Пусть кто-нибудь попробует разрешить этот явный абсурд.

82. ТОЧЕЧНОЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ “Я”

17 октября

Мне пришел в голову новый подход к вопросу Нирваны, и я подумал, что он может быть полезен в прояснении некоторых затруднений относительно природы этого Состояния. Кажется, обычный подход к идее Нирваны состоит в том, что это некое блаженное Состояние, вызываемое угасанием личной природы через устранение чувственных желаний и стремления к наслаждению. Поскольку большинство людей не в состоянии постигнуть сознание, не связанное с личностью и различными страстными стремлениями, соединенными с чувственной жизнью, Нирвана кажется чем-то вроде абсолютного не существования или уничтожения в полном смысле слова. С другой стороны, если все же допускают, что Нирвана — это какое-то Состояние Сознания, то его часто считают чем-то нежелательным. Во всем этом много недоразумений. Всякий, кто когда-либо хоть коснулся Сознания Нирваны, не будет считать его нежелательным состоянием и совершенно отчетливо узнает, что Оно не подразумевает прекращения Сознания, хотя это Сознание — нечто совершенно иное, чем все, что можно найти в сфере относительной. Так вот, трудность, мне кажется, проистекает от неверного

понимания того, что имеется в виду, когда мы говорим “Я”, и я полагаю, что смогу сейчас несколько прояснить этот вопрос.

Для относительного сознания индивидуальное “Я” кажется чем-то вроде точки, отличной от “Я” другого человека. Интересы одного “Я” могут быть несовместимы с интересами другого “Я”, и в результате — конфликт. Далее, индивидуальная жизнь как будто сосредоточена вокруг достижения наслаждения конкретной точкой “Я”, которой кажется данный индивидуум. Отсюда, главная цель практики различения — изоляция “точечного я” из всего материального наполнения относительного сознания с последующим снятием индивидуального отождествления с этой точкой. В конечном итоге я с успехом применил именно этот прием, что почти сразу вызвало радикальную перемену в значении этого “Я”. Начался какой-то процесс “расширения”, который завершился чем-то вроде отождествления себя с пространством. Я обнаружил, что “Я” начало означать “Пространство” вместо точки. Это Пространство простиралось всюду, куда только могло переместиться мое сознание. Нигде я не находил ничего, кроме Меня, исключая то, что на высшем этапе и “Я”, и Божественное слились в Бытие. Но весь этот процесс заключал в себе усиление и расширение Сознания, а вовсе не сужение или “ущемление” его.

Для наших теперешних целей мы можем пока оставить в стороне те Состояния Бытия, где и субъект, и объект исчезают. Тогда останется “Я” в двояком смысле, который мы можем передать, назвав его “точечным я” и “Пространственным Я”. Этого довольно, чтобы уяснить принципиальную проблему Нирваны, если взять ее в более простом смысле и исключить из обсуждения состояния, называемые Паранирваной и Махапаранирваной.

С формальной точки зрения должно быть сразу ясно, что жизненные ценности приобретают совершенно иное значение, если их рассматривать соответственно с перспектив точечного “я” и Пространственного “Я”.

Разрозненность, отделенность, различие — прерогатива точечного “я”; единственно здесь имеют смысл достижения и неудачи. На этом уровне деятельность, направляемая желанием, создает в результате всю палитру качеств и свойств, столь характерных для обычной жизни.

Напротив, Пространственное “Я” непрерывно, нераздельно и безлично в обычном понимании. По крайней мере, в потенциальном смысле, Пространственное “Я” простирается на все возможные ценности Сознания, и таким образом стоит выше необходимости испытывать (наслаждение). Для Пространственного “Я” ценности сознания не достигаются деятельностью, желанием и т. п., во всяком случае, в обычном смысле этих слов. Сознание может быть сфокусировано в любой точке этого Пространства, и соответствующая ценность такого частного раскрытия осознается немедленно.

(Как раз то, что подразумевается под этим “фокусированием”, создает интересную философскую проблему, но в настоящее время я не стану в нее вдаваться). Важно, однако, то, что Пространственному “Я” не нужно бороться в смысле некой конкуренции для достижения какой бы то ни было ценности. В потенциальном смысле Пространственное “Я” одновременно является всеми возможными ценностями и актуализирует любую из этих ценностей за счет соответствующей “фокусировки”. Таким образом, Пространственное “Я” включает в себя все точечные “я”. Отсюда, в принципе, всякий индивидуум, который Осознал свое тождество с Пространственным “Я”, оказывается присутствующим во всех точечных “я”, располагая всеми ресурсами их индивидуального опыта. Легко понять, что в таком Пространственном “Я” нет ни места, ни смысла для разобщающих эмоций, характерных для сознания точечного “я”. Более того, Пространственное “Я” есть Состояние Бесконечной Полноты в сравнении с сознанием любого точечного “я” или с суммарным эффектом любого числа точечных “я”. Конечно же, такое Состояние есть Состояние

Блаженства, неизмеримо превосходящего все возможное для любого точечного “я”. Именно это сознание Пространственного “Я” и есть Нирвана.

Так вот, превзойти состояние точечного “я” и достичь самоотождествления с Пространством не означает, что дальнейшая эволюция невозможна. Мы уже знакомы с идеей пространства, входящего в иные пространства высшего порядка. Можно сказать, что более высокая Эволюция должна быть все большей и большей пространственной интеграцией, где каждый шаг вперед буквально является Переходом за предшествующее состояние. В этих более высоких последовательностях Трансценденции мы очень скоро достигаем пределов самого развитого первоисследователя нашего человечества и, фактически, остается совсем немного до самого крайнего предела человека как человека. Выше этого — сферы, которые образуют нормальный уровень Существ совсем иных, чем человек как его обычно понимают. В определенном смысле, чистая математика далеко опередила то Сознание, которое сейчас реально возможно для человека. Человек перестанет быть человеком в ограниченном смысле этого слова задолго до того, как он Пробудится в смысле Сознания на самых прогрессивных Уровнях, представленных математическими понятиями и символическими формулами. Таким образом, математика — это своеобразная путеводная нить к Высшему, которую человечество никогда не теряло, даже погружаясь в грандиознейшие глубины материалистического сознания. Но очень немногие поняли, что это за Царственная Нить.

83. САНСАРА

28 октября

Ты — монстр, отродье Невежества,
Оплодотворенное человеческим воображением.
Ты кажешься обаятельной, всеобещающей,
Но всегда обманываешь, вознаграждая верность
Пустою чашей,
Ты кажешься прекрасным озером,
Дарующим отдохновение и свежесть утомленному страннику,
Но ты — мираж, вечно отступающий,
Уводящий все дальше в бесплодную пустыню.
Ты кажешься многоцветной радугой,
Обещающей злато, которое никогда не найти.
Ты заманиваешь мнимой радостью и победой,
Глумишься над своими жертвами,
Гибнущими без надежды в горести и крушении.
Ты пуста, лишена всякой ценности,
Призрак того, что могло бы быть;
Увлекаешь всех до тех пор, пока,
Уловленные твоей сетью,
Не забьются они беспомощно и обреченно.
Ты требуешь преданности, вознаграждая
Напитком иллюзий.
Ты — материя сна, обращаешься в пепел
С утренним пробуждением.
Ты обрекаешь свои жертвы на непрерывные муки,
Иссушая саму душу,

Делая человека все более жалким.
Тебя зову я на смертный бой,
На битву, которая не знает пощады.
Ты — вампир, иссушающий жизнь великого Сироты.
В битве этой не может быть перемирия,
Ни конца вплоть до Дня Полной Победы.
Ты будешь сведена к давно забытому сну.
Тогда человек, снова Свободный,
Пойдет к своему предназначению.

84. НИРВАНА

Смутно осязаемая в душе,
Непостижимая для мирского человека;
Неведомая Цель всех стремлений;
Полнота, что наполняет внутреннюю пустоту,
Довершая половинчатые формы внешней жизни;
Вечная Возлюбленная, сокрытая в объектах Человеческих желаний;
Не умирающая, Вневременная, Вечная;
Старая, как Бесконечность, но вечно новая,
Как бьющая ключом юность;
Бесценная жемчужина, всеобъемлющий Мир;
Всепроникающая Божественность.
“Угаснув” в великом возгорании Вечности,
Смерть исчезает, как давно забытый сон.
Жизнь здесь, внизу, — всего лишь смерть,
Нирвана — вечно живая Реальность.
Божественный Эликсир, дыхание всех тварей;
Блаженство полной Удовлетворенности;
Несотворенная, хотя сама — непрерывное Творчество;
Экстаз экстазов, вызывающий трепет вновь и вновь,
Свободная от расплаты за недостойное Наслаждение,
Покой безграничной свежести,
Поддерживающий труды воплощенные,
Едиственный смысл, придающий ценность Всякому усилию;
Уничтожаешь навсегда всякую скорбь;
Уравновешиваешь пустоту нашей живой смерти
Ценностями, которые превыше понимания.
Цель всех исканий, мало понимаемая,
Немногими пока достигнутая,
Хотя свободная для всех.
Разыскиваемая далеко, но никогда не обретаемая,
Ибо ближе Она, чем всякая собственность,
Ближе, чем дом, родина или раса,
Ближе, чем друг, мать или Учитель,
Ближе, чем тело, чувство или мысль.
Ибо ближе всех оно пребывает —
Твое собственное подлинное “Я”.

85. ПОНИМАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ

31 октября

Что ближе к Реальности — восприятие (перцепт) или понятие (концепт)? Вот довольно простая форма очень старого вопроса, который разделял школы философии со времен Платона вплоть до наших дней. В более ранние времена, до того как развился философский анализ как признанная сфера исследования, вопрос этот принял такую форму: “Что более реально — всеобщее или частное?” Но его сущность в принципе та же.

Ясно, что восприятие дает лишь индивидуальный или частный опыт, тогда как всякое понятие есть в какой-то степени обобщение или нечто всеобщее. По крайней мере, в западной философии не возникало ни одной точки зрения, которая упразднила бы саму эту проблему, хотя ее формулировка не раз менялась с течением времени.

Во времена Платона мы находим спор, отраженный в противоречии между Платоном и Демокритом с одной стороны, и Аристотелем — с другой. В средние века спор этот выражается в разделении между реалистами и номиналистами. Реалисты считали, что универсалии (общие понятия) реальны и существуют прежде вещей. Напротив, номиналисты считали, что универсалии или, вернее, обобщения, суть лишь извлечения из индивидуальных или частных сущностей, которые одни только и отличаются реальностью. Позднее, в начале современного периода, разделение это было представлено рационалистами и эмпириками. Первые усматривали первичную реальность во всеобщих рациональных (умопостижимых) сущностях наподобие тех, что образуют математику, тогда как эмпирики утверждали, что данные, полученные посредством чувств, первичны. Иммануил Кант нашел путь, который в какой-то мере объединил эти два потока мысли, но опять-таки это разделение принимает у него следующий вид: “Что первичнее или реальнее всего — априорный или апостериорный элемент в сознании?” В последующей истории мышления, в основном под влиянием Канта, предпочтение определенно отдавалось априорному элементу. Это течение породило абсолютный идеализм Гегеля. В противовес этой школе ныне мы имеем прагматиков, которые подчеркивают эмпирическую полезность как в определенном смысле знак истины и реальности. Эта последняя форма иногда дает контрасты типа: “интеллектуализм” — “витализм”. На данном этапе этот вопрос принимает такую форму: “Что наиболее первично, Сознание или Жизнь?” Наконец Шпенглер придает этой проблеме новый вид, вводя термины: “физиогномическое” и “системное”. Физиогномическое — это вид осознания или живой процесс, основывающийся на Жизни и Времени, которые принимаются как подлинные. Системное — это некая концептуальная конструкция, которая передает Реальное в терминах Пространства. Сам Шпенглер, как известно, основывался на физиогномическом, но он допускает, что иные темпераменты могут основываться на системном. Эта последняя постановка вопроса принимает две возможные формы: 1) “Что подлинно и первично — физиогномическое или системное”; 2) “Что наиболее первично — время или пространство?”

К анализу основной проблемы, которая кроется за всеми этими вопросами, можно подойти либо с генетической, либо с логической точки зрения. В зависимости от подхода последует почти предсказуемое заключение. Кажется несомненным, что в какой-то момент знание универсалий возникает после опыта. Если процесс времени принять как реальный и подлинный, тогда следует, что восприятия и частности действительно являются прежде понятий и универсалий. Но вполне возможно считать пространство и число более первичным, чем время, что как раз и является позицией современных физиков, которые свели природу к четырехмерной множественности, где

измерение времени, по существу, отличается свойствами пространства. Окончательная картина физической реальности становится тогда группой дифференциальных уравнений, или, иными словами, системой отношений на языке чисел. Далее, в более специальном философском смысле генетическое развитие можно рассматривать просто как случай для проявления чего-то предсущего (предэкзистенциального). Таким образом, опыт становится просто стимулом или каталитическим агентом, пробуждающим дремлющее Знание, но сам по себе не является этим Знанием.

Конфликт между этими двумя течениями мысли сыграл, бесспорно, важную роль в развитии философии. Сами по себе эти течения давным-давно бы кристаллизовались в некую застывшую форму. Но взаимодействие между этими двумя видами школ привело к большему утончению понимания и более глубокому проникновению, чем если бы этого не было. Человек, став сознательным в философском отношении, редко обращался от одной школы к другой, если такое вообще случалось. Аргументы одной школы, по существу, не могли убедить сторонников противоположной школы. Кажется, причина этого кроется в том факте, что ни один из этих аргументов не заменяет глубины интуиции, на которой основывается всякий истинный философ; таким образом, любая система необходимым образом вытекает из первоначального глубинного интуитивного понимания. Но конфликт между смыслом разных систем ведет к взаимному росту самосознания в обоих видах познания. Это первичное разделение в самой философии отражается в еще более широкой сфере, где философия противопоставляется мистицизму. Хотя такая вещь как философский мистицизм, или метафизическая философия, и существует, общее правило состоит в том, что мистики обычно не философы по своим взглядам. Последние определенно находят Реальное в чем-то таком, что ближе восприятию (перцепту), или физиогномическому, чем системному понятию. Поэзия, символизм и так называемый “образ жизни” представляют их характерные инструменты выражения. Напротив, все философы любой школы фактически работают с понятиями и более или менее универсальными идеями. Так вот, в своих высших проявлениях и философы и Мистики пробуждены к Высшему Сознанию. Будда и Шанкара с одной стороны и великие персидские мистики — с другой, дают выдающийся пример этих двух групп. Как следствие, мы видим, что это разделение проходит на более глубоком уровне, чем обычное субъектно-объектное сознание, и в некотором смысле простирается и на Высшее (Запредельное). В этом должно быть что-то очень принципиальное. Это разделение можно проследить далее в дополняющих друг друга и противопоставляемых друг другу понятиях Эроса и Логоса с их современными эквивалентами Любви и Мудрости. В Оккультизме оно отражается в дополнительном контрасте Буддхи и Манаса, или Ананда и Чит. Как уже отмечалось в предыдущих беседах, каждая из этих пар олицетворяет собой виды более окончательных реальностей, обозначенных соответственно как Атман и Сат. Окончательная Реальность, когда ей дается выражение, требует медитации на том или ином из этих видов или на их комбинации. Достигает ли всякий живой человек совершенного равновесия между этими двумя видами — это вопрос, на который, по-моему, невозможно ответить определенно в настоящее время. Кажется, однако, что если воплощение, известное как Гаутама Будда, и не было примером такого равновесия в этом отношении, то, во всяком случае, оно подходит к этому ближе, чем всякое иное, о котором мы имеем точную историческую запись. Преобладающее выражение Шанкары — явно философское, тогда как у Иисуса — мистическое. Но у Шанкары есть наряду с преобладающим и мистический элемент, точно так же у Иисуса — философский. Все трое — Будда, Шанкара и Иисус вместе взятые, кажется, представляют большую гармонию, чем другие исторические воплощения. Соединив этих Трех и рассматривая их как одну реальность в Трех Лицах, мы, кажется, получим самое синтезированное духовное проявление, заключающееся в пределах исторических записей, которые отличаются хоть какой-то степенью экзотерической определенности.

Мой личный вклад в эту проблему вытекает из Признания третьего рода Знания, которое я назвал “Знание путем Тождества”. Знание это на его собственном уровне не является ни концептуальным, ни перцептуальным, и, следовательно, его нельзя ни определить в строгом смысле слова, ни

воспринять. Путем Пробуждения человек может признать себя Тожественным Ему. И лишь тогда, когда Пробужденный человек стремится достигнуть соотнесения между этим Знанием и субъектно-объектным сознанием, возникает вопрос — ближе ли Оно понятию или восприятию. Для меня Оно ближе понятию, но в определенном дополняющем смысле я также выражаю Его в физиогномической или мистической форме. Но, рассматривая эту проблему объективно или логически, я совершенно не в состоянии сказать, что Знание путем Тожества на самом деле ближе понятию, чем восприятию. Я не вижу никакого практического выхода из того, что можно назвать окрашиванием неокрашенного, коль скоро Невыразимое отражается в выражении. Самый совершенный аппарат выражения неизбежно является в какой-то мере искажением. Следовательно, остается либо воздержаться от всякого выражения, либо соответственно воспользоваться теми инструментами выражения, которые создал сам индивидуум, однако тщательно предостерегая всех, что это выражение есть лишь некое отражение того, что на своем собственном уровне всегда остается невыразимым. Выражение помогает на Пути в то, но там, где данное выражение поможет определенному темпераменту, другим понадобится какая-то иная форма.

86. НОВОЕ СЛОВО

7 ноября

В попытке дать выражение Ценностям, источник которых — в Трансцендентном Мире, мы сталкиваемся с серьезной трудностью из-за неадекватного использования слов, имеющих соответствующий смысл. В результате очень часто писатель или литератор заявляет о невыразимости в более широком смысле, чем нужно. Трансцендентное как таковое невыразимо в пределах относительной множественности, но есть промежуточная сфера между самим Трансцендентным и более ограниченным субъектно-объектным сознанием, где частичное выражение возможно. Если бы это было не так, то было бы вовсе бесполезно что-то писать или говорить по этому поводу. Но когда мы приходим к вопросу, насколько же возможно такое выражение, то на этот вопрос нет никакого определенного ответа. Эта проблема кажется очень похожей на проблему оценки какого-нибудь иррационального числа в терминах рациональных чисел. Мы знаем, что совершенная оценка является теоретической или абсолютной невозможностью, но в то же время оценка эта может приближаться к совершенству беспредельно. На практике же математик следует своей оценке до тех пор, пока это имеет смысл для его практических целей, и на этом останавливается. Так и в выражении Высших Ценностей нет никакого теоретического предела для процесса приближения. Отсутствие концептуальных инструментов или ограниченность интеллектуальной способности данного индивидуума определяют эти пределы для него, но не определяют пределов возможного для других. Все это вопрос сравнительного умения и оснащенности. Более высокие приближения, как известно, получать все труднее, и их, соответственно, все менее и менее легко понять, так как они простираются в неведомое. Тем не менее, процесс приближения вызывает способность все большего и большего проникновения. Так что работа такого рода важна для человечества в целом, даже если число тех, кто получит от нее непосредственную пользу, было бы довольно ограниченным.

Для выражения Трансцендентного санскрит, несомненно, является наилучшим из хорошо известных инструментов, так как в этом языке многие слова передают метафизический смысл, для которого невозможно найти никаких эквивалентов в западных языках. Но вне узкого круга ученых-специалистов широкое употребление санскрита непрактично. Можно ввести несколько санскритских слов с соответствующими разъяснениями, и это все. Кто придерживается более распространенной сферы английского языка, ограничен англосаксонским и некоторыми заимствованиями из латинского и греческого. Без такого заимствования писатель был бы почти беспомощен за пределами самых

простых уровней мысли, и даже со всеми этими тремя источниками часто неизбежна некоторая натянутость в смысле слов. В практическом употреблении, с которым сталкиваются при чтении разного рода, использование слов большей частью бывает очень небрежным, и в результате нередко возникает ненужная путаница. Я считаю, что этой путаницы следует по возможности избегать. Так, путаница отчасти происходит от использования слов, которые не соответствуют ни их этимологическому значению, ни распространенному словарному определению. От этого можно часто предостеречься более тщательным выбором слов и словосочетаний, а где возможно, взять на себя труд дать определение нужному употреблению данного термина. Иногда можно создать и новые слова в соответствии с установленными правилами словообразования. Этим не следует злоупотреблять там, где уже существуют какие-то адекватные словесные конструкции. Неологизмы оправданы лишь в том случае, если они действительно проясняют смысл.

Например, я создал новое слово, которое, как мне кажется, удовлетворяет некоторые запросы. Это существительное “интроцепция” с глагольной формой “интроцептировать”. Слово происходит от сочетания Форм “intro” в смысле “внутри”, “внутрь” и “серреге” — в смысле воспринимать, принимать, понимать. Следовательно, его первоначальный смысл — “воспринимать (понимать) внутренне”. Принципиальное значение, для которого я нахожу полезным использование этого термина, таково: “процесс или вид сознания, достигающий глубин аффективного проникновения”. Таким образом, это вид интуиции, возбужденной музыкой, поэзией и вообще изящными искусствами. Слова “понимание” и “перцепция” иногда приближаются к этому значению. Но такое употребление не соответствует распространенному значению этих слов. “Понимание” на самом деле связано с познавательной способностью, тогда как “перцепция” (восприятие) основывается на ощущении. Какую-то идею или концепцию можно понять; а какие-то показатели чувств в тонком или плотном смысле могут вызвать восприятие; но характер сознания, связанного с аффектами (чувствами), — нечто совершенно отличное как от того, так и от другого.

В принципе, внутреннее проникновение возможно через любой из этих трех основных видов сознания, но практически восприятие (перцепция) как комплекс ощущений редко является Путем в этом цикле развития. Человек в основном “проходит” через понимание или же интроцепцию как восприятие интуитивное, — в зависимости от того, какой из видов сознания у него преобладает. У большинства индивидуумов на начальном этапе этого Пути интроцепция или интуитивное восприятие более развито, чем понимание, и значит тот, кто желал бы непосредственно обращаться к наибольшему числу людей, должен обращаться к интроцептивному или интуитивному сознанию. С другой стороны, те, кто достиг значительного развития этой способности, вероятно, должны отличаться исключительным пониманием, по крайней мере, в некоторых сферах. Следовательно, тот, кто хочет оказать влияние на эту последнюю группу, должен обращаться непосредственно к пониманию.

* * *

Примечание: Впоследствии я расширил значение интроцепции для обозначения третьей функции сознания таким образом: “способность, благодаря которой Свет Сознания обращается на Себя самое как к своему Источнику”.

87. ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВОМ И ВРЕМЕНЕМ

Мы обязаны Шпенглеру тем, что он передал нам одно из самых ясных и важных свидетельств очень древнего и глубокого конфликта, который прослеживается даже в некоторых апокрифах о войне ангелов. Этот конфликт простирается через многие фазы человеческого сознания и ведет к истокам Самого Проявления, и человек преодолевает его лишь тогда, когда вновь оказывается в докосмическом Сознании. Он проявляется под разными масками и принимает различные формы, но наиболее ярко выражен в противоречии между пространством и временем.

Для обычного понимания пространства и времени представление о каком-то конфликте между ними вряд ли сколько-нибудь вразумительно, поскольку мы привыкли считать их чисто формальными предшествующими экзистенции категориями, которые совершенно не зависят от материи и сознания. Такое воззрение, однако, не согласуется ни с идеалистической философией, ни с теоретической физикой после эпохального вклада Альберта Эйнштейна, и именно потому, что его разделяют практически все, необходимо показать его несостоятельность, прежде чем приступить к рассмотрению конфликта между пространством и временем.

Кажется, уже достаточно ясно, что лично я не считаю пространство и время внеположными сознанию, но рассматриваю их скорее как виды и формы, которые детерминируют относительное сознание, определяют его роль, или, иными словами, создают подмости для драмы эволюции. Пространство и время не являются какими-либо внешними ограничениями Конечной Реальности; напротив, они ей имманентны и суть попросту исходные ограничивающие формы, которые служат цели ограничения сознания или природы, как она представляется человеческому сознанию. Первичные категории заключают в себе представление о пространстве и времени как на языке восприятия, так и на языке понятий или законов. Они лежат в основании логики, отношений, периодичности, причинности и т. п., но не являются равнозначимыми и равноценными для всех видов относительного сознания: некоторые из этих видов по своей природе почти (если не всецело) темпоральны, тогда как другие преимущественно (а быть может, исключительно) пространственны. Так, сознание восприятия (сознание перцептуальное) в целом находится в более тесной связи со временем, чем с пространством, хотя пространственное качество особенно сильно в чувстве света. Напротив, понятия в очень большой степени пространственны, и в своей более развитой форме по существу сводят время к какой-то пространственной протяженности. Теснейший синтез понятий и восприятия происходит в связи с чувством зрения или миром света.

Одно из проявлений конфликта пространства и времени достаточно очевидно в борьбе между восприятием и понятием. Мы уже показали, как этот конфликт привел к самому принципиальному разделению направлений в философии. Которое из них ближе к Реальности? Это очень старый вопрос, который не только разделял философов, но и вызывал конфликты между классами и группами, носителями силы (авторитета) того или иного рода. Старая борьба между религией и властью — одна из фаз этого разногласия, и она упорно продолжается даже в наши дни. Чтобы понять эту многовековую борьбу со всем ее практическим значением для счастья и благосостояния человека, необходимо определить ее первоисточки и уяснить их смысл. Для этого необходимо пойти дальше одного лишь первоначального понимания пространства и времени в их отношении к сознанию.

О времени речь идет, когда мы говорим о становлении, периодичности, жизни, рождении, разложении, эволюции, прогрессе, утрате, приобретении и т. д. — используя при этом множество терминов, так или иначе подразумевающих процесс. В основании же таких понятий, как: закон, целостность, принципиальное тождество причины и следствия, свобода от греха, вины или кармы, бессмертие, логика, исчисление, обратимое время и т. п. — лежит пространство. Трагическое время,

то есть время, которое едино с воплощенной жизнью, рождением, смертью, — необратимо и именно поэтому трагично: то, что случилось, нельзя отменить; неиспользованная возможность, предоставленная удобным моментом, упущена и канула безвозвратно; смерть полагает конец отношениям и т. п. Если бы реальность времени была безусловной, мы никогда не смогли бы подняться над трагической драмой бытия. В таком случае, разумеется, подлинной реальностью отличалось бы лишь творческое становление, но поскольку дополнительным аспектом всякого становления неизбежно является умирание, то радость становления неизменно сопровождалась бы смертным страданием, причем без всякой надежды когда-либо его разрешить. Шпенглер, со своей стороны, признает это трагическое свойство хронологического времени. Естественно, такая установка влечет за собой принципиальный пессимизм, но именно его гордо декларирует Шпенглер, утверждая, что откровенно принять пессимизм такого рода — во всяком случае, благородно и героично. Шпенглер со всей определенностью постулирует примат времени, и таким образом провозглашает его окончательное торжество в конфликте с пространством.

Контраст Шпенглеру составляют религиозные, научные и большая часть философских мыслителей, из которых наиболее выдающиеся — Будда, Шанкара и Иисус. Попытаемся определить их принципиальные точки зрения. Когда Гаутама пребывал в юношеском сне предающегося удовольствиям принца, толчком к пробуждению послужило то, что он стал свидетелем болезни, старости и смерти, в которых ясно увидел неизбежное следствие Становления. Он увидел также, что именно Становление, а не какой-либо из привходящих процессов в достижении так называемого счастья, является скрытой причиной несчастья или страдания. Отсюда: страдание — конечный итог временного процесса. Будда превзошел Шпенглера в понимании того, что мирская жизнь, Сансара, трагична в самом истоке, и относительно этой конкретной сферы сознания вполне последовательно избрал пессимистическую точку зрения. Однако в отличие от Шпенглера он отказался безропотно согласиться с этой трагедией. Он искал, и, в конце концов, нашел Силу, которая выше трагической сферы Сансары. Эта Сила — Состояние Сознания, превосходящее все, что под властью времени; на сегодняшний день оно известно нам под символическим наименованием Нирваны. Так вот, хотя и справедливо, что в самом высоком смысле сознание Нирваны превосходит и пространство и время, тем не менее, оно достижимо для человеческого сознания как нечто, отличающееся свойством, аналогичным пространству. Сознание Нирваны предполагает охват начала и конца одновременно, упраздняя тем самым трагическое свойство времени. Но по существу сам этот “охват” есть нечто пространственное. Кроме того, в дифференцировании уровней Нирваны также содержится принцип пространства. Мирской человек может достигнуть некоторой степени Сознания Нирваны, все еще оставаясь в пределах воплощенного сознания. Сама возможность такого достижения с одновременным сохранением корреляции между обоими планами Сознания предполагает некое частичное перекрытие одного вида сознания другим. Такое перекрытие неизбежно является принципиально пространственным, как это и обнаруживает тот факт, что попытки концептуального описания Нирваны по своему характеру пространственны, но никогда не временны, что попросту исключено. Будда принес весть Освобождения, Бессмертия. Поэтому в известном понимании он — оптимист. Но смысл промежуточной ступени, предложенной им человечеству, заключается в том, что Будда противопоставил трагический мир времени более могучему Пространственному Миру. Освобождение и Бессмертие — понятия пространственные, свободные от рабства времени.

Провозвестию Будды аналогичен смысл труда Шанкары, хотя его подход и методы — иные. Фактически Шанкара выдвинул понятие о монизме непрерывности — понятие пространственное — в противовес дискретности вселенной. Он постулировал непрерывную и неразрывную связь между душой (Атман) человека и Божеством (Брахман). Он однозначно отрицал реальность мира, состоящего из разрозненных частей, т. е. — видимой вселенной. Так вот, самое первое требование разрозненной множественности, несущей в себе трагическое свойство, заключается в тройком

делении времени — на прошлое, настоящее и будущее. В этом корень множественности и причина всех бед.

При всем широчайшем за последние века западного христианства развитии оптимистического отношения к мирской сфере остается справедливым, что подлинное провозвестие Иисуса было точно так же от мира Иного, как провозвестие Будды и Шанкары. Иисус неоднократно говорил: “Царство Мое не от мира сего”. Он никогда не утверждал, будто Бессмертие, Царство Небесное или Жизнь Вечную следует понимать как существование в мирской сфере. Временная власть, которая всегда особо центрирована на времени, безжалостно боролась против Иисуса и его последователей в течение нескольких веков. Он верно сказал: “Отдайте кесарево кесарю”. Но Он же и добавил: “А Богу — Богово”. И действительно, вызов, который Он бросил власти кесаря, оказался гораздо более грозным, чем любое вторгшееся войско. Войско могло бы и победить Рим, но это была бы лишь смена декораций для очередного проявления власти кесаря. Политические войны бессильны против самого ее принципа. Но именно этой основе власти и был брошен вызов Христа, поэтому усилия римлян искоренить все, что Он Собою олицетворял, были вполне обоснованы с точки зрения политического здравого смысла. (Тоталитарные правительства, как образчик дикого разгула и грубого произвола ничем не контролируемой политической власти (фашизм), в некотором специфическом смысле воплощают Антихриста: в них с исключительной наглядностью проявляется Дух, связанный временем. Такие правительства в неизбежной вражде с освобождающим Духом пространственного Сознания, но, в конечном счете, терпят крах, поскольку солидаризируются с меньшей властью). Христос готов был позволить кесарю поиграть с телами людей на краткий период времени, но Он зывал к человеческим душам, прекрасно понимая, что душа — единственное в человеке, что действительно имеет значение. Без власти над душами людей власть кесаря пуста и тщетна. Понимание этого объясняет, почему знаменитые честолюбивые властители-временщики так часто стремятся аннулировать божественные прерогативы. Кесарь преуспевает во власти над человеком лишь до тех пор, пока может привязать душу человека к телу, чтобы властвовать над ним, поэтому тот, кто может освободить душу, бросает вечное Зерно и оставляет кесарю одну лишь шелуху.

Иисус со всей определенностью бросал вызов миру времени, но для Него этот мир в значительной степени символизировался властью кесаря. Он предлагал Мир Иной, кардинальная характеристика которого — Бессмертие. Однако все подверженное течению времени смертно. Сущность времени — отрицание пространства, и неизменно лишь то, что неподвластно времени. Посредством самоанализа мы можем обнаружить в своем сознании нечто, что отличается устойчивостью и течению времени неподвластно. Этот факт, если его понять должным образом, является убедительным доказательством трансвременной (не временной) Реальности, кроющейся в основании человека. Иисус, как и его предшественники, просто стремился пробудить в людях признание этой трансвременной Реальности. Это Признание означает “новое рождение” и по его достижении тотчас уничтожает рабство в этом мире времени, включая и власть кесаря.

Всякая власть кесаря, как в частном политическом смысле, так и в форме военной диктатуры, есть по существу проявление власти времени. Ницше, один из провозвестников временной власти, ясно понимал это, и откровенно и агрессивно учил Антихристу. Он превозносил насилие воли во времени и ненавидел могущество христианского непротивления. Все правители, душа которых отождествлялась с политической властью, являются сознательными или бессознательными последователями Ницше, а все мужчины и женщины, которые воплощают нечто от христианского принципа, находятся в противоречии с ними.

* * *

В сознании, которое проявляется в примитивных формах, временной принцип доминирует. Это значит, что он преобладает в количественном отношении, так как под его властью не только большая часть человеческой жизни, но и вся дочеловеческая жизнь. В историческом смысле Шпенглер прав, когда он говорит, что пространственное понимание актуализируется лишь как плод культуры. Оно рождается и сохраняется в этом мире лишь с большим трудом. Но с другой стороны, оно располагает силой, которая, в конечном счете, побеждает. Превосходный пример силы пространственного принципа — космологическое обобщение сэра Исаака Ньютона. Ньютон дал исключительно мощный толчок концептуальному пониманию того, что вселенная находится под знаком закона. Бросая вызов тайне времени, которое держало человечество в рабстве до его дней, он в значительной степени способствовал Освобождению человеческого сознания. Значительный раздел природы, стоявший под знаком времени, теперь определенно оказывается побежденным человеком в результате пространственного понимания, введенного Ньютоном и ему подобными. Но и Ньютон был бессилён, как существо, принимающее участие в биологической жизни. Влияние массивной грубой силы, которая составляет основное орудие власти кесаря, легко оказалось бы фатальным для Ньютона и людей такого типа. Но наука, которой владеют эти люди, в проявлении ее необычной силы вызывает тревогу даже у современных кесарей. Адаптация пространственной силы к грубой силе грозит стать бумерангом, приносящим не победу, а взаимное уничтожение. Для прирожденного духа кесаря как типа изначально чуждо умение так владеть ключом пространственной силы, чтобы пользоваться ею безопасно. Ключом этим может эффективно владеть только особо развитый и редкий тип человека, который с точки зрения кесаревых шаблонов считался бы изнеженным и слабым. На более низком уровне это то же противоречие, которое было у Иисуса с политической властью его времени. Простой и святой Человек несколько лет бродил по дорогам Палестины и высказал немного слов, простых по форме, хотя и часто туманных по смыслу, а временная сила, орудовавшая жрецами, ненавидела его так, как ненавидела немногих, и делала все, что могла даже на протяжении веков, чтобы разрушить Животворящий Источник, воплощенный в его словах. Но власть кесаря со всем ее впечатляющим проявлением материальной силы была вынуждена уступить, пока формально не сдалась окончательно. Разве это не имеет огромного значения в обнаружении скрытого могущества пространственной силы? Правда, временная власть в форме принципа кесаря задним числом в какой-то мере берет реванш. В истории христианства это проявилось в видимой капитуляции кесаря, за которой последовала адаптация этой новой Силы к своим целям. В чистом виде Сила, символизируемая, с одной стороны, такими людьми как Христос, а с другой стороны — философами и учеными, духовна и проявляется интеллектуальными и моральными средствами. Впоследствии, когда путем “внедрения” власть кесаря обретает контроль над движениями, порожденными духовным импульсом, эти движения в значительной мере захватываются и застывают посредством оформления в выработанную обрядность, поклонение и условность. Акцент формальной религии ставится тогда на истории жизни Учителя, а не на самом смысле учения. Наконец кесарю удастся почти полностью захватить Силу пространственной власти и поставить ее на службу своим целям. Крайнее проявление этого мы находим в христианских войнах, которые кесарю удалось провести во имя Владыки Мира!

И все же при явной тактической победе временной силы, воплощенной в принципе кесаря, в стратегическом отношении она потерпела значительный урон. Вызванная кесарем новая сила фактически ему противоречит и, в конечном счете, ослабляет его. Никакая политическая сила на Западе не сравнится с властью Чингисхана, который был почти чистым воплощением временной силы в политической сфере. Ныне кесарь гораздо слабее, чем кажется. Только необходимость вынуждает его сдерживать свою волю перед лицом знания технических специалистов. Это означает, что сами специалисты вместе с интеллигенцией, стоящей за ними, владеют, в конечном счете, более высокой силой. Кесарь может бушевать и неистовствовать, но спокойное знание законов со стороны немногих острых и глубоких умов является роковой уздой для его влияния. Конечно, кесарь, как Самсон, обладает определенной силой, которой может воспользоваться, но, подобно Самсону, он

похоронил бы сам себя в этом окончательном разгроме. Так что в общем, если сравнить власть кесаря дохристианской эры с властью кесаря наших дней, поколебленной воздействием идей Иисуса, — воздействием, дополненным деятельностью философов и ученых, — мы найдем кесаря в гораздо более незавидном положении. Кесарь, располагающий ныне средствами гораздо более мощными, противостоит, однако, силам еще более высокого порядка, и по своему характеру не способен их преодолеть. Он может победить во временном смысле, уничтожить цивилизацию и вновь поработить человека, но он не способен понять, а потому не может и контролировать те силы, которые одни лишь могут привести к подлинно высшей культуре, когда человек достигает все большей и большей свободы.

* * *

В наши дни конфликт между пространством и временем особенно ярко представлен в борьбе между наукой и техникой с одной стороны, и политикой — с другой. Более того, поскольку власть денег по своей психологической природе ближе к технике, ее следует поставить в этом конфликте в один ряд с наукой и техникой. Экономическое мышление сочетает в себе и политический и научный дух. В прежние времена различие между бизнесом и политикой было менее выраженным. Но теперь, когда экономическое мышление с необходимостью проявляется в обстановке возрастающей технической сложности, возрастает также роль здравого смысла и надежности как условий успеха. Таким образом, мы являемся свидетелями эволюции финансового мышления в бизнесе, а власть денег становится все менее политической по своему духу. Есть глубокий смысл в этом конфликте, который следует понимать как вопрос жизненного и огромного значения в наши дни. Пространственная сила, будет ли она представлена религиозной философией, прикладной философией, наукой, техникой или экономикой в современном смысле, требует компетентности в использовании очень важного инструмента, а именно понятий, включая их адекватную вербализацию. Чтобы достичь понимания в любой из этих областей, в особенности тех, которые связаны с использованием более тонких и сложных идей, требуются многие годы тщательного дисциплинирования в использовании понятий и языка. И хотя необходима большая фантазия, как для понимания, так и для творческой деятельности, в более высоких сферах без обучения понятиям и языку любая фантазия бессильна. Необходимы корректность и точность в использовании понятий, иной раз — чрезвычайные. Даже при особой одаренности прирожденного таланта или гения в этих сферах необходимое умение достигается только благодаря самому напряженному усилию. Иной раз предпосылкой возникновения достаточно точного понятия является продолжительный труд со стороны весьма незаурядного таланта. Естественно, ценность столь жизненно важного и с таким трудом приобретенного инструмента почти священна. Ибо следует помнить, что без этих понятий никакое функционирование ни в одной из этих областей невозможно. Чтобы придать этому моменту более конкретную форму, я обращаю ваше внимание на тот факт, что машины нашего века невозможно было бы изобрести, затем привести в действие и поддерживать в работе без соответствующих понятий и без специалистов, которые овладели бы ими. Таких людей всего лишь какая-то горстка, но именно благодаря им возможен наш век машин. Напротив, грубая сила, которая далеко не является разумной, легко может остановить эту машину. В этом последнем факте кроется опасность для нашей цивилизации, которая уступает лишь опасности войны.

Временная сила для своего проявления не нуждается в тщательно разработанных понятиях. В форме политической власти грубая сила — решающий инструмент, который в свою очередь контролируется психологическими средствами. Психологическое же использование языка повинуетя совершенно иным понятиям в сравнении с научным языком. Верность и точность не имеет здесь никакого значения. Человек, использующий язык как психологическую силу, может быть крайне противоречив, идеи его могут иметь самое отдаленное соответствие предполагаемым целям, и, тем не менее, он может иметь большой успех. На самом же деле он приводит в действие определенную силу

путем использования какого-то эмоционального ключика. Такой человек может иметь определенную моральную установку и его личный мотив может быть великолепен, но его отношение к понятиям в лучшем случае аморально. С другой стороны, человек пространственной власти отличается высокоразвитым моральным чувством в отношении использования понятий. Естественно, его оскорбляет это политическое и психологическое использование понятий и языка.

Глубокое следствие такого разного использования понятий и языка состоит в том, что не может быть никакого взаимопонимания между властью политической и технической. На деле такое противоречие между двумя этими областями вполне может выражаться в неуловимой ненависти. Неизбежно, технические специалисты должны рассматривать контроль политической власти как вторжение чего-то низшего и явно враждебного. В результате политическая власть, получив преобладание, может раздавить и уничтожить плоды техники, но не в состоянии привести к дальнейшему и большему развитию, и еще менее — управлять им. (В связи с этим знаменателен тот факт, что в тоталитарных государствах, где политическая власть преобладает, самое значительное техническое развитие состоит в использовании технических инструментов в военных целях). С другой стороны, финансовая власть может обрести и обретает правящий контроль над техникой. Но причина этого в том, что, несмотря на поверхностные трения, между ними существует принципиальное взаимопонимание вследствие сходного отношения к понятиям и языку, а также их использованию. Эта вторая власть также не проявляет (в этом отношении) и сильного насильственного давления. Управление финансами на более высоких уровнях требует инженерного склада ума, а все инженеры, какова бы ни была разница в их специальностях, могут, в принципе, понять друг Друга. Так что для техники и власти денег есть возможность сотрудничать. Но представителей, как той, так и другой сфер глубоко возмущают пустые и в некоторых отношениях безответственные действия политического ума.

Один пример, быть может, принесет более четкое понимание непримиримого характера конфликта между техникой и властью денег с одной стороны, и правящей политической властью — с другой. Очень важное принципиальное значение для первых имеет правило, чтобы стандарты оставались неизменными. Такую неизменность можно рассматривать как определенную фазу фундаментальных понятий, благодаря которым только и возможно достижение контроля над изменяющимся и неизвестным. Поэтому для эффективного функционирования в этих сферах необходимо, чтобы стандарты не менялись, а если они меняются, то чтобы это происходило в соответствии с абсолютно определенной формулой, доступной для всех.

Вследствие этого произвольное политическое манипулирование стандартами имеет эффект грубого нарушения законов, так как подрывает всю структуру, которая зависит от тщательного учета. Продемонстрированная позиция политической власти в этом вопросе просто иллюстрирует, насколько невозможно достигнуть подлинного сотрудничества между правящей политической властью и техникой. Более того, это влияние гораздо глубже, чем просто личное противодействие. Политический ум совершенно неспособен понять нужды техники.

* * *

Мои собственные Постижения также подтверждают, что пространство является более значительной силой в сравнении со временем. Хотя самое глубинное Состояние из всех стоит гораздо выше как пространства, так и времени, существуют промежуточные этапы субъективного проникновения, на которых пространственность признается, тогда как время — нет. Но на некоторых других этапах к пространственности добавляется нечто вроде измененного времени. Знаменательно, что о Трансцендентном Сознании если и можно что-то сказать, то лишь с помощью таких слов, как “глубина”, “высота”, “погружение”, “внутреннее” и т. п. Слова эти и соответствующие им понятия

явно пространственного типа. Они не имеют никакого отношения ко времени. Правда, я использовал выше слово “проникновение”, а оно явно вызывает сопутствующее представление о процессе — свойстве временном. Но процесс не является какой-то частью содержания или свойства Самого Сознания. Здесь не подразумевается, будто это кажущееся проникновение действительно требует протекания времени. В метафорическом смысле неверно говорить о Познании как о каком-то событии, насколько бы оно ни казалось таковым с точки зрения относительного сознания. Я просто Пробудился к вечному Там, которое в некотором таинственном смысле есть в равной мере и Здесь, что не имеет абсолютно никакого отношения к становлению. Правда, самосознание, играя роль свидетеля, прошло через ряд отметок разных состояний и анализ их, и таким образом оно все же оставалось в какой-то временной сфере. Но свидетельствующее самосознание следует тщательно отличать от засвидетельствованного Первичного Сознания. Так вот, Первичное Сознание облекается в некотором смысле в Пространственную форму на уровне, где нет никакого времени. Под этим как будто подразумевается, что в сравнении со временем пространство отличается более окончательной силой.

Теперь уже должно быть ясно, что я утверждаю совсем иное положение, чем Шпенглер, который считал время отцом пространства. Шпенглер признавал, что всякое развитое сознание в принципе подобно пространству, а также понимал, что культура всегда обращалась против времени и воплощенной жизни с намерением победить их. Таким образом, венец всякой культуры вполне являет собой Будда. (Слово “Будда” имеет тройкий смысл. Общераспространенное понимание относит его исключительно к исторической личности, известной как Гаутама. Но в принципе оно означает “Озарение” в смысле Трансценденции или победы над миром. Все, кто сознательно отождествил себя с синтезированным недвойственным сознанием, являются буддами). Провозвестие Будды — это провозвестие Освобождения от всего жизненного процесса со всеми его трагедиями. Но Шпенглер допускает лишь временный успех для такого Провозвестия. Он полагал, что увидел поток временной жизни, в конце концов подмывающий это Освобожденное состояние и растворяющий его полностью в реке Становления. Несомненно, это так и должно казаться для сознания, ограниченного перспективой течения истории, поскольку все, что продолжает существовать для истории, непременно находится во времени. Однако Шпенглер был способен лишь отследить то, что еще не было побеждено пространством. Сознание, жаждущее чувственного существования, еще не побеждено, и все еще явно находится в рабстве у времени. Но более высокое Сознание, в котором это желание уничтожено, исчезло с исторического поля зрения. Никто из тех, кто говорит с точки зрения Шпенглера, ничего об этом не знают. С другой стороны, можно пробудиться к уровню Сознания, на котором Осознавший может Узнать, что именно Будда, а не Шпенглер олицетворяет принцип окончательного Триумфа.

С точки зрения относительного явно кажется, что выигрыш Силы Освобождения в количественном отношении до сих пор довольно ограничен. Но не следует забывать, что выигрыш этот абсолютен, ибо Освобожденная Душа уже вне юрисдикции времени, тогда как сознание, привязанное к временным делам, всегда подвержено наступлению Силы пространственного Освобождения. Принцип кесаря как дитя времени подвластен Немезиде, тогда как пространственная сила — нет. В этом основание для глубокого оптимизма, который позволяет с определенностью заявить, что, в конечном счете, все души освободятся от рабства времени.

* * *

Я развил данный тезис в плане конфликта или борьбы между двумя принципами. Очевидно, это оправдано только с относительной точки зрения, поскольку именно так это представляется во временном потоке. С метафизической же точки зрения не нужно добиваться никакой победы, ибо Первичное Сознание в действительности никогда не было связано. Связанность временем — эффект,

существующий лишь для относительного сознания. **Достижение** Состояния Освобождения имеет смысл для сознания, осознающего себя, но не для Первичного Сознания, которое, подобно пространству, не затрагивается наличием или отсутствием событий.

Пространство остается Высшим Божеством, которое в любом смысле познаваемо, каким бы смутным ни было знание. Высшее — вечно непознаваемое, объято непроницаемым Мраком, Безмолвием и Пустотой.

88. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ

16 ноября

Вот уже сто один день с того великого дня Невыразимого перехода и три месяца с тех пор, как я начал свои записи, которые теперь подходят к концу. Это был самый необыкновенный период для автора. Он узнал, что значит войти в Состояние совершенной Полноты; где мучившие душу проблемы находят свое разрешение; где Радость неизреченная; где пребывает достоверное и точное Знание; где можно познать Общение, приносящее ценность глубокого Единения; и где подлинное Освобождение. Ныне он знает с непосредственной достоверностью, что в шелухе этой внешней жизни сокрыто Зерно чрезвычайно удовлетворяющих Ценностей. Он нашел решение великой метафизической проблемы, и Поиск всей жизни был для него завершен.

Остается кое-что сделать. Есть почти невообразимо огромные сферы знания ниже этого непостижимого Познания и в нем самом, и для раскрытия этих возможностей нужны века. Есть дело — оставить запись, чтобы оказать какую-то помощь другим — тем, кто также стремится пройти этим путем. Эта книга и является частью такой работы.

* * *

Кажется, настало время сделать общий обзор прошедших ста дней, чтобы создать основание для оценки того события, которое я назвал Невыразимым Переходом. Ценность этого Перехода для моей внутренней жизни несомненна, и я полагаю, это очевидно для всякого, кто прочел эту книгу. Я не устану повторять, что обретенная мною Ценность превыше всех прочих. В относительной жизни нет для меня уже ничего, что могло бы хоть в малой степени вызвать желание отворотиться от Трансцендентного Мира, хотя некоторые фазы внешней жизни все еще более приятны, чем другие. Я хочу, чтобы все Познали то, к чему пришел я, и если смогу быть полезен в этом, то буду рад сделать все, что в моих силах. Но весть, которую я нес, будет от иного Мира, иной Жизни, а не просто о каком-то возможном улучшении жизни в мирской сфере, и в этом мое собственное убеждение вполне согласуется с центральной темой Провозвестия Иисуса. А именно — что человек должен Родиться вновь и вступить в истинную Жизнь, в иное “Царство”, т. е. на иной уровень сознания. Но я хочу еще раз повторить то, что уже говорили другие: вовсе не нужно умирать в физическом теле, чтобы родиться вновь в этом Ином Мире. Кажется несомненным, что пока человек занимает тела, построенные из плотного материала этого плана, он может сознать Трансцендентный Мир лишь в сумеречном свете. Плотная материя представляет слишком большое сопротивление для такого Сознания, чтобы не быть чем-то вроде барьера. Тем не менее, благодаря частичному очищению материалов, входящих в состав сложной человеческой формы, можно достигнуть разной степени перекрестного соотнесения между Трансцендентной и внешней, относительной жизнью. Тут мы подошли к вопросу, который для своего решения требует проявления самого глубокого различия. Позвольте мне вкратце обсудить эту проблему.

Чем плотнее облачение человека, тем глубже он может спуститься в сферу зла, мрака и помраченного сознания без опасения для продолжения существования на этом плане жизни. Но верно и то, что чем плотнее одеяние материи, тем значительнее изоляция от Потока Высшего Сознания. И с другой стороны — чем более утонченным является человеческое тело, тем легче ему служить проводником Трансцендентного или Космического Сознания. При прочих равных, наивысшего возможного соотношения достиг бы человек, тело которого было бы настолько тонким, что едва было бы способно продолжать жизнь на этом плане. Тут-то мы и видим действие двух противоположных принципов, между которыми должно быть достигнуто рабочее равновесие, чтобы это сознание иного Мира могло отличаться какой-то степенью объективного проявления. Записи случаев Космического Сознания демонстрируют, что равновесие это должно было достигаться на совершенно разных уровнях.

В западном мире Плотин, кажется, владел самым значительным сознательным управлением внутренним проникновением. Но он жил в уединении и отличался такой глубокой неприязнью ко всему плотно-физическому, что, говорят, даже стыдился, что обладает физическим телом. Он передал свои ценности миру посредством своей философии и через немногих личных учеников. На другом полюсе — такой человек, как Уолт Уитмен, который откровенно любил физическое и долгое время жил в совершенно противоположной среде. Уитмен явно способен был делать то, что было совершенно невозможным для Плотина. Но, с другой стороны, у Плотина Свет проявляется с гораздо большей ясностью, и он, в отличие от Уитмена, был способен сознательно проникать в эти внутренние состояния.

Какое из этих двух достижений является большим благодеянием для мира? Не думаю, чтобы на этот вопрос был какой-то абсолютный ответ. Все зависит от нужд времени, того слоя человечества, на который оказывается влияние, и от врожденных способностей индивидуума, достигшего Космического Сознания. Один способен на гораздо более широкий непосредственный человеческий контакт, а другой может проявлять Свет с гораздо большей чистотой и полнотой, но в состоянии достигнуть лишь сравнительно немногих, которые лучше подготовлены. Итак, нужны оба.

Что касается меня, то в настоящее время я еще не утвердился в рабочем равновесии. Чем лучше соотношение с Внутренним, тем труднее переносить грубые мирские силы, которые иногда проявляются в настолько завуалированной форме, что с трудом поддаются описанию. Если же я, напротив, укрепляю себя так, что могу легче переносить эти силы, то обнаруживаю, что внутренняя ясность заметно помрачается. Я склонен удалиться в пустынные места и действовать оттуда. Какое именно рабочее основание более целесообразно и желательно, еще неясно. В настоящее время, хотя я живу в частичном уединении, но в психической атмосфере огромного центра популяции нахожу трудным преодолевать влияние мирской силы — это является бременем даже для физического организма. Сумею ли я укрепить внешний план, не нарушив чувствительности к Внутреннему, покажет время. Лично я лишь с великой неохотой принял бы помрачение внутренних способностей ради того, чтобы расширить сферу прямого личного контакта. Чтобы принять этот путь, я должен быть убежден, что социальные ценности, достигнутые таким образом, будут того стоить.

В течение трех месяцев мои усилия были почти полностью сосредоточены на проблеме выражения внутренних событий в письменной форме, и, как можно было ожидать, основные объективные следствия Перехода отразились именно на способностях, проявляемых в такой работе. Я обнаружил заметное возрастание понимания и интроцепции. Мне никогда не удавалось за такое короткое время написать столь многое, к тому же имея дело с понятиями, почти не поддающимися определению. Я чувствую, что в моем сознании зарождается некая новая форма концептуального понимания, но оно недостаточно осязаемо и ускользает от четкого определения. Сомнительно, чтобы существующие вербальные конструкции и даже логика могли служить ему облачением. Если наши привычные концепции считать “гранулированными” и поддающимися определению, то этот новый вид

понимания можно назвать текучим или функциональным, не имеющим четких границ. Насколько я могу выразить, это выглядит примерно так: какая бы мысль ни зарождалась в сознании, тут же получает признание противоположная идея; тогда первоначальная идея обретает свойство какой-то текучести, что как будто приводит к уровню, который синтезирует ее и противоположную идею. В этом есть что-то от диалектической формы Гегеля, но это не движение по ряду отдельных триад, а скорее — непрерывный, текучий процесс. В некотором отношении этот концептуальный поток походит на завихрения в сознании, поскольку во всем этом есть что-то вроде “выворачивания наизнанку”, происходящего постоянно. Пока я не пытаюсь выразить эту “синтезированную” мысль, она сохраняется в ясности высокого порядка. Кажется, что она не противоречит логике как таковой, но как будто требует новых, еще не признанных ее законов. Когда же я пытаюсь придать этой мысли формулировку, у меня возникают трудности. Она стремится ускользнуть, а я нередко чувствую что-то вроде начинающегося головокружения. При этом, как бы я ни старался, меня не покидает ощущение, что то, о чем я пишу или говорю, верно лишь отчасти. Таким образом, сентенции такого рода в одно и то же время и открывают и скрывают истину. Это отнюдь не открытое Море для мышления, если пытаешься сохранить соотношение с внешним сознанием.

Если я и достиг какого-то успеха в навигации по такому “проливу” между Морем Сознания и относительным сознанием, то этим я весьма обязан годам занятий высшей математикой. Часто я чувствую искушение обратиться к сравнительно “зачаточному” поэтическому выражению, где концептуальные требования менее настоятельны.

Это усилие повлекло за собой предъявление довольно значительных требований к физическому организму. С самого начала своих записей я едва существовал в сфере действия и ощущения. Вследствие этого они были обеднены, но потом многое перепало и на их долю за счет Перехода. Это просто иллюстрирует важность эффекта сосредоточения. Высшее Сознание в большей или меньшей степени бесформенно и по своему характеру является всеобщей силой, которую можно сделать действенной в любом направлении, куда бы Ее ни устремляли. До сих пор я сосредоточивался в основном в сфере мысли и соотношения сознания; и вполне естественно, что именно в этой области и были отмечены основные эффекты. Я сам сознательно выбрал такой путь, так как это область, к которой естественно тяготеет мой интерес. У других же, с иной конституцией, этого бы не было.

* * *

В заключение я хочу выразить свою высокую признательность Той, которая шла вместе со мной в этом поиске древнего, но вечно нового Мира; того Мира, который является в то же время и Источником, и последним Домом всех существ. Завершенное человеческое существо есть мужчина и женщина вместе, но на этом объективном уровне познания подлинная гармония этих двух начал не бывает воплощена в одном. Так что в этом мире самое лучшее, чего можно достичь, одним не достигается. Мужчина и женщина по природе своей отличаются друг от друга особыми способностями, и то, что явно верно здесь, имеет свою высшую аналогию в более высоком Мире. Тогда как естественное побуждение мужчины — страсть к Свободе, женщина глубже понимает и лелеет форму. Этому ее дару соответствуют великие принципы Освобождения и Сострадания. Природе исключительно мужского принципа ни в коем случае не свойственно отвращаться от Освобождения на простор великий и вольный. А женская природа никогда не забывает о нуждах воплощенной формы. Это именно Женщина в таких Мужчинах, как Будда и Иисус, сделала их Учителями Сострадания, а Мужчина в них сделал их победителями Мары. Освобождение какой-то индивидуальной души есть лишь частичное достижение, ибо благо единиц не есть освобождение человечества. Об этих-то других мужчина может легко забыть, но женщина не забудет никогда.

В течение многих лет Шарифа никогда не позволяла мне забыть безмолвного взывания страждущих душ, тогда как, предоставленный самому себе, я согласен был бы соединиться с одним лишь Пространством. Таким образом, если в тот последний момент, когда сознание Освободилось в Высокой Беспристрастности, и было слишком поздно принимать какое-то подлинно новое решение, ибо Там нет никаких желаний, — то решающими для моего возвращения к деятельности были именно слова и любовь Шарифы, которая никогда не забывает о других. В этой книге есть небольшое стихотворение о Сострадании, которому я дал слова, а Шарифа — Душу. Вполне вероятно, что сам я никогда не позаботился бы воплотить в слова то, что здесь написано, а скорее уплыл бы в Сознание, дающее Высшее Удовлетворение. Так что если эта книга имеет ценность для других человеческих душ, если благодаря ей и другие странники отправятся на поиски Великой Жемчужины, то пусть они благодарят больше всего Ту, которая никогда о них не забывала. И хотя я и использовал в этой работе определенное умение и преимущества образования, но был слишком уж склонен держаться в стороне и не прилагать усилий. Однако сострадание, излившееся из ее сердца, никогда бы не допустило этого. Так что эта книга выходит как наш общий дар тем, кто душою, утомленной и истомившейся в сетях и лабиринтах Сансары, предчувствует Свет.

Пусть Мир и окончательная победа придет к тем, кто, увидев пустоту жизни внешней, жаждет Жизни Вечной. ОМ ТАТ САТ

● ДВА ГОДА СПУСТЯ

Немногим более двух лет прошло со времени завершения, написанного до сих пор. Хотя моим намерением была немедленная публикация, тем не менее, по тем или иным причинам ее каждый раз приходилось откладывать. Но с другой стороны это обстоятельство оказалось удачным, поскольку такая отсрочка предоставила мне возможность взглянуть на весь этот цикл с точки зрения временной дистанции. В результате сейчас я могу дать более объективную оценку всего происшедшего, чем в то время, когда я был захвачен свежестью нового Присутствия. К тому же я посвятил значительное время поиску восточной и западной литературы, имеющей отношение к метафизическим состояниям сознания. Как я уже отмечал, в этом Преображении были некоторые новые черты, к которым предшествовавшее изучение меня не подготовило. К счастью, благодаря недавним переводам и публикациям извлечений из Северного Буддийского Канона, попавшими мне в руки за этот промежуток времени, я получил нечто вроде объективного подтверждения Преображенного Сознания. Я полагаю, что краткое изложение этой оценки и этого подтверждения будет ценным для заинтересованного читателя. Так что я включаю их как приложения к этой книге.

Вполне естественно, что западный ученик, воспитанный в естественнонаучной традиции, потребует научного подхода к любому материалу, который он намерен серьезно обсудить. К несчастью, непосредственные или сокровенные элементы сознания не поддаются такому подходу, так как наша наука ориентируется исключительно на объективный материал. Ценность и смысл — суть такие элементы сознания, которые нельзя наблюдать. Их можно осознать путем интроцепции, но это абсолютно частное дело каждого. Невозможно с помощью западного научного метода наблюдать внутреннее сознание какого-либо индивидуума иначе как внутреннее сознание самого себя. Объективное поведение индивидуума, который заявляет о реализации какого-то необычного внутреннего состояния сознания, можно наблюдать в научном смысле, но только самый грубый

экстраверт стал бы утверждать, что эти внутренне реализованные ценности и смысл можно измерить и адекватно оценить путем изучения наблюдаемого поведения. Так что вопрос подтверждения или опровержения любого засвидетельствованного внутреннего состояния сознания полностью выпадает из сферы методологической техники западной науки. Однако я могу лишь посочувствовать нежеланию критически настроенного западного ученика принимать заявления относительно мистических состояний сознания на основании одной лишь веры. Со своей стороны, я ни от кого не требую слепо верить, я прошу лишь быть непредубежденным. Единственным окончательным подтверждением может быть только непосредственное осуществление. Все, что я или кто-то другой можем сделать, — это построить какое-то допущение, которое будет достаточным, чтобы привести ученика к поиску личного подтверждения. Это последнее заявление определено верно в отношении ученика, который подходит к этому предмету исключительно в духе критически-интеллектуальном. Если же, с другой стороны, искатель пожелает рискнуть на основе веры в духе истинного первоисследователя, для него можно сделать нечто большее. В тексте я говорил о влиянии индукции или “заразительности”. С тех пор у меня был довольно обширный опыт в отношении этого влияния, и я даже нашел его более мощным, чем предполагал тогда. Во многих случаях, когда я спонтанно или сознательно входил в поле этого Потока, чуткие индивидуумы, присутствовавшие при этом, в той или иной степени вовлекались в то же Поле. Я обнаружил несколько письменных свидетельств об этих индуцированных состояниях, и во многих случаях был удивлен их мистической глубиной. Я располагаю множеством описаний, которые ничуть не уступают тем, что приводятся у Бекка в “Космическом Сознании” или у Вильяма Джеймса в “Многообразии религиозного опыта”. Вот и метод индивидуального подтверждения, который соответствует некоторым требованиям научного контроля.

Но строго научная методика требует, чтобы сам наблюдатель стоял в стороне от того, что он наблюдает. Как известно, для многих целей эта отстраненность действительно имеет огромное значение. Но этот принцип вполне применим лишь в отношении строго научного материала, но ни в коем случае не к содержанию самого внутреннего сознания. В этом последнем случае наблюдатель должен стать собственным Объектом. Далее, он должен допустить для себя в качестве наблюдателя занимать более низкое положение в сравнении с Собой наблюдаемым. Вероятно, это покажется некоторым ущемлением гордости научного ума, ибо типичный ученый отличается явным комплексом превосходства относительно своей способности наблюдения. Едва ли возможно для чисто научного ума обрести в этом отношении подлинное смирение. Однако при наличии такого Смирения становится возможным исследовать даже Трансцендентный Уровень Сознания.

Но даже для стороннего наблюдателя я нашел, по крайней мере, одно любопытное явление, связанное с внутренним содержанием сознания. Это феномен психофизического жара, на который я обратил на внимание в первые же дни после Перехода. Я чувствовал Огонь как Присутствие, но благодаря отождествлению себя скорее с этим Огнем, чем с организмом, сам редко испытывал физическое ощущение тепла. Огонь сам для себя не горяч, но те, кто был рядом со мной, очень скоро начинали отмечать ощущение тепла, иногда настолько сильное, что оно становилось для них не таким уж комфортным. К этому феномену я не был подготовлен предшествовавшим обучением. С тех пор я нашел несколько упоминаний о нем в тибетском буддизме, но там это была сознательно развиваемая способность в целях весьма практических — защиты от сильного холода. Аскеты, живущие в пещерах выше полосы лесов, должны были иметь какую-то защиту от холода и гибели. Но у меня не возникало и мысли стремиться к этому феномену, так что он был абсолютно спонтанным. Примечательно, что этот эффект испытывали главным образом те, кто был вблизи меня, а не я сам. Далее, это не какая-нибудь галлюцинация и не следствие внушения. Часто наблюдалось заметное покраснение или капли пота. Вдобавок тело такого субъекта становилось горячим на ощупь. Это, однако, странное тепло. Для руки поверхность тела может и не казаться явно теплой, скорее это

чувствуется в предплечье, немного выше запястья. Я чувствовал подобное тепло, когда касался зажима высокочастотного тока. Сам зажим казался холодным, а рука остановилась теплой.

Так вот, в этом эффекте психофизического тепла есть нечто, заслуживающее научного изучения. Что это такое? В чем его причина? Что касается меня, то я убежден, что здесь мы находимся в присутствии проявления Либидо в том смысле, в котором этот термин использовал д-р Юнг в своих последних трудах. Но к своему удовлетворению я убедился, что это сила, которая подвластна значительному сознательному контролю. В тибетских руководствах по йоге для развития этого феномена приводится довольно сложная техника, отчасти состоящая из принятия определенных поз и некоторых дыхательных упражнений. Есть там также довольно сложные ритуалы и целый перечень соответствующих зрительных представлений. Для меня все это оказалось ненужным. Часто побудительной причиной бывала довольно отвлеченная философская дискуссия. Появлялся эффект тепла, и большинство присутствовавших испытывали его. Что касается меня, то сам я часто даже не замечал этого явления, заботясь лишь о содержании развиваемой мысли. Раньше на философских дискуссиях, на семинарах или в университетских философских клубах я никогда не испытывал ничего подобного и не слышал, чтобы кто-нибудь свидетельствовал об этом. Нет, тепло это является индикатором присутствия чего-то большего, чем просто новое содержание сознания. Я повторяю: это нечто такое, что можно наблюдать и следует изучать.

* * *

В настоящее время, через два с половиной года после знаменательного дня 7-го августа, Врата Сознания, которые тогда отворились, все еще остаются открытыми. Однако есть некоторая разница.

Вначале Высшее Сознание занимало положение основного фокуса моего индивидуального сознания. Теперь же Оно больше походит на некоторую периферическую матрицу за основным фокусом осознания и вокруг него, а этот фокус в свою очередь большую часть времени занимает что-то вроде промежуточной зоны между относительным и неотносительным. Я в состоянии обращаться как в ту, так и в другую сторону, но никогда уже не бываю настолько полно, как прежде, занят тем или иным видом сознания. В беседе о Высшем Сознании, даже когда я пребываю в Потоке, мое личное сознание больше занято проблемой ситуации, чем непосредственными ценностями самого Высшего Сознания. Подходящее для такого функционирования физическое состояние требует очень тонкого равновесия и определенного волевого усилия. То есть в таких случаях никоим образом не может быть никакого самоотречения ради эмоциональных или интеллектуальных ценностей сознания. Я располагаю несомненными свидетельствами, что многие, поступая именно так, обрели явно более высокие ценности. Лишь иногда я испытывал состояния, граничащие с экстатическим трансом, обычным же является переживать экстатические или духовные ценности без всякого транса. Работая на кафедре, я явно меньше попадаю под действие экстаза, чем некоторые студенты. В таких случаях деловое рабочее усилие занимает гораздо большую часть моего личного сознания.

Я вижу, что Высшее Сознание отчасти спонтанно, а отчасти находится под контролем воли, которую я могу направлять. Переход от относительного к не относительному функционированию довольно тонок. Предварительным условием является покой эмоций. Любое заметное нарушение моего эмоционального состояния сводит к нулю весь мой контроль. Однако восстановить равновесие не составляет труда. Все, что требуется, — это некоторое усилие воли, которое быстро снимает эмоциональное возбуждение. Тогда для установления принципиального покоя и непривязанности необходимо лишь переключение фокуса сознания.

Нужно, как будто, только намерение сделать это плюс, соответствующее приложение воли. Я вижу, что описать этот процесс в деталях абсолютно невозможно, но в этом нет ничего удивительного, так

как я в равной мере оказываюсь неспособен описать процесс возбуждения мышц руки, когда я стремлюсь выполнить какую-нибудь физическую работу. Гораздо легче двинуть рукой, чем описать все физические процессы, входящие в это действие. По моему, положение тела или любых его частей не играет абсолютно никакой роли, просто телу должно быть достаточно удобно, чтобы не отвлекалось внимание. Я не обращаю никакого внимания на дыхательный процесс. В самом деле, те эксперименты, которые я проделал с тантрическими методами, были почти безрезультатны. Я также нахожу совсем ненужным распевание манто, хотя при случае я с успехом пользовался некоторыми мантрами, но следует отметить, что только мантры, передававшие смысл, с которым я уже согласился интеллектуально, имели какую-то ценность. В общем, когда я пользовался этим методом, то убедился, что наиболее эффективны те афоризмы, которые я составлял сам.

Иногда поворот этого “переключателя” происходит без всякого намерения со стороны моего личного сознания. При размышлении, чтении или беседе о Высшем Сознании это чаще происходит, чем нет. Иной раз я настолько занят содержанием данной мысли, что другие сознают этот поворот прежде меня. Я могу продолжать этот процесс мышления и после такого поворота, но мысль принимает более значительную глубину, хотя скорость ее оформления заметно замедляется. Возникает необходимость “идти потише”, чтобы избежать нарушения очень тонкого равновесия.

Обратное переключение от неотносительного Сознания к относительному функционированию также находится под моим контролем, но процесс “нисхождения” является более постепенным. В этом есть нечто сходное с остаточным магнетизмом. Кусок железа можно почти мгновенно намагнитить, пропуская электрический ток по проволочной спирали вокруг него, но некоторая степень намагниченности может какое-то время оставаться и после выключения тока.

Поле Высшего Сознания предъявляет некоторые требования и к организму. Что-то вроде рабочего усилия влечет за собой в результате неуловимо тонкое утомление. Мудрость требует, чтобы такое усилие ограничивалось психофизическими ресурсами организма. Однако я должен сказать, что мой общий физический тонус в настоящее время намного выше, чем два года назад.

Я предпочитаю пользоваться методами, которые открыл или видоизменил сам. Не могу сказать, является ли это общим правилом или же особенностью моей психической организации. Во всяком случае, я вижу, что вопрос техники весьма индивидуален.

Что касается локализации моего личного сознания, то оно как бы находится в очень уединенном месте. В некотором смысле я нахожусь между двумя мирами, один из них — Царство Экстаза, другой — мир скорби. Последний есть мир обычного сознания. Я проникаю взором в этот низший мир гораздо яснее, чем когда-либо прежде. Я вижу такую нечистоту, которую вряд ли раньше мог себе представить. Эмпирическая человеческая природа — ужасно несовершенная вещь. В самой сущности всякого человеческого существа есть Драгоценный Камень, но очень часто он сокрыт грязной оправой. Драгоценность эту следует ценить и уповать на нее, а не на внешнюю человеческую природу. Видеть все реально — очень мучительно, и я не рекомендую такого видения тому, кто высшие ценности полагает в своем личном удобстве. Это было бы поразительно для того, кто не имел никакого проблеска видения той Драгоценности, если, конечно, он не любитель грязи. Единственное, что говорит за такую жизнь между мирами, это предоставляемая здесь возможность что-то сделать с этой грязью. Внутренний Огонь способен настолько преобразить физическую грязь, что и она может стать сопричастной той Драгоценности. Весьма знаменателен тот факт, что бриллиант химически — то же, что и зола, и что рубин есть соединение самого обыкновенного металла и самого обыкновенного элемента, которые являются основными компонентами самой обычной глины. Это уединенное место — место скорби и Радости. Оно объединяет качества, которые имеют склонность разделяться, и позволяет изливать Радость, приемля в то же время дар скорби.

Бесполезно делать вид, что эта функция уютна, хотя это и приносит глубокое удовлетворение. Вовсе не уютно видеть, как люди сеют семена скорби, когда иная радостная Жизнь у них прямо под рукой и только ждет своего признания! Совсем не уютно стоять и ждать, пока скорбь и страдание сыграют свою очищающую роль. Совсем не уютно противиться желанию оставить навсегда этот пустой и мрачный мир. И все же, что еще можно поделать, когда знаешь, что располагаешь средствами освобождения, которые могут изменить состояние немногих или даже многих, кто примет их?

* * *

В тексте я уже отмечал, что в Постижении, которое я назвал здесь Высокой Беспристрастностью, было реализовано такое Сознание, к которому я не был подготовлен даже теоретически. Единственная форма представления, которую я нашел сколько-нибудь адекватной этому Состоянию, ставила Нирвану в соответствие с объективной вселенной, т. е. Сансарой; тогда как прежде я был убежден, что Нирвана — это абсолютно безотносительное состояние. Мое интуитивное восприятие на уровне этого Высокого Познания было очень ясным, но интеллектуально я жаждал подтверждения. Поиски в прежних источниках закончились неудачей, и лишь позднее, когда я получил тибетскую “Книгу мертвых”, “Тибетскую йогу” и “Тайную Доктрину”, изданные Эвансом Венсом, и “Библию буддизма”, изданную Дуайтом Годаром, я, наконец, нашел то подтверждение, которое искал. Совершенно очевидно, что буддийское Озарение не тождественно Нирваническому состоянию, которое есть просто противоположный полюс объективного сознания, а является еще более глубоким Сознанием, которое ни объективно, ни субъективно. В настоящее время мне кажется, что простая логика может ясно показать, что это окончательное Сознание Синтеза не может занимать полярное отношение к объективному миру. Это должно быть то, что в равной мере включает или аннулирует оба полюса, заключая в себе, таким образом, как субъективность, так и объективность. Однако в свое время мне не удалось вполне разобраться в своих мыслях по этому поводу, и я, таким образом, вынужден был ждать реального Осознания прежде такого открытия. Как много времени пропало из-за интеллектуальной лени!

Окончательное Сознание Синтеза выше мышления, чувства, ощущения и интуиции, но зависит от функции иного рода, которая просто не признается в западной психологии и философии. Буддийское наименование для этого вида сознания — Дхиана, что гораздо больше, чем “медитация” (размышление) в обычном понимании этого термина. Это скрытая функция сознания, которая до сих пор редко бывала активной у людей. Ее изучение абсолютно вне сферы понимания методики западной психологии, поскольку последняя ориентируется скорее на наблюдение, чем на интроспекцию. Но можно соответствующими средствами пробудить Диану к действию, и в ней-то одной и есть Врата Озарения. Действие Дхианы — это тайна. Инструкции по практике Дхианы существуют, но все это лишь вспомогательные средства, которые могут быть полезны для одного психологического типа и совершенно не помогают другим. Просто невозможно описать основные законы, направляющие действие Дхианы, а косвенные вспомогательные средства, которые срабатывают для какого-то одного психологического типа, может быть, придется радикально изменить применительно к другому.

Психическая структура индийцев, и особенно китайцев, коренным образом отличается от нашей. Отсюда, простой перенос на Запад методик, успешных на Востоке, будет использованием “того” метода не с “тем” человеком. Только сочетание “того метода” с “тем человеком” работает. Это означает, что для Запада вся проблема создания эффективных косвенных средств должна решаться в новых терминах, на новом языке. Мы должны воспользоваться способностями, которые больше всего раскрыли, а не ставить себя в зависимость от тех, которые, будучи сильно развиты на Востоке, у нас — слабы. На сегодня это ведущая проблема.

Но хотя проблема метода меняется в соответствии с типом и даже индивидуумом, тем не менее, цель — вечно одна и та же. Не нужно быть мистиком, чтобы понять, что так и должно быть. Сам факт, что мы инстинктивно объединяем всех людей, называя их человечеством, и всех существ в общем понятии живого, обнаруживает неосознанное признание единства, кроющегося в основании всего этого. И только вследствие этого единства люди могут общаться друг с другом и быть понятыми вообще. Таким образом, должен быть какой-то общий знаменатель, и всякий, кто найдет этот общий знаменатель — не важно кто бы и где бы он ни был — найдет одно и то же. Этот Общий Знаменатель и есть Цель Дхианы.

Неизбежно Общий Знаменатель безымянен, поскольку подлинное наименование всегда подразумевает определение. Его можно представить символом, но такой символ просто указывает на неопределимую Реальность. Такая необходимость должна также быть ясной, ибо определение есть лишь то, что можно постигнуть мышлением, и, следовательно, оно меньше мыслительной способности. С другой стороны, То, что постигает саму мыслительную способность, а равно и все прочие функции сознания, всегда выше каких бы то ни было функциональных ограничений. Существует несколько символов Безымянного. В первую очередь я назвал Его Высокой Беспристрастностью. Впоследствии я называл Его “Сознанием без объекта”, которое есть также “Сознание без субъекта”. Но никто не может реально мыслить такое Сознание, ибо тогда Оно тут же стало бы объектом — чем-то, постигаемым субъектно-объектным сознанием. В буддизме Оно известно как Шуньята, и это по-разному переводилось как Пустота или То. О Нем часто говорят как о Дхармакайе. Китаец символизирует его словом Дао. Быть может, таким же хорошим символом, как и другие, является пространство, если имеется в виду то пространство, на которое не влияет присутствие или отсутствие в нем какой-то вселенной. Таким образом, пространство эйнштейновской относительности не могло бы служить подходящим символом, поскольку на него оказывает влияние присутствие или отсутствие концентрации материи.

Опознание Общего Знаменателя под разными символами по большей части есть дело интуиции, но этому помогает наблюдение за тем, как именно они используются и что при этом говорится относительно соответствующего Сознания. Я очень легко нашел, что как Дао, так и Шуньята имеют то же самое символическое соответствие, что и “сознание без объекта и субъекта”. Но хотя я вполне согласен с основной сутью Даоистского и Буддийского Озарения, я часто нахожу логические подходы людей Востока далеко не убедительными. Есть основания приписать многие из этих затруднений специфической организации китайского ума, так как, насколько мне известно, все самые глубокие буддийские философские утверждения сначала были переведены с санскритского на китайский или тибетский, а английский перевод был сделан с того или иного из них. Так вот, концептуальные процессы китайцев в корне отличаются от наших. С одной стороны, они включают в себе гораздо больше чувственного богатства, чем наш концептуализм; но с другой стороны им в особенности недостает понятий, необходимых для абстрактного мышления. По Линь-Ю Цзяню, у китайцев никогда не была развита высшая математика, да и не могла быть развита без радикального изменения китайской концептуальной основы. К тому же китайский гений, в отличие от индийского, всегда был слаб в отношении метафизики. Что же, в таком случае, должно было произойти, когда оформление венца интуиции самой метафизической из рас переводится на китайский язык? Кажется неизбежным искажение мыслимого смысла. Затем, когда в завершение всего этого происходит дальнейший перевод с конкретного китайского представления в абстрактную форму западного языка, кажется неизбежным искажение самой сути.

При непосредственном переводе с санскрита проблема не столь велика, хотя все-таки существует трудность, возникающая из перекрестной передачи духа метафизического в плане неметафизическом. Однако рационализм Шанкары в достаточной мере подобен нашему мышлению, чтобы быть переданным вразумительно. Но с точки зрения нашего современного концептуального

стиля Шанкара далеко не удовлетворителен. Его метод рассуждения слишком схоластичен, а схоластика вышла у нас из моды уже лет двести-триста назад. Кроме того, проблема Шанкары была слишком упрощенной в сравнении со своей аналогией на Западе, поскольку он мог выставлять свои доводы для общины браминов со ссылкой на ведические источники. Мы, люди Запада, не приемлем традиции Вед, и таким образом аргумент Шанкары подорван в самом основании, насколько это касается действительности его на Западе. Следовательно, весь подход к Диане в форме, которая будет приемлема для западной психики, должен быть сделан из нового материала.

За истекшие два года я немало времени посвятил этой проблеме, которая и сейчас занимает центральное место в моем сознании. У меня готовится другая работа, в которой, полагаю, я внес определенный вклад в этом направлении. Я считаю, что, по крайней мере, некоторые фазы сознания на Западе сейчас достаточно подготовлены. В настоящее время "Психоанализ" д-ра Юнга представляет собой реальный подход к этой проблеме, но никакое заявление одного человека не может быть исчерпывающим. Однако "Психоанализ" подходит к самым Вратам, по крайней мере, в лице своего главного представителя.

Я убежден, что величайшее достижение западного гения состоит в развитии абстрактной мысли, венцом которой является высшая математика. Освобождение мысли от зависимости от чувственного образа — дело огромной трудности. Пока мысль не обрела такой способности, она не в состоянии проникнуть в Царство Безобъектного сознания. В таком случае, если понятно, как много сделано в этом направлении в области высшей математики, легко видеть, какой могучий инструмент для практики Дхианы мы упустили.

В моем собственном опыте мысль на уровне Безобъектного Сознания была возможна благодаря использованию интеллектуальных способностей, раскрытых в результате многолетней математической дисциплины. Требования, предъявляемые к воображению, вполне соответствовали тем, что необходимы для изучения систем высшего анализа и неевклидовой системы геометрии. Я полагаю, что очищенный таким образом западный интеллект на высшем уровне своего развития может перенести мысль дальше в Сферу Глубинности, чем это было возможно до сих пор, ибо мысль здесь больше не "преграждается" чувством.

То, что я говорил до сих пор, относится к одному "крылу" Озарения. Полное Озарение требует развития Эроса, равно как и Логоса. Как раз в раскрытии Эроса Запад слаб в особенности. Сильный акцент на Любви в христианстве является психологическим доказательством этого. Только люди, слабые в любви, нуждаются в подобном акцентировании принципа Эроса. В этом мы видим компенсирующее действие неосознанного момента в психике. Наша любовь слаба, и в своих проявлениях часто бывает просто сентиментальной. Иначе развитие нашего интеллекта не было бы столь разрушительным — черта, хорошо иллюстрируемая положением в мире с 1914 года. Вследствие нашей слабости в раскрытии Эроса практическая Дхиана должна будет ориентироваться на соответствующую компенсирующую дисциплину. Ибо одностороннее Озарение посредством понимания будет слабым в Сострадании, и таким образом не достигает высших возможностей. Однако с перспективы одностороннего Озарения можно направить необходимую дополняющую фазу действия воли на скрытое семя Любви.

Культивирование высшей Любви очень трудно, так как для чувства гораздо сложнее добиться отрешенности от объекта, чем для мысли. Это очень высокое достижение — быть способным излучать Сострадание без мысли о награде и с готовностью предоставить полную свободу объекту своей любви. И все же, пока Любовь не достигла этой высоты, она остается сентиментальной. А для того, кто бит сентиментально, Сострадание может показаться холодным, хотя на самом деле Оно есть тепло истинного Солнца.

Именно потому, что функция мысли наиболее развита на Западе, я считаю, что интеллект должен быть ведущим в западной Дхиане. Но его следует воспитывать с тем, чтобы он не оставлял более слабым Эрос. Здесь-то и столкнется Запад со своим величайшим испытанием. Ибо скаковая лошадь и осел не составят хорошей упряжки. Да, здесь-то и будут у Запада свои заботы. Я чувствую, что конфликт этот и есть то самое место, где психоаналитики окажут нам огромную помощь при условии, что они будут достаточно одухотворенными.

* * *

Осведомленным последователям традиционных учений может показаться самонадеянным, что я вынужден подвергнуть сомнению старые методы и прибегать к новым символическим интерпретациям. Но в ответ тем, кто так считает, можно привести лишь слова признанных Мудрецов. Всякое цепляние за традиционный метод и традиционное толкование есть лишь тонкая форма привязанности и, следовательно, — препятствие к Озарению. Любой метод, который работает, прагматически оправдан, и ни один метод как таковой не является чем-то священным. Затем, по поводу толкования, я вынужден лишь напомнить тот факт, что нет такой вещи, как исключительно верная символическая интерпретация немислимой Реальности. Какой-нибудь обоснованный символ вследствие привязанности очень легко может обрести силу еретической догмы. Кроме того, обоснованность символа — дело относительное. Хотя немислимая Реальность вечна, тем не менее, любой символ есть некая временная сущность и подвержен как таковой процессу старения. Влияние всякого символа соответствует особому психическому комплексу эпохи и народа. Именно тот символ наиболее эффективен, который служит лучшей коррективой психического комплекса в данной ситуации. Символы предназначаются не для Тех, кто Пробудился, но для тех, кто нуждается в коррекции их теперешних состояний сознания.

Хотя есть много действенных символов, имеющих совершенно различный вид, тем не менее, все они имеют некоторые общие черты. Важнейшую общую черту легко можно передать в абстрактных терминах. С этой целью я обращаю ваше внимание на простой логический принцип. То, что можно испытать или о чем можно подумать, существует по контрасту со своей противоположностью. Иначе говоря, никакой отдельный элемент сознания невозможно изолировать из всей полноты сознания. Всю вселенную всякого возможного опыта или мысли можно условно разделить на: объект, состояние или функцию — и их противоположность. Обозначим любой такой объект, состояние или функцию буквой “А”, и тогда вся вселенная возможного опыта или мысли есть либо “А”, либо “не А”. Но окончательная Реальность Озаренного Сознания не скрывается ни в одном из этих разделений, и таким образом мы говорим, что она есть ни “А”, ни “не А”. Можно всю жизнь посвятить перечислению возможных достоинств “А” и применению этого принципа в каждом индивидуальном случае, но весь смысл, который извлекут в результате таких трудоемких усилий, уложился бы в двух вышеназванных положениях. Такова сила абстрактной мысли. Если почитать наиболее философские из буддийских сутр, то обнаружится, что множество страниц посвящено детализированному приложению указанного принципа с почти бесконечным повторением. Несомненно, повторение создает мощный психологический эффект, но сущность всего этого можно передать логически в одном-двух положениях. Тогда что же есть то, что не есть ни “А”, ни “не А”, если придать “А” любое мыслимое или испытываемое достоинство? Для самого мыслителя оно вообще похоже на ничто. Потому его зовут Пустотой, ибо так оно представляется сознанию, привязанному к относительному. Но если пройти через Врата Дхианы, оно оказывается принципиальной Полнотой, абсолютно выше постижения всякого возможного опыта или мысли. Современная субатомная физика предоставляет нам иллюстрацию, которая так же хороша, как и любая из мне известных. Когда две материальные сущности, из которых одна есть как раз отрицание другой, такие как позитрон и электрон, приводятся в столкновение, результатом является их взаимное уничтожение. На их месте остается вспышка излучения, которая распространяется

неограниченно по всему пространству. Теперь, если бы наша способность физического наблюдения была ограничена областью позитрона и электрона, мы могли бы заключить, что результатом этого соединения было абсолютное уничтожение. Но сейчас мы можем видеть, что это не так, а вернее — что разрушение материи в одном состоянии имело следствием свое продолжение в совершенно ином состоянии. Таков же эффект взаимного аннулирования всех дихотомий опыта и мысли. Вспышка излучения, которое неограниченно распространяется по всему пространству, является символом Озаренного Сознания.

С учетом сказанного в двух последних абзацах, становится понятным разумное объяснение разных методов практики Дхианы, а равно и основание разных символов Благородной Истины. Но хотя это разумное объяснение просто, практика обычно очень трудна. Достигнуть такого взаимного аннулирования практически значит вызвать мистическую Смерть, а это всегда требует веры и мужества. Возможно также, что успех будет иметь результатом индивидуальную бессознательность. Отсюда, действительную практику Дхианы можно рекомендовать лишь тем, кто к ней готов. Сущность такой подготовки состоит в развитии способности удерживать сознание обособленно от всех объектов. Этот вид Сознания присутствует всегда, как бы окружая функционирование относительного сознания. Его можно изолировать путем самоанализа, когда наблюдаешь фантазмагорию появления и исчезновения объектов в потоке времени. Это то, что остается неизменным во всех переменах. Когда сознание наше научилось обращать свой фокус на эту вечно-присутствующую Матрицу Сознания, так что Сознание это само становится собственным объектом, способность оставаться индивидуально сознательным при таком взаимном аннулировании приобретена. Тогда настало время для перехода от воплощенного к Лучистому Сознанию. Нет ничего проще всего этого, и, тем не менее, нет ничего труднее.

Приложение 2

СЛОВАРЬ

Адвайта (ск). —

Термин, относящийся к школе ведантистов, основанной Шанкарой. Буквальный смысл — “недвойственный”. Обычно — система мысли, созданная Шанкарой. Считается наиболее монистической из всех философий. Однако в строгом смысле внутренняя суть этой философии ни монистична, ни не монистична. Отсюда правильнее назвать ее недуалистичной.

Амброзия. —

В греческой мифологии — небесная субстанция, способная даровать бессмертие (слово это значит — “бессмертный, не умирающий”). Часто понимается как некая пища или напиток. Санскритский эквивалент — Амрита. В обычном употреблении слово это используется в фигуральном смысле. Однако в нашей книге это не так. Амброзия есть реальная Субстанция и в то же время Сила и Трансцендентное Сознание, в котором субъект и объект слиты воедино. Всякое подлинно глубокое проникновение в это Трансцендентное Сознание приведет индивидуума к непосредственному слиянию с этой Амброзией. Она отличается свойством явной вещественности и в то же время — текучести. Но Она текуча в каком-то смысле так, как текуче электричество, более, чем обычный газ или жидкость. Легко понять, почему в качестве олицетворяющих Ее символов предлагается Вино, затем Чаша, Святой Грааль. Таким образом, поиск Святого Грааля есть поиск Бессмертной Жизни. Кровь или Царская Кровь — другой

символ, передающий тот же смысл. Здесь имеется в виду жизнь, что в отношении Царской Крови явно значит — Бессмертная Жизнь. Символизм Господней Вечери имеет непосредственное отношение к Амброзии. Хлеб олицетворяет вещественность, а вино или кровь — текучесть, жизнедающее начало. Войти в Космическое Сознание — значит, вкусить Амброзии, что дарует Бессмертие, хотя это и ни в коей мере не весь Ее смысл. Кроме того, это не просто первоначальное бессмертие, в котором участвуют все вещи, но бессмертие, связанное с самосознанием, а, следовательно — индивидуальное. Это бессмертие приобретает человеком, а не просто автоматически наследуется. В этой книге об Амброзии часто упоминается как о Потоке. В психоанализе д-ра Юнга термин “либидо” приобретает в своем наиболее утонченном развитии значение, которое приближается к смыслу Амброзии. Таким образом, становится возможным считать Либидо Божественным.

Ананда (ск). —

Буквальное значение — блаженство, радость, счастье. Это определенный аспект амброзии. Отсюда выражения “поток радости”, “поток блаженства” и т. д. Одно из замечательных свойств Высшего Сознания состоит в том факте, что разные качества, в которых Оно проявляется субъектно-объектному сознанию, не разделены четко, а смешаны, слиты. И Блаженство, Бессмертная Жизнь, Знание в высшем смысле не есть три отдельных факта, но скорее — три аспекта одного факта, или Реальности. Ананда, однако, ближе стоит к чувствам, чем к познавательной способности. Отсюда трансцендентность, достигнутая в первую очередь через чувства, проявляется больше всего как Блаженство, чем как Знание, но такое разделение здесь не является абсолютным.

Атман (ск). —

“Самость”, “Я”, “Я есмь” и “Субъективный момент сознания”. В высшем смысле это вселенский Дух или Высшая Душа вселенной. Когда подчеркивают этот высший смысл, обычно пользуются термином “параатман”. Атман иногда употребляется в смысле “божественная монада”, или седьмой и высший принцип в человеке. Бывает, однако, иное использование этого слова в менее высоком смысле, когда этот термин прилагается к личному эго. Учение Гаутамы Будды об анатмане в более доступном смысле относится к личному эго и доходит до отрицания самосущности этого эго. Однако, есть более высокий метафизический аспект учения об анатмане, которое составляет одну из самых древних и глубоких идей во всей метафизической мысли. Внешне кажется, будто анатмане Будды и Атмавидья, или Знание “Я” Шанкары, заключают в себе противоречие. Однако это не так, поскольку это вопрос различных акцентов, а также подхода к одной и той же Трансцендентной Реальности. Атман Шанкары здесь пишется с большой буквы, а “анатман” Будды — с маленькой. Это дает ключ к примирению этих двух учений. Однако внутренняя суть учения Будды глубже, чем у Шанкары, но это труднее понять.

Авидья (ск). —

Неведение или противоположность подлинного Знания. Это не есть неведение в обычном смысле отсутствия информации. Всякое сознание или знание, как бы высоко оно ни было развито, будучи ограниченным субъектно-объектной множественностью, есть Авидья. Лишь Те, кто пробудился к Высшему Сознанию, Трансцендировали (превзошли) Авидью, или неведение. Авидья — это подлинная причина человеческих страданий, рабства и зла. Точно так же они уничтожаются, когда уничтожено Неведение.

“Бхагавад Гита” (ск). —

Одно из наиболее известных индийских религиозных писаний. Она написана почти целиком в форме диалога между Кришной, который олицетворяет собой “Я”, Атмана или Космическое Сознание, и Арджуны, символизирующего эгоистического человека действия, Дает краткое резюме Путь, которыми можно достигнуть единения, или Йоги. Одно из самых важных руководств, указывающих Путь к Космическому Сознанию.

Будда (ск). —

Буквально — “озаренный”. Это Озарение есть Трансцендентное Знание в самом высоком смысле. Это Состояние Знания, в котором истинное “Я” познается, как оно есть. Это Сознание; которое обособлено от всего преходящего и конечного, или просто феноменального. Состояние Будды — Высшее Состояние Святости.

В буддийской общине есть обычай называть человека, который достиг Озарения, Буддой. Как Будда наиболее известен Гаутама, принц из Капилавасту после своего Достижения, но были будды и до него, достигли Озарения с тех времен и другие. Но тот, кто родился Гаутамой, является величайшим из будд, появившихся в исторические времена.

Буддизм — название, данное религиозному движению, истоки которого — в жизни и учении великого Будды. Но, говоря более строго, буддизм означает неизменное учение или Дхарму, которая кроется за всем, что преходяще.

Буддхи (ск). —

В микрокосмическом смысле это — Духовная Душа человека и инструмент Атмана, или Духовного “Я”. Буддхи можно считать также развоплощенным Разумом, Основой распознавания, различения и способностью постижения Чистого Смысла. Это также Сострадание в самом высшем смысле, самая Душа Закона Гармонии и Равновесия. В Макрокосмическом смысле Это — Вселенская Душа.

Чит (ск). —

Отвлеченное (абстрактное) сознание. Чистое Сознание, которое не является сознанием какого-либо объекта.

Чела (ск). —

Ученик. Отношения чела со своим Гуру гораздо ближе, чем отношения ученика и учителя. Фактически эти отношения самые близкие из всех человеческих отношений. Хотя чела обычно получает большее или меньшее количество наставлений (инструкций), основная роль Гуру — произвести преобразование в сознании чела, чтобы в нем могло пробудиться то, что называют “Космическим Сознанием”.

Сознание —

В самом непосредственном смысле — состояние сознания. В широком, хотя и в менее распространенном смысле, сознание — это состояние, в котором мы находимся, когда не пребываем в состоянии сна без снов. Довольно часто это слово употребляется в смысле, который следует ограничить понятием самосознания или сознания того, что ты сознателен. Сознание, которое не является само сознательным, очень часто считается бессознательным. Весь вопрос о том, что такое сознание, становится делом очень тонким, если индивидуум пойдет дальше поверхностного смысла.

Сознание “Я” —

Это сознание субъекта всего сознания, но в самом высоком смысле это не есть сознание субъекта, рассматриваемого как объект. Его можно назвать сознанием, обращенным к своему источнику, или позитивному (положительному) полюсу сознания. Крайне трудно достичь этого сознания, так как оно очень легко сводится к сознанию какого-то тонкого объекта. Достигнуть сознания “Я” во всей его чистоте — значит пробудиться к Космическому, или Трансцендентному Сознанию. Иногда вышеуказанный смысл подразумевается, когда употребляют термин “самосознание”, но гораздо чаще последнее означает сознание того, что ты сознателен.

Космическое сознание —

В строгом смысле это сознание на уровне какого-то космического плана Бытия, и таким образом не является сознанием форм или феноменов. Однако термин этот используется этой книге в несколько более вольном смысле, более приближающимся к тому, который дан д-ром

Бекком в его книге “Космическое Сознание”. В этом последнем смысле всякое сознание, достигнутое благодаря Пробуждению из кристаллизованного субъектно-объектного сознания, называется космическим сознанием. Оно, таким образом, занимает зону промежуточную между субъектно-объектным сознанием и Космическим Сознанием в строгом смысле этого слова (см. “Трансцендентное Сознание”).

Поток блаженства или радости. —

См. “амброзия”.

Дхарма (ск). —

Святой закон или учение; часто используется в смысле, в некотором роде аналогичном слову “долг”, но это последнее толкование обманчиво. Оно, скорее, передает смысл подлинного равнения на Сущностное Бытие или Реальность — в мысли, чувстве, действии.

Дхиана (ск). —

Врата, или Инструмент Праджны, Трансцендентной Мудрости. Ее можно считать более высокой функцией сознания вне сферы методик теперешней западной психологии. Часто переводится как “медитация”, но это обманчиво, так как медитация (размышление) большей частью имеет дело с каким-то содержанием, тогда как Дхиана есть Путь Сознания, который превосходит содержание.

Самадхи (ск). —

Экстатическое состояние, при котором индивидуум пробуждается к какому-то более или менее трансцендентному уровню. Может повлечь за собой, а может и не повлечь состояние транса. Есть несколько степеней Самадхи. Это средство перекрестного соотнесения между разными уровнями сознания, ни в одном из которых сознание не проявляется в одной и той же форме. Значение термина Самадхи не отличается резко от значения Дхианы, за исключением того, что Дхиана есть Врата к Праджне — Трансцендентной Мудрости, тогда как есть меньшие виды Самадхи, которые открывают Врата уровням сознания в принципе ниже Трансцендентной Мудрости.

Сансара (ск). —

Буддийский термин, заключающий в себе тот же смысл, что и выражение “мирская сфера”, используемое в тексте. Имеет, однако, более широкое сопутствующее значение, так как включает в себя все уровни сознания, в которых есть сознание объекта в сочетании с заблуждением, будто объект существует независимо от наблюдателя. Следовательно, состояние сновидений, хотя и является частью мирской сферы, в более узком смысле относится к Сансаре. Сравнительно субъективные царства, такие как разные небесные миры, чистилища и ад, также относятся к сансаре. Даже относительно высокий порядок пророческого Видения, как у Сведенборга, проникает не дальше высших аспектов Сансары. Однако Озаренное Сознание включает в себе возможность познавания объектов, но отличие в данном случае состоит в том факте, что Осознается зависимое существование объекта. Такое познавание не является сансарическим, так как оно не подразумевает рабской привязанности к объекту. До тех пор, пока верят в независимость объектов (состояние, подразумевающее привязанность к объектам), — сансара проявляется как Враг, то есть Мара, сатана и т. п. Но едва это заблуждение уничтожено, Сансара в этом смысле исчезает. Это исчезновение Сансары относят к прошлому, равно как и к настоящему и будущему, так как она не только перестает быть, но оказывается точно так же, что ее никогда и не было. Это тайна для относительного сознания, которая становится понятной только благодаря преображению основания сознания, известному как Пробуждение.

Говоря языком психологии, Сансара есть изолированный психический комплекс, и таким образом составляет угрозу для интеграции (единства). Предоставленное самому себе состояние Сансары ведет к истощению жизненного тока и к настоящей бессознательности. Практическая функция разных расовых и мировых Спасителей — создание прагматического

смыкания этого изолированного комплекса с Коренным Источником Жизни и сознания. У ученика эта функция является более или менее сознательным соотношением, а у массы людей она действует через психологическую бессознательность. Без функции Спасителей состояние большинства людей было бы совсем безнадежным. Функцию Спасителей можно считать религиозной, философской или психологической. Форма толкования не важна при условии, если она делает эту функцию приемлемой для людей.

Санкхья (ск). —

Одна из шести индийских школ философии, созданная Капиллой. Учит дуалистической системе, в которой дух и материя оба рассматриваются как вечные, а не просто как аспекты общего и абсолютного основания.

Сат (ск). —

Термин этот скорее символизирует Абсолютность, чем Абсолют. Это все присутствующая, вечная и неизменная реальность, то, что не есть ни Бытие, ни Небытие, но является основанием всего этого. Упоминается в том же смысле, что и Шуньята, Дао, Дхармакайя или сознание без объекта и без субъекта.

Самосознание —

В самом высоком смысле это сознание высшего “Я”. В более обычном смысле это сознание того, что ты сознателен; подразумевает признание, что есть воспринимающий субъект, и необязательно — Признание чистого Сознания “Я”. Самосознание отличает сознание человека от животного сознания.

Шанкара (ск). —

Имя философа-брамина, который вообще рассматривается как величайший из мудрецов Веданты. Он — основатель философии Адвайта (недвойственности). Его философия вместе с философией Будды считается самой монистической из провозглашенных когда-либо. По сути, нет никакого различия между Буддой и Шанкарой, но последний дал более понятное философское изложение. Однако Шанкара достиг лучшего изложения ценой частичного сокрытия чистой Дхармы. Будда представляет высший синтез, тогда как Шанкара — лучшее выражения одного крыла буддийского Озарения.

Субъектно-объектное сознание —

То же, что и относительное сознание. В этом термине подчеркивается субъектно-объектный характер обычного человеческого сознания.

Шуньята (ск). —

Буквально “пустота”. То же, что и Дхармакайя. Пустота эта такова лишь для относительного сознания. На самом деле это единая субстанциальная реальность. Часто поднимают вопрос — есть ли смысл говорить о конечной Полноте как о Пустоте, поскольку психологически последний термин часто вызывает затруднения. Но есть еще более значительная психологическая трудность, которая проистекает из того факта, что всякий образ полноты, который можно представить относительному сознанию, предполагает объективное содержание. Результатом является подмена одного сансарического состояния другим, а это не есть Озарение. Подлинное Озарение подразумевает радикальное снятие всякой привязки к объекту, а, следовательно, устремление ученика должно быть направлено на то, что ни в коем случае не является, объектом ни в каком смысле. Для относительного сознания это может лишь значить диаметрально противоположность кажущейся Пустоте.

Тамас (ск). —

Качество бесстрастия в низшем смысле, безразличие. Это полярная противоположность Высокой Беспристрастности, которая является состоянием совершенной аффективной полноты или равновесия. Свойство тамаса тяготее к настоящей смерти или бессознательности.

Трансцендентное сознание —

В этой книге очень важный термин и требует специального обсуждения. В самом широком смысле Трансцендентное находится в коренном противоречии с эмпирическим. Это то, что лежит выше (вне) опыта. Следовательно, Трансцендентное Сознание есть внеопытное сознание, а поскольку опыт можно рассматривать как сознание в потоке становления или под влиянием времени, то данный вид сознания неизбежно является безвременным сознанием. Подлинность такого Сознания никак нельзя доказать непосредственно из опыта, когда этот последний термин берут в таком ограниченном смысле. Таким образом, это либо некая философская абстракция, либо прямое мистическое Познание (признание). В этой книге его подлинность утверждается на основании прямого мистического Признания. Этот термин используется здесь не как синоним Космического Сознания, но предназначается для чистого бесформенного мистического Сознания. А мистическое сознание, которое передает содержание в терминах тонкой формы или языком, заключающим в себе множественность любого рода, я называю Космическим Сознанием.

Со времени появления “Критики чистого разума” многие студенты-философы утверждали, что Кант определенно показал невозможность всякого трансцендентного сознания или знания (трансцендентальный элемент в апперцептивной способности “Я” отличается Кантом от трансцендентного). Если бы мы предположили, что кантовский анализ охватывает все возможные функции сознания, то конечно, вышеприведенное заключение было бы неизбежным. Но вся проблема держится на подлинности функции Дхианы, которая пребывает вне сферы кантовского анализа, равно как и вне сферы достижения методики западной психологии. Поскольку мой случай основывается на утверждении подлинности функции Дхианы, на него нельзя ответить простой сноской на прежнюю критику. Напротив, обоснованная критика в этом отношении должна была бы сначала установить, что такой функции как Дхиана не существует. Это мог бы сделать только тот, кто был бы в состоянии доказать, что он знаком со всеми возможностями сознания и не нашел никакой функции Дхианы. Негативное доказательство возможно только тогда, когда определены все возможности; и хотя этот метод часто успешен в математике, всегда предполагается четкое определение всей сферы обсуждаемого рассуждения. Но с точки зрения современной эпистемологии это является произвольным. Возможность доказываемая либо опытом, либо осуществлением, а теоретическое определение всех возможностей — дело совсем иное.

Я вполне сознаю, что научное воображение проявило огромные способности в изыскании объективных интерпретаций всех наблюдаемых феноменов. Существует также сверхлогичный канон науки, согласно которому предположение истины должно быть гипотезой, которая не нарушает установленные формы интерпретации. Но логически это не более, чем ссылка на авторитет стиля или традицию. Что касается меня, то я не разделяю этого суеверного почтения к стилю и обычаю, а испытываю уважение лишь к логичности науки. Но все это применимо только к феноменам, поддающимся наблюдению. Когда мы касаемся исполненного смыслом содержания сознания, мы явно оказываемся вне сферы западной научной методики, хотя, следовательно, и вне сферы всякой возможной науки. Так вот, лишь имея дело с этим исполненным смыслом содержанием, можно достигнуть сферы Дхианы.

Трансцендентное знание —

Термин этот утверждает Знание, подлинность которого современные философы-эмпирики как будто отрицают. Верно, что нет такой вещи, как трансцендентное субъектно-объектное знание. Но термин этот используется здесь не в таком смысле, а скорее как “знание путем тождества”. Тогда возникает следующий вопрос: какова разница между трансцендентным сознанием и трансцендентным знанием? Разница эта, как известно, весьма тонкая. Можно сказать, что это трансцендентное сознание отражается через знания. Таким образом,

трансцендентное сознание, проявленное через “quale” чувств (аффектов) не было бы Трансцендентным Знанием. Утверждение реальности этого Знания подразумевает, что Знание может нисходить из Трансцендентного в сферу относительного. Это не значит, что всякое знание непременно имеет этот источник, так как в некотором смысле верно, что какое-то знание проистекает из опыта. Следуя индийской терминологии, это нисходящее знание было бы Видья, тогда как просто эмпирическое знание — Авидья.

Веданта (ск). —

Это группа систем, которые дают философское толкование Упанишад. Самая ранняя система Веданты начинается с Вьясы, и ей, по меньшей мере, 3300 лет. Самую систематичную и философски адекватную формулировку дал Шанкара около 2500 лет назад. Эта последняя известна как Адвайта Веданта — наиболее последовательная монистическая философия из существующих. Именно в этом последнем смысле Веданта и упоминается в этой книге. Веданта, подобно философии и гнозису, подразумевает нисхождение Истинного Знания с Трансцендентного Уровня.

Эгоистическое сознание —

Это сознание своего “я” как отличного от других “я”. Чувство, будто “я” есть “я” и никто другой. Противопоставляется состоянию Сознания, известному как Будда, в котором ощущение себя отличным от других “я” уничтожается. Эгоистическое сознание есть главный барьер к Освобождению или Озарению.

Пустота, являющаяся полнотой —

Трансцендентное Сознание кажется как бы пустотой с точки зрения субъектно-объектного сознания, но, Реализованное трансцендентно, Оно познается как предельная Полнота.

Гуру (ск). —

Духовный учитель. По существу не является учителем какой-то информации, а тем, кто направляет и питает Пробуждение Чела — ученика.

Гуру-поток —

Выражение “гуру-поток” используется в смысле общего духовного влияния или силы, которая направлена на Пробуждение Духовного Сознания в стремящемся.

Карма (ск). —

В общем смысле принцип закона в действии. Более специально — идея нравственной причинности, передающая смысл, который отчасти совпадает с западной идеей причинности, а отчасти — с идеей судьбы.

Кришна (ск). —

Индийский Спаситель, живший около пяти тысяч лет назад. Это имя выступает в Бхагавад Гите как символ Высшего “Я”. В этом смысле Кришна есть принцип, в некотором роде аналогичный мистическому Христу Св. Павла.

Освобождение —

Сознание в состоянии Свободы от привязанности к форме. То же самое, что Сознание Нирваны.

Лока (ск). —

Некое поле или сфера сознания, силы и субстанции, подверженная определенному принципу изменения. Таким образом, форма сознания, определенная “Критикой чистого разума” Канта, была бы какой-то конкретной Лока сознания. Сознание, влившееся в иную форму, было бы другой Лока и т. д. Ад, чистилище и рай Данте суть три Лока сознания. В конечном счете, мы должны считать сознание каждого индивидуума какой-то Лока. Термин этот имеет и широкое и узкое значение. Освобожденное или Нирваническое Сознание одно лишь не является Лока, поскольку таковое есть Чистое Сознание, свободное от наложения формы.

Манас (ск). —

Очень часто переводится как ум, поскольку это его буквальное значение. Однако слово “ум” в западном употреблении, в особенности в философии, приобрело гораздо более широкий

смысл, чем “манас”. Так что перевод этот часто сбивает с толку. Манас имеет также значение более высокого Эго или чувствующего реперопродуцирующегося принципа в человеке. Именно манас делает человека разумным и нравственным существом. Это — первая отличительная черта человека, когда его противопоставляют животным и неразумным духовным существам некоторого порядка.

Мара (ск). —

Персонифицированная сила зла или соблазна. Она враждебна тому, кто стремится вступить на Путь, ведущий к свободе от рабства воплощенного сознания. Иными словами, Мара — это великое препятствие к Космическому или Трансцендентному Сознанию.

Майя (ск). —

Иллюзия. Это сила, которая делает возможным феноменальное существование и, следовательно, господствует над потоком становления. Противоположный ей принцип — Реальность, утверждающий лишь то, что вечно и неизменно.

Нирманакайя (ск). —

Особая форма воплощения, которую может принять тот, кто достиг Озарения и все еще сохраняет соотношение с относительным сознанием. Эта наиболее объективная фаза Трикайи, где две другие фазы — Самбхогакайя и Дхармакайя. Доктрина Трикайи довольно запутанна и ее просто невозможно понять неозаренному относительному сознанию. С одной стороны, их можно рассматривать как три тела Будды, а с другой — это безличные метафизические понятия. На этом Уровне нет четкого деления между принципами и сущностями, что характерно для относительного мышления. С одной точки зрения, довольно распространенной среди западных учеников, эти три Кайи считаются соответствующими состояниями сознания, которые можно предпочесть в некотором замкнутом и исключительном смысле. Таким образом, Дхармакайя считают отличной от Нирманакайя. Но более глубокая истина в том, что цельный Будда сознателен на уровне всех трех Кайя и таким образом сразу является Дхармакайей, Самбхогакайей и Нирманакайей. Сущность, которая завоевала эту Тройственную Корону, соединяет в себе возможности неотносительного и относительного миров. Мы можем представить себе какое-то неполное Озарение, которое достигает только уровня Нирманакайя, или Озарение иного вида, которое доходит до главной сути Шуньяты в соединении с отказом принять какое-либо соотношение с относительным сознанием. В этом случае у нас было бы исключительно состояние Дхармакайи. В таком случае существовало бы отличие между Дхармакайями и Нирманакайями. Такие Дхармакайи неспособны повлиять на судьбу относительного сознания, исключая тех, кто добился Тройственной Короны. Но эти последние настолько же Дхармакайи, насколько и Нирманакайи. Таким образом, в принципе нет исключительного деления между этими тремя Кайями.

Состояние Дхармакайи в духовном отношении выше всех, но в смысле гуманности особо почитается Нирманакайя, поскольку именно через Нирманакайю и только через нее возможно искупление человечества. Однако свет Нирманакайи извлекается от Дхармакайи, и таким образом важна разница не между Дхарма и Нирманакайями, а скорее противоречие между чистой Дхармакайей и объединенной Дхармакайей, Самбхогакайей и Нирманакайей. Именно это соединение и связывает трансцендентное с относительным.

Нирвана (ск). —

Хотя значение этого термина как он используется в литературе не является однозначным и относится иной раз к чистой субъективности, а иной раз заключает в себе Шуньяту, легче, кажется, ограничить его первым значением. Нирвана, таким образом, выглядит как противоположность объективного сознания, но входит в Шуньяту, которая объемлет как объективные, так и субъективные возможности. Нирвану можно считать сознанием без объекта, но с Субъектом, тогда как Шуньята есть сознание без объекта и без субъекта. Обе

бесформенны в смысле содержания. Этот последний факт дает основание для объединения этих двух состояний в понятии “угасший” — буквальный смысл Нирваны. Но это приводит к путанице, так как разница между чистой субъективностью и Шуньятой столь же велика, как различие между чистой субъективностью и объективным сознанием. Конечно, ни то, ни другое состояние невозможно себе представить относительно сознанию, но значительное прояснение достигается созданием какой-то мыслимой логической модели.

Мы можем рассматривать Нирвану как освобождение, а Шуньяту как Озарение. Не Нирвана, а Шуньята есть “*summit bonum*”. Есть основание полагать, что Запад может найти Озарение более приемлемым, чем Освобождение. Хотя чисто субъективное Освобождение особенно близко религиозному чувству индийца, оно не представляется столь важным для более активного сознания человека Запада. А Озарение занимает нейтральное положение между этими двумя. Поскольку главным акцентом Будды было не Освобождение, а также и не Озарение, Он является наиболее подлинным мировым духовным учителем, известным в исторические времена. Шанкара обращался к индийцам, а более конкретно — к общине браминов, тогда как Иисус ориентировался на более объективный западный дух. Таким образом, ни один из них не является Мировым Учителем синтеза. Они скорее выглядят специалистами. Индуизм ни в коем случае невозможно пересадить на западную почву, а христианство никогда не будет подлинно действенной силой в Индии или Китае. Но у Будды и в Дхарме Будды находится общее единое основание для человека субъективной и объективной натуры. Так что, хотя Адвайта Веданта Шанкары с одной стороны лишь слегка отличается от буддизма, с другой — западный ученик находит многое в буддизме, что звучит как его собственная мысль. И все же все время существует заметное различие между Ведантой и духом западной науки. Повторяю — Будда — единственный Мировой Учитель из известных.

Нирвани (ск) —

Тот, кто достиг Нирваны, следовательно — Освободившаяся Душа. В общем, совершенный индивидуум становится Нирвани только после смерти физического тела, но есть некоторые, величайший из которых Гаутама Будда, кто достиг этого состояния еще при жизни.

Нирвикальпа самадхи (ск) —

Высшая форма экстатического сознания, возможная для человека. Его можно считать чем-то вроде сознания Нирваны, видоизмененного разумом, сохраняющего соотношение с физическим телом. Это состояние Бесформенного Сознания. Кажется, является правилом, что Состояние это достигается лишь в глубоком трансе, но его можно достигнуть и без транса, хотя в этом случае налицо явное затуманивание внешнего сознания. Хотя Будда не осуждал состояние транса, он не считал его нужным и отстаивал Реализацию без всякого транса.

Приложение 3

ВЫСОКАЯ БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

Событие, истолкованное в этом разделе, составляет кульминационный пункт всего цикла. Оно произошло почти в точности через 33 дня после начального Перехода. У меня было предупреждение проследить за временным циклом 33, но не было и намека — будут ли это годы, месяцы, недели или дни. Я уже не очень-то доверял мысли, что это лишь вопрос дней. Во всяком случае, вплоть до 8-го сентября я не обратил внимания, что прошло около 33 дней. На самом деле мое внимание было почти исключительно занято потоком идей, которым я давал формулировку. Я явно не стремился больше ни к чему иному и не имел ни малейшей мысли о том, что бы еще такое могло произойти. Таким

образом, это второе Преображение было совершенно спонтанным, или самонаправленным, что касается какого-то сознательного усилия или стремления с моей стороны.

Интерпретация этого кульминационного Перехода представляет необычайные трудности. Результат первого усилия был далеко не удовлетворительным. К концу второго периода — снова 33 дня — я вновь оказался в состоянии исключительной ясности и предпринял новые попытки толкования, в чем преуспел гораздо больше. Эта формулировка приводится в тексте. Общей чертой всех мистических состояний является то, что их невозможно передать адекватно в любой концептуальной формулировке. Причина этого ясна, если понять, что сущностью мистического состояния является Сознание, которое не входит в субъектно-объектные рамки. Всякий же язык, напротив, предполагает такие рамки. Таким образом, идея, которая по необходимости является объектом сознания, не может содержать или представлять в обычном смысле ценности сознания, где субъект и объект соразмерны. Но более обычное мистическое состояние имеет определенное действительное содержание, на которое можно намекнуть достаточно хорошо, так что всякий может почувствовать, что оно желательно. Ибо состояния блаженные, счастливые или радостные вполне естественно желательны для всякого человека. Вследствие этого, и насколько я помню — только вследствие этого — и возможно типично эгоистическому человеку желать, а, следовательно, и искать монистического Осуществления. Но когда мы имеем дело с понятием о состоянии Сознания, которое не только выходит за рамки субъектно-объектного, но еще характеризуется как нейтральное по отношению к Блаженству и его противоположности, то кажется, что здесь мы имеем что-то, находящееся совершенно вне сферы человеческого понимания или желания. А то, что к тому же состояние такое должно отличаться высшим превосходством и даже может предпочитаться состоянию Блаженства, явно кажется, мягко выражаясь, фантастическим. Тем не менее, я могу засвидетельствовать, что это так. Однако все усилия, которые я приложил к тому, чтобы сделать этот факт убедительным для других, оказались безуспешными. На деле я нашел, что те индивидуумы, которые ближе всего подошли к смыслу, который я стремился передать, склонны были пугаться этого. Другие просто не понимали, о чем идет речь, разве что в некотором отвлеченном или академическом смысле.

Временами я задумывался — благоразумно ли опубликовать описание этого более глубокого состояния сознания. Два соображения привели меня, наконец, к положительному решению. Во-первых, напоминание автоматически защитит тех, кто еще не достиг подлинной зрелости, чтобы встретить Истину лицом к лицу. Во-вторых, именно этот кульминирующий Переход и является краеугольным камнем в философском утверждении, которое созрело у меня в уме как результат всего этого цикла. Именно вследствие этого цикла Познания, и только благодаря ему, результирующая стоит на гораздо более фундаментальном основании, чем одно лишь спекулятивное построение систем. Это философия не каких-то произвольных понятий, но отражение в виде философского символа осознанной Реальности. Таким образом, исключить описание подлинного раскрытия Сознания — значило бы дать этой результирующей философии повиснуть в воздухе чистой абстракции.

Никакое предшествующее чтение теософских или ведантических источников не подготовило меня ни к чему похожему на то состояние сознания, которое я назвал Высокой Беспристрастностью. Вплоть до тех пор мое знакомство с учениями буддизма было большей частью ограничено переводами извлечений из Северного Канона. Я знал, что буддизм учит доктрине Анатмана и Настиката, т. е. — нереальности “Я” и Бога. Но я понимал это в смысле нереальности личного или индивидуального “Я” и нереальности всякого антропоморфного Бога. Я не понимал, что существует еще более глубокая интерпретация этих доктрин. И лишь значительно позже цикла своих Признаний я получил в свое распоряжение переводы из Тибетского Буддизма, изданные Эвансом Вентцем, и “Библию Буддизма” Годара. В сделавшейся таким образом мне доступной литературе я впервые смог удостовериться в содержании Признания (Познания), вызванного Высокой Беспристрастностью. Двойкая неэгоистичность наиболее философских буддийских Сутр согласуется с моим обоснованным мистическим открытием. Предельно глубокое сознание превосходит высшее “Я” так же, как и эгоистическое “Я”. Аналогичным образом реальность Бога становится соразмерной с реальностью

“Я”. И до тех пор, пока есть видимость “Я”, равную реальность имеет и видимость Бога. Но с самого высокого уровня Признания (Познания) видно, что нет никакой независимой реальности, которая была бы привязана к понятию Высшего “Я” или Высшей Сущности. В некотором производном смысле оба реальны, но в окончательном, непроемном смысле нет ни Бога, ни “Я”, а есть просто Изначальное Сознание.

Подобно многим другим ученикам, я прежде предполагал, что понятие Нирваны указывает на самые предельные возможности сознания. Реализация Высокой Беспристрастности открыла реальность более всеобъемлющего Сознания. В то время я был скорее ошеломлен этим открытием и проделал почти неистовый поиск подтверждения в доступной мне тогда литературе. Я довольно ясно понял, что Сознание Нирваны стоит в полярном отношении к объективному сознанию, а потому не является синтезом. Но я чувствовал, что где-то в мистической литературе должно быть какое-то упоминание об этом состоянии Нирваны. В конце концов, я нашел такое упоминание, но только тогда, когда мне попали переводы из Тибетского Буддизма. Слово “Нирвана” не всегда используется в одном и том же смысле, и это является источником значительной неразберихи. Иногда оно относится к Шуньяте — состоянию, которое я в другом месте назвал “Сознанием без объекта” и “Сознанием без субъекта”. В целях ясности я ограничил употребление слова “Нирвана” значением “Сознание чистого Субъекта”. Многие философы-мыслители не только принимали субъектно-объектную форму за основной вид всякого сознания, но считали желание решающим фактором. Так, к примеру, прагматическая школа философии вводит желание или цель как существенную часть своей теории знания. Познать Высокую Беспристрастность, значит, узнать, что эта теория отличается лишь частичной обоснованностью. Прагматизм определяет лишь некий ограниченный сектор сознания. Самая суть Освобождения как раз выходит за рамки этого сектора. На уровне Высокой Беспристрастности нет никакого желания, но есть лишь неограниченная потенциальность. Чтобы найти Истину (Реальное), абсолютно необходимо превзойти желание. Но для связанного желанием сознания невозможно вообразить высшую ценность сознания, свободного от желания. В самом понятии желанной Безжеланности есть некоторое внутреннее противоречие до тех пор, пока как-то не Осознали это высшее состояние и таким образом не Узнали его превосходство непосредственно. Прагматическая эпистемология имеет лишь прикладную ценность в сравнительно узкой сфере сознания, и не более. В сравнении с Озарением прагматизм кажется дешевым.

В сутрах, содержащихся в “Библии Буддизма”, можно найти частые ссылки, касающиеся “обращения к самому глубокому основанию сознания”. Я нашел, что это также имеет двойкий смысл. Во-первых, обычное сознание привязано к объекту силой, которую можно назвать “гравитацией” (тяготением). Начальная борьба за Освобождение — это как раз борьба против этой силы до тех пор, пока, в конечном счете, не достигают момента, где она нейтрализуется. Это момент, особенно трудный на Пути, ибо прежняя мотивировка перестала работать, а противоположная сила еще не преобладает. Он легко может стать моментом отчаяния. На этом этапе можно продолжать работу только усилием воли без всякой помощи эмоций. Но если данный индивидуум упорствует, он вскоре оказывается в поле иной силы, которую можно назвать “левитацией” (невесомостью). С этого момента и впредь в течение всей последующей фазы притяжение субъекта действует так же спонтанно, как и ранее. Это явно какое-то “обращение” (поворот) в сознании. Но это еще не то “обращение к глубочайшему основанию сознания”. Это последнее требует отворачивания (поворота) от субъекта. Мое собственное сознательное участие в нем состояло в простом отказе от личного Блаженства. Что же касается всего остального, то оно как раз и произошло.

Считаю удачным, что до этого цикла 1936 года я не был знаком с более глубокими учениями буддизма, так как это придает всему циклу ценность независимого подтверждения. Это показывает, кроме того, что Будда открыл Всеобщую Реальность, а не просто что-то такое, что имеет силу для одного лишь восточного сознания. Тут мы соприкасаемся со скрытыми Корнями всякого Сознания.